

Д. В. Гришин

Дневник —

— писателя

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Д. В. ГРИШИН — ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Дорогой матери,
Л. Д. Гришиной, посвящаю.

**Д. В. Гришин, кандидат филологических наук, Москва;
доктор философии, Мельбурн.**

Д. В. ГРИШИН

**ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

**ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
МЕЛЬБУРНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.**

D. V. GRISHIN

THE DIARY OF A WRITER BY F. M. DOSTOEVSKY

First published in 1966.

The University of Melbourne, Parkville, N 2.
Melbourne, Australia.
Department of Russian Language and Literature.

P R E F A C E

As no previous systematic treatment of Dostoevsky's "Diary of a Writer" exists, Dr D. V. Grishin is breaking new ground in this critical study.

In its historical aspects the book presents an interesting and thorough analysis of the development of Dostoevsky's social, political and religious views. The author has successfully unravelled the complex relationship of these ideas to those of other Russian writers and thinkers of the period during which the "Diary" was written. His exposition of the relationship of Dostoevsky's ideas in the seventies, with those current in the forties and Dostoevsky's connection with members of the Petrashevsky group is particularly important as a contribution not only to an understanding of the "Diary" but also to Dostoevsky's studies in general.

In its literary and critical aspects Dr Grishin's analysis of the purpose, artistic method and content of the "Diary" is balanced and sensible. Important new light is thrown on Dostoevsky's methods of composition, his relationship to the naturalistic school and to other literary movements of the period, and the careful examination of the artistic form and unity of the "Diary" is masterly and original.

Critical study of the novels of Dostoevsky should be furthered and illuminated by this study of the "Diary".

Canberra

A. D. Hope.

ACKNOWLEDGEMENT

**This book is published with the help of Melbourne University's
Publication Fund.**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава первая	
Эпоха «Дневника писателя	
Внутреннее положение России	11
Литература радикальной интеллигенции	17
М. Салтыков-Щедрин	19
Н. Некрасов	29
Г. Успенский	30
В. Гаршин	34
Тенденциозность литературы радикальной интеллигенции	37
Тургенев и Толстой в 70-е годы	39
Тенденциозная литература правых групп и Достоевский	47
Глава вторая	
Достоевский в 40-е годы	51
Достоевский и натуральная школа	58
Творческая деятельность писателей натуральной школы	61
Роман Достоевского «Бедные люди»	65
Статьи Достоевского эпохи 40-х годов	69
Глава третья	
Достоевский и петрашевцы	77
Статья «За умершего» как свидетельство Достоевского о его деятельности в «тайных обществах»	96
Литературно-философская деятельность петрашевцев	100
Влияние идей петрашевцев на творчество Достоевского	112
Глава четвертая	
Генезис и предыстория «Дневника писателя»	121
Предыстория «Дневника»	134

Глава пятая

Композиция и содержание «Дневника писателя»	137
Публицистические статьи «Дневника»	153

Глава шестая

Художественная публицистика, критические статьи и художественные произведения «Дневника»	166
Критические статьи «Дневника»	180
Художественные произведения «Дневника» ..	186

Глава седьмая

Проблематика «Дневника писателя»	
Эстетические взгляды Достоевского	201
Социализм, религия, атеизм, самоубийство ..	216
Проблема «случайного семейства»	224
Лучшие люди	226

Глава восьмая

Россия и русские по «Дневнику писателя» ..	229
Россия и Европа	233
Достоевский и славянство	236

Глава девятая

Пушкинская речь Достоевского	244
Заключение	253
Примечания	254-270

ВВЕДЕНИЕ

Критическая литература о Достоевском очень обширна, но все исследования посвящены его романам. «Дневник писателя», издававшийся с 1873 по 1881 год, и состоящий из трех томов, все еще остается «белым пятном», хотя этот труд можно считать энциклопедией творчества Достоевского, экспериментальной лабораторией и складом материалов для других произведений.

«Дневник» — ключ к романам Достоевского. В нем обсуждается целый ряд важнейших проблем. В нем много ценных воспоминаний, проливающих свет на такие запутанные вопросы, как, например, деятельность Достоевского в кружке Петрашевского. В «Дневнике» напечатаны художественные рассказы, повести и критические статьи. «Дневник» имеет не только историческое, но и художественное значение. «Дневник» дает возможность выяснить творческий процесс писателя, понять особенности его «высшего реализма», его эстетические и философские взгляды.

В «Дневнике» отразился его создатель, в «Дневнике» Достоевский говорит во весь голос, в «Дневнике» ясно выступают положительные и отрицательные черты его личности и характера. «Дневник» дает верное представление о мировоззрении писателя. «Дневник» своеобразен, как и его автор.

«Дневник» имеет свою предысторию. Он не случайно вырос на пустом месте, а является завершением определенного цикла развития в творчестве Достоевского. Без знания «Дневника» нельзя понять Достоевского.

Критическая литература о «Дневнике» не отличается обширностью. На наш запрос в Лондон the assistant keeper of the British Museum ответил "I have not been able to find any publications relating exclusively to the "Diary of a Writer".

Сходный ответ дал главный библиотекарь парижского Institut des Etudes Slaves. Из Америки профессор E. J. Simmons сообщил, что он не знает какой-либо специальной работы, посвященной «Дневнику писателя» и добавил: "as far as I know there is no one here who is doing any research in connection with the Diary".

Профессор Лаврин на вопрос как обстоит дело с изучением «Дневника» в Англии, ответил: «Не могу сообщить ни одной дельной работы о «Дневнике писателя» — есть только рецензии довольно поверхностные».

В России критическая литература о «Дневнике» состоит из нескольких статей, написанных, главным образом, до 1917 года.

Как видно, во всем мире нет ни одного солидного исследования, посвященного «Дневнику». Поэтому до настоящего времени мы не имеем полной картины жизни и творчества Достоевского. Отсутствие монографий о «Дневнике» можно объяснить преобладанием интереса к романам Достоевского и непониманием того, что в «Дневнике» содержатся идеи и материалы этих романов.

Обращаясь к критическим статьям о «Дневнике», написанным в России, можно отметить, что Достоевский подвергался нападениям с разных сторон, причем даже левые представители русской журналистики 70-х годов, относились к нему двойственно. Так публицист П. Ткачев признает, что Достоевский даровитый писатель, но в «его мечтаниях решительно нет никакого фактического содержания, а мыслит он не реально, а Бог знает как. В то же время сколько искренности, сколько любви и сколько фанатизма в его привязанности к народу, к России»¹.

А. Скабичевский, довольно пренебрежительно характеризуя «Дневник», признавал его огромный успех и ставил в заслугу Достоевскому любовь к народу и заботу о счастье всего человечества. «Далеко нельзя сказать, — писал Скабичевский, — чтобы реакционное направление

вполне овладело Достоевским. В последних произведениях и «Дневнике писателя» рядом со славянофильскими и мистическими разглагольствованиями, словно оазисы в степи, прорываются взгляды и образы, поражающие вас светлостью и глубиной... в минуты подобных просветлений Достоевский становится в полное противоречие со своими реакционными взглядами»².

Религиозный мыслитель К. Леонтьев рассматривал «Дневник» как лучшее произведение Достоевского. «Новой своеобразной и прекрасной формой литературной деятельности», — считал «Дневник» В. Розанов.

В предисловии к изданию «Дневника» в 1929 году, В. Десницкий пишет о «Публицистике и литературе» в «Дневнике». К сожалению, в небольшой по объему статье, Десницкий уделяет слишком много места полемике и часто использует содержание «Дневника» для подкрепления своих доводов. Все же в статье есть интересные замечания о том, что у Достоевского «нет разрыва между его публицистикой и искусством» и что «творчество художника неотделимо от деятельности публициста».

В Америке касается «Дневника писателя» в своей книге: Dostoevsky: "The Making of a Novelist" (Cambridge, Harvard, 1940) Prof. E. Simmons. Он справедливо возражает против недооценки «Дневника»: "There is a tendency to regard the Diary as mere journalism and even bad journalism... but it is well to remember that journalism and art were closely allied in Dostoevsky's mind".

Посвятил главу «Дневнику писателя» Е. Carr. Его замечания отличаются односторонностью. Он пытается доказать, что «Дневник» не имеет никакого интереса для современности, что Достоевский "was not insincere, but only muddle-headed"³. Забывая, что идеи «Дневника» есть идеи романов Достоевского, Карр обвиняет писателя в том, что он посвятил свое перо "to the service of jingo-journalism".

Как видно, «Дневник писателя» не стал еще объектом самостоятельного исследования, а, между тем, без изучения «Дневника» невозможно понять все творчество Достоевского.

Для успешного анализа содержания, композиции, генезиса и проблематики «Дневника» необходимо иметь

представление об эпохе 70-х годов, так как творчество Достоевского всегда было тесно связано с событиями текущей действительности.

Если в романе «Бесы» Достоевский использовал «нечаевское дело», а в «Подростке» процесс Долгушинцев, то в «Дневнике» отразилась эпоха 70-х годов.

В свою очередь, чтобы понять Достоевского эпохи 70-х годов и объяснить многие места в «Дневнике», необходимо знать Достоевского эпохи 40-х годов, так как идеи юности оказали огромное влияние на все творчество писателя.

Приступая к работе, мы имеем перед собой широкое поле деятельности. Положительной стороной — является возможность проведения независимого исследования, хотя бы по той простой причине, что не от кого зависеть, отрицательной — огромный объем работы и необходимость использовать большое количество материалов.

Книга основана на первоисточниках, многие из которых не переведены на английский язык. Спорность вопросов, желание фундаментально обосновать выводы и, зачастую, малоизвестность материалов — все это заставляло чаще, чем бы хотелось, обращаться к цитированию.

Глава первая

ЭПОХА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Внутреннее положение России

Еще задолго до Крымского поражения 1855 года для наиболее чутких людей было ясно, что жизнь страны неблагоприятна. Петрашевец А. Баласогло писал, что он еще до 1848 года осознал, что в России все пошло вверх дном, что в ней готовится какая-то катастрофа.

«Как птица чует приближение бури, так и человек имеет свои приметы. Я постигал, что подходит время переворота» ¹.

«Мы с вами видели самое страшное развитие императорства», — как бы отвечал ему Герцен. — «Мы выросли под террором, под черными крыльями тайной полиции, в ее когтях, мы изуродовались под безнадежным гнетом и уцелели кой-как. Но... не пора ли развязать себе руки... не пора ли разбудить дремлющее сознание народа?» ².

Министр внутренних дел Александра II, П. Валуев, в своем дневнике писал: «Если ближе всмотреться и сообразить, как шатко и гнило все, что меня окружает, как может со дня на день назреть кризис... Есть что-то как бы надломленное в нынешнем строе России, во всем, что ежедневно у меня перед глазами... Я вижу болезненные признаки и чую предстоящие кризисы. То, что есть, далее быть не может. Но как изменится и чем заменится?» ³.

Современник Николая I и Александра II, умеренный монархист, профессор А. В. Никитенко, наблюдая русскую жизнь, пришел к весьма пессимистическому заключению: «Неизбежность грозного переворота чувствуется в возду-

хе: убеждение в этом становится сильнее и повсеместнее. Мы стоим в предверии анархии» 4. «Мы все спускаемся по скату и с неудержимой быстротой мчимся в пропасть, которой пределов и дна не видно» 5. «Русское общество похоже на большое озеро в глубине которого действуют подземные огни» 6. По мнению Никитенко, переворот неизбежен, потому что правительство не может руководить развитием страны: «Внизу пьянство и грубое невежество, в середине неурядица и брожение умов, в верхнем слое отсутствие способностей, патриотизма и характеров» 7. «В сей стране все спокон века было и есть ложь и произвол, — чему вероятно и предназначено быть до скончания века» 8.

В России развивалось крестьянское движение. А. Герцен в письме к французскому историку Ж. Мишле заметил, что русский народ жив, здоров и даже не стар, — напротив того очень молод, «его прошлое темно, его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее. Он не верит в свое настоящее положение, он имеет дерзость тем более ожидать от времени, чем менее оно дало ему до сих пор. Самый трудный для русского народа период приближается к концу. Его ожидает страшная борьба, к ней готовятся его враги» 9.

В 1861 году было проведено освобождение крестьян. До реформы русские писатели, в основном, выступали единым фронтом против общего врага — крепостного права. После реформы положение изменилось. Впереди мерещилась крестьянская революция и, если одних манил этот призрак, то другие предпочитали путь постепенных реформ.

Литература 70-х годов была зеркалом эпохи. В ней отразилась общественная борьба, в которой активное участие принимала интеллигенция. Что же представляла из себя русская интеллигенция? Глеб Успенский в очерках «Власть земли» писал, что интеллигент всегда был среди народной массы, работал в ней не во имя звериной, лесной правды, а во имя высшей божеской справедливости. По мнению Успенского, народные интеллигенты ввели христианство, «т. е. взяли последнее слово, притом самое лучшее, до чего дожило человечество веками страдания. И слово это, проповедовавшее высшую

степень самоотречения, они не побоялись внести в среду людей, которые «звериным обычаем живяху»¹⁰.

Успенский в указанном очерке ставит, но, к сожалению, не разрешает интереснейшую проблему о лучших людях нации. Проблему, занимавшую так же и Достоевского, что отразилось в «Дневнике писателя».

Интеллигенция 70-х годов была довольно разнородной по своему составу. Дети врачей, мещан, духовенства, мелких чиновников, выходцы из крестьян объединились в одну особую группу. Они были закалены тяжелой жизнью, прошли суровую школу борьбы за существование, были чужды сентиментальности, но отличались чуткостью к чужим страданиям. Материалисты в теории, они были идеалистами на практике.

Материально необеспеченная, притесняемая правительством, страдающая от безработицы, подвижная и смелая, интеллигенция не могла удовлетвориться настоящим. Ее прошлое было неприглядно и мрачно. Оставалось одно вечно прекрасное и зовущее будущее. К нему и рванулась жертвенно-настроенная молодежь, связав свою судьбу с судьбой многомиллионного темного и забитого крестьянства. В 60-70 годы интеллигент-разночинец был новым явлением, а его убеждения находились в резком противоречии с убеждениями других общественных групп. Русские писатели не могли пройти мимо этого явления и постарались изобразить «новых людей».

Тургенев, Лесков, Достоевский, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Чернышевский, Писемский, Успенский и другие в своих произведениях, каждый по своему, показывали новых героев. Изображение отличалось большим разнообразием. У Чернышевского разночинцы-революционеры — положительные типы, у Лескова — отрицательные. У Достоевского в одних произведениях («Бесы») отрицательные (за исключением Шатова и Кириллова) в других — положительные («Подросток», «Дневник писателя»).

В чем же было дело? Конечно, разночинцы не были похожи как две капли воды друг на друга. Радикальная интеллигенция 70-х годов имела свой правый и левый фланг. имела разнообразных деятелей, активных членов

организаций, попутчиков и простых людей случайно примкнувших к движению, но разнобразие и противоречивость в изображении «новых людей» объясняется, в основном, отношением каждого писателя к развертывавшемуся движению. Народоволец Морозов, раздумывая над прошлым, заметил: «Кто были все участвовавшие в движении 74 года: социалисты, анархисты, коммунисты, народники или что другое? Я не могу причислить их к определенной клике, скорее радикалы, либералы те, кто сочувствовали, но не могли пожертвовать жизнью за свои убеждения»¹¹. Морозов пишет, что ни одна из современных программ классового социализма и не мерещилась народникам. В то время, «социализм понимался всеми исключительно по Фурье и Оуэну, а то и просто никак не понимался». Возникло же движение народников, по мнению Морозова, не под влиянием западного социализма, а под влиянием поэзии Некрасова.

Хождение интеллигенции в народ, развернувшееся в начале 70-х годов, закончилось судебными процессами. Народники увидели, что вести пропаганду, при создавшихся условиях, невозможно из-за преследований правительства. Кроме того, пропагандисты встретились с совершенно неожиданным явлением. Темное и забитое крестьянство довольно равнодушно относилось к агитаторам и зачастую выдавало их властям.

Преследования правительства и разочарование в просветительной работе заставили часть народников перейти к террору, как средству, при помощи которого можно было добиться политической свободы. Террор «Народной Воли» не был самоцелью, а скорее ответом правительству на казни, аресты и избиения заключенных.

В 70-е годы, кроме партии народников «Земля и Воля», существовало много мелких организаций разночинной интеллигенции. Из них особый интерес для нас представляют два студенческих кружка. Во главе одного стоял студент-фанатик Нечаев, послуживший прототипом П. Верховенского в романе Достоевского «Бесы». Руководителем второго кружка, диаметрально-противоположного по взглядам первому, был Маликов. Он отвергал насилие, утверждая, что в каждом человеке имеется искра Божия, которую нужно только раздуть

ГОДЪ ВТОРОЙ

ГРАЖДАНИНЪ

ПАРСОН-ЭВРАИТ ПО ТУЩЕГО И ИМПЕРАТУРЫ И
ПОСЛА-ЭВРАИТ ПО ТУЩЕГО И ИМПЕРАТУРЫ И

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Ташагоуеи А. Трапезеа, Острамилел, 18
1873

**ПОДРОБНОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ
СОДЕРЖАНИЯ**

52 №1 "ГРАЖДАНИНА"

3A 1873 T.

[illegible]

Журнал «Гражданин», в котором начал печататься «Дневник писателя» Достоевского в 1873 г.

словами братского убеждения. Маликов отказался от социальных идей и стал проповедовать религию богочеловека. Этой религией увлекались некоторые участники народнического движения.

Учение Маликова сводилось к проповеди необходимости «возвращения людей путем веры в богов». Каждый человек, по мнению Маликова, поверивший в то, что он Бог, должен найти в себе Бога. Проповедь Маликова отразилась отчасти в романе Достоевского «Бесы», а идеи Нечаева, изложенные в «Катехизисе революционера», натолкнули Достоевского на одну интересную проблему: что случилось бы с обществом, если бы власть захватили нечаевцы? Эти фанатики были совсем не похожи на народников, они не останавливались ни перед чем, были способны жертвовать жизнью миллионов людей для достижения своих целей. Им была чужда и непонятна жертвенность народников. Сам Нечаев был прототипом диктаторов 20 века. Он обладал железной волей, отличался хитростью и организовал свою «партию» на принципах безоговорочного подчинения вождю. Приговорил к смертной казни члена своей организации, студента Иванова, и привел приговор в исполнение. Достоевский, обладавший способностью по отдельным чертам проектировать и воспроизводить целую картину, по отдельным явлениям, при помощи своей творческой фантазии, воспроизводить будущие события, с необыкновенной проницательностью ответил на вопрос о том, что будет в любой стране, если победу одержат нечаевцы. Эта тема весьма интересна, но она выходит за пределы нашей работы, как и тема о влиянии маликовских идей на создание образа Кириллова.

70-е годы нельзя назвать спокойным временем. Экономический кризис, многочисленные крестьянские волнения и рабочие забастовки потрясали страну, расшатывая устои существовавшего строя. Из международных событий, рассматриваемой нами эпохи, необходимо отметить: войну Германии с Францией, французскую революцию и Парижскую коммуну 1871 года.

26-го апреля 1871 года в Петербурге распространялись листовки о Парижской коммуне. 6-го июля русское посольство в Париже сообщило третьему отделению об

участии в Парижской коммуне А. В. Корвин-Круковской (сестры С. В. Ковалевской). Достоевский одно время был влюблен в Корвин-Круковскую, которая отличалась большим умом и необыкновенной красотой. Знакомство началось на литературной почве. Корвин-Круковская опубликовала несколько своих рассказов в журнале Достоевского «Эпоха». Несмотря на то, что знакомство не завершилось браком, Достоевский всю жизнь сохранял дружеские отношения с Анной Васильевной. Часто встречался с ней и ее мужем (француз Жаклар, активный участник Парижской коммуны) в Петербурге в 1872 году.

Как видно, о Парижских событиях Достоевский имел полную информацию от лиц, принимавших в них непосредственное участие.

В области внешней политики 70-е годы характеризуются дальнейшим расширением территории России за счет завоеваний в Средней Азии. В 1870 году после экспедиции Черняева и Романовского была создана русская провинция с областным городом Ташкентом. 2-го марта 1876 года была присоединена к России территория Кокандского ханства. За три года до этого взята Хива и заключен договор о дружбе между Россией и Бухарой. 24 апреля 1877 года началась война с Турцией, закончившаяся в 1878 году полным поражением последней. В 1880 году экспедицией генерала Скобелева была взята крепость туркменов Геок-Тепе.

Литература радикальной интеллигенции

Писатели радикальной интеллигенции были убеждены в том, что ненормальные общественные условия уродуют человека. Для того, чтобы человек развивался гармонически необходимо заменить существующую политическую систему другой. Этот взгляд ненов. Еще в 40-е годы Белинский утверждал, что создает человека природа, а развивает и формирует общество, от влияния которого индивидуум не может уйти. Белинский полагал,

что задача литературы заключается в правдивом показе жизни и ее недостатков с целью их исправления. По его мнению, «героем реальной поэзии является человек, а характер новейших произведений вообще состоит в беспощадной откровенности, в них жизнь является как бы на позор во всей наготе, во всем ее ужасающем безобразии»¹². Следовательно, то произведение полезно «в котором вся эта жизнь подлая, гадкая, дикая, нечеловеческая изображена в ужасающей верности»¹³, так как оно, обличая недостатки, помогает устранить их.

Радикальная интеллигенция соглашалась с критиком. Разделяли воззрения Белинского и петрашевцы, среди которых находился молодой Достоевский. Петрашевский полагал, что причину действий, которые имеют своим следствием зло, нужно искать не в мнимой испорченности человека, потому что человек не совершает зла для зла, а с целью получить от этого какую-то выгоду. Противоречия общества, порождая нищету, голод и невежество, неизбежно влекут людей, поставленных в безвыходное положение, к преступлению. На этом основании Петрашевский отвергал ответственность человека за причиняемое им зло. Какая может быть ответственность, если всякий человек пребывает под влиянием необходимости, обстоятельств, а причина преступности человека лежит не в нем, а вне его. «Она заключается часто в бедности, силе страстей, противоречии одного лица с интересами другого лица... и хотя человеку проповедают о пользе добродетелей 5000 лет, но он от этого лучше не сделался... большая же часть страданий людей происходит от неправильного их развития, потому источника всего худого не следует искать в природе человеческой, но в самом устройстве житейских отношений через сделание этих отношений правильными могут быть устранены все вредные явления»¹⁴.

Радикальная интеллигенция была твердо убеждена, что общественные условия должны быть изменены. На вопрос как их изменить пытался ответить критик и писатель Н. К. Михайловский.

В 1869 году появилась его большая статья: «Что такое прогресс?», в которой он развивал идеалистиче-

ские теории народничества. Исходя из категорий «нравственности», «разумности», «полезности», Михайловский восстает против общества, склонного к порабощению личности. «Мыслящая, чувствующая и желающая личность» противопоставляется обществу. Личность борется за свою индивидуальность. Общество несовершенно и уродливо, его необходимо исправить. Это дело личности, т. е. радикально-настроенного интеллигента. Героическая личность вела и будет вести за собой людские толпы. Она может и должна перестроить всю эту жизнь. Для этого нужно только не бояться пожертвовать собой. Михайловский полагал, что если в Западной Европе развивается капитализм и это развитие сопровождается рядом отрицательных явлений, то Россия может и должна учесть опыт Европы и не повторять ее ошибок. Вера в народ, идеализация народа, отрицательное отношение к Европе — все это нашло воплощение не только в произведениях писателей и публицистов радикальной интеллигенции семидесятых годов, но и в «Дневнике» Ф. М. Достоевского.

М. Салтыков-Щедрин

К писателям радикальной интеллигенции принадлежали:

М. Салтыков-Щедрин, Н. Некрасов, Г. Успенский, Н. Златовратский, В. Гаршин, Н. Наумов, С. Каронин-Петропавловский, С. Степняк-Кравчинский, А. Осипович-Новодворский и ряд других.

В своих произведениях они показали разные стороны действительности второй половины 19 века. Одни посвятили свою деятельность изображению крестьянской жизни, наиболее типичными из них были Г. Успенский и Н. Златовратский. У других изображение жизни крестьян соединялось с изображением жизни городской бедноты — Некрасов. Третьи избрали объектом своего творчества беспощадное разоблачение и отрицание темных сторон существовавшего строя. Наиболее ярким представителем последней группы был М. Е. Салтыков-Щед-

рин. Он верил, в то, что ненормальные общественные условия калечат людей: «Воистину болото родит чертей», — писал сатирик, — «а не черти создают болото».

«Жалкие черти, как им очиститься, просветлеть, перестать, быть чертями, коль, скоро их насквозь пронизывают испарения болота! Жалкие и смешные черти! Как не смеяться над ними, коль скоро они сами принимают свое болото всерьез и устраивают там целый нелепый мир отношений, в котором бесцельно кружатся и мнутятся, совершенно искренне веря, что делают какое-то прочное дело»¹⁵.

На уничтожение «болота» и направил Салтыков свой сатирический талант. Ненависть писателя к существовавшему строю имела в основе и биографические элементы. Подобно Некрасову и Тургеневу, он еще в детстве познакомился с крепостным бытом и имел полное основание сказать, что «вырос на лоне крепостного права... и видел все ужасы крепостной кабалы в их наготу». «Все было проклято в этой среде, все ходило ошупью, во мраке безнадежности и отчаяния, который окутывал ее. Одни были развращены до мозга костей, другие придавлены до потери человеческого образа», — писал Салтыков, вспоминая свое детство. Юноша не мог удовлетвориться настоящим и, во имя светлого будущего, примкнул к тому кружку, где был и Достоевский. Не крепостная Россия, а революционная Франция заставляла трепетать от восторга его сердце.

«С представлением о Франции, Париже, — пишет он, — для меня неразрывно связывается воспоминание о моем юношестве, т. е. о сороковых годах... для всех моих сверстников в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь... Я в то время только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно примкнул... к тому неизвестному кружку (Петрашевского Д. Г.), который инстинктивно прилепился к Франции, не к Франции Луи Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, и в особенности, Ж. Занд. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас»¹⁶.

ДНЕВНИКЪ

ПИСАТЕЛЯ

ЗА

1876 Г.

Ф. М. Достоевского.

С. ДИДЕРИХТЪ.
Типографа м. в. в. Общественн. Издательств. № 9.
1877.

[284]

ДНЕВНИКЪ

ПИСАТЕЛЯ

ЗА

1877 Г.

Ф. М. Достоевского.

С. ДИДЕРИХТЪ
Типографа в. в. Глазубецъ, Николаевская, № 21.
1878.

[285]

«Дневник писателя» за 1876 и 1877 годы. — Титульные листы.

Салтыков, как и Достоевский, в 40-е годы находился под мощным воздействием идей утопического социализма. Оба писателя заплатили за свое увлечение ссылкой. Впоследствии Салтыков отходит от утопического социализма. Его, как и Достоевского, раздражало стремление утопистов полностью и произвольно «регламентировать» или «усчитывать» будущее. Салтыков скептически относился к надеждам интеллигенции на крестьянство. По его мнению, отсталый народ не мог в 70-е годы подняться на борьбу с самодержавием. Попытка интеллигенции разбудить его обречена на неудачу. Россия идет в своем развитии путем западно-европейских стран. Думая о будущем страны, создавал Салтыков свои исполненные глубокой печали и горькой насмешки произведения. Особенно ярко тоска о «настоящем человеке» проглядывает в сказке «Игрушечного дела людешки». Содержание сказки несложно. В уездном городе мастеровой-изобретатель Изуверов делает игрушки. Он достиг такого совершенства, что его куклы могут говорить и двигаться. Они во всем напоминают людей, но изобретатель недоволен. «Весь век промежду кукол живешь, все молчишь, все думаешь», — жалуется он. Ему хочется, чтобы у «людешек» были желания, стремления, цели, действия, а «они только руками машут».

Рассуждения Изуверова даются автором в двуплановом аспекте, так как они относятся не только к куклам, но и к людям.

«Так вот, — говорит Изуверов, — как поживешь этта с ними (куклами Д. Г.) ума у них нет, поступков нет, желаний нет, а на место всего — одна видимость, ну и возьмет тебя страх. Того гляди, зарежут. Сидишь посреди этой немоты, и думаешь: Господи! Да куда же настоящие люди попрятались! — Хотя и в заправской жизни разве много таких найдется, которых можно «настоящими людьми» назвать? Это одно и смиряет. Взглянешь кругом: все то куклы! Везде то куклы! Несть конца этим куклам! Мучат! Тиранят! В отчаянность, в преступление вводят! Верите ли, иногда думается: Господи! Кабы не куклы, ведь десятой доли злых дел не было бы против того, что теперь есть»¹⁷.

Замысел автора разъясняется собеседником мастера,

который говорит: «Прямой ты, Изуверов, дурак! И от живых людишек на свете житья нет, а ты еще деревянных плодишь» 18.

Сказка заканчивается интересным замечанием. Автор пишет, что может быть, «игрушечного дела людишки» есть в жизни? Может быть поэтому совсем не в редкость те потрясающие «кукольные комедии», в которых живая кукла попирает своей пятой живого человека? Может быть Изуверов является совсем не изобретателем, а только бледным копиистом того, что уже давно изобретено жизнью?

Убежденный в том, что в ненормальной обстановке, только ненормальные явления могут быть нормальными, Салтыков ставил своей целью изображение жизни «под гнетом безумия».

В повести «История одного города» (1869-1870), он изобразил правящие круги России. В городе Глупове меняются градоначальники. Несмотря на разные характеры у них одни и те же методы управления: произвол и насилие. Самым замечательным из них, по нашему мнению, является «бывший прохвост», в доказательство преданности начальнику отрубивший себе палец, — Угрюм-Бурчеев.

«История одного города» писалась в одно время с романом Достоевского «Бесы». Это совпадение очень интересно, так как в обоих произведениях исследовалась одна и та же проблема: к чему может привести неограниченная власть, захваченная человеком, одержимым какой-либо идеей, т. е. к чему может привести диктатура и что из себя представляют диктаторы. Анализируя образы Угрюм-Бурчеева, — «История одного города» и П. Верховенского — «Бесы», мы приходим к выводу, что оба героя довольно ограниченные люди, отличающиеся односторонностью взглядов. Непреклонность, характерная для обоих, говорит не о наличии государственного ума, а о полном пренебрежении к чужим страданиям, вернее о нежелании даже думать об этих страданиях.

Развивая проблему, Салтыков пришел к весьма интересным, хотя несколько неожиданным заключениям. Оказалось, что человек, одержимый какой-нибудь иде-

ей, не обращающий внимания ни на что, не чувствующий ни жалости, ни любви к другим, готовый пожертвовать для достижения своих целей без малейшего колебания жизнями сотен тысяч людей, похож на идиота. С первого взгляда вывод кажется странным, но посмотрим, как изображает Салтыков своего диктатора.

«Его деревянное лицо никогда не освещалось улыбкой. Густые, стриженные под гребенку волосы покрывали конический череп и плотно, как ермолка, обрамляли узкий и покатый лоб. Серые, впавшие глаза, чистый, без колебаний взгляд, сухой, спускающийся ото лба почти в прямом направлении нос, тонкие бледные губы, щетинистые усы, выдающиеся челюсти. Вся фигура сухощавая, с узкими плечами, приподнятыми кверху, с искусственно выпяченной вперед грудью и с длинными мускулистыми руками. Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы. Кругом — пейзаж, изображающий пустыню, посреди которой стоит острог» 19.

Портрет Угрюм-Бурчеева производит очень тяжелое впечатление. Перед глазами зрителя встает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Салтыков полагает, что идиоты вообще очень опасны, не только потому, что они злы, а потому, что они чужды всяких соображений и всегда идут напролом. Издали может показаться, что это люди крепко сложившихся убеждений, сознательно стремящиеся к намеченной цели, но это не так. Идиоты — просто со всех сторон наглухо закупоренные люди, которые ломают вперед. Против идиотов принимаются меры, чтобы они не все опрокидывали, что встречается им на пути. Но меры эти почти всегда касаются простых идиотов, когда же придатком к идиотству является властность, то в этом случае опасность увеличивается:

«Там, где простой идиот расшибает себе голову или насакивает на рожон, идиот властный раздробляет пополам всевозможные рожны и совершает свои, так сказать, бессознательные злодеяния вполне беспрепятственно. Даже в самой бесплодности или очевидном вреде этих злодеяний он не почерпает для себя никаких по-

учений. Ему нет дела ни до каких результатов, потому, что результаты эти выясняются не на нем. Если бы, вследствие усиленной идиотской деятельности, даже весь мир обратился в пустыню, то и этот результат не устроил бы идиота» 20.

Салтыков охарактеризовал своего героя тремя словами: «Он был ужасен». Действительно, что может быть ужаснее человека, соединяющего с изумительной ограниченностью непреклонность близкую к идиотизму? Взор идиота, «светлый как сталь», был совершенно свободен от мысли, и потому недоступен ни для оттенков, ни для колебаний. Голая решимость — и ничего больше. Угрюм-Бурчеев стремился все уравнивать, все втиснуть в одни рамки.

В «Истории одного города», Салтыков, высмеивая самодержавие, пародировал теории утопистов, стремившихся железным регламентом охватить всю жизнь человека. План построения города и регламентация жизни обывателей, выработанные Угрюм-Бурчеевым, не только пародии на аракчеевские поселения, но и на фаланстеры Фурье:

«Систематический бред, в котором, до последней мелочи, были регулированы все подробности будущего, устройства» ужасал Салтыкова. Думается, что этим объясняется его выход из кружка Петрашевского еще до 1849 года. Регламентация во всем была невыносима для писателя. Унылой безнадежностью веет от плана города Угрюм-Бурчеева. Посреди города — площадь, улицы — как радиусы, они пересекаются бульварами. Каждый дом должен иметь три окна, выходящие в палисадник, в котором должны расти: барская спесь, царские кудри и бураки. Все дома окрашены светло-серою краскою. В каждом доме живут по двое престарелых, по две взрослых и по двое подростков, причем лица различных полов не стыдятся друг друга. Дети — уроды умерщвляются, люди престарелые и негодные для работ так же могут быть умерщвляемы. Жизнь строго регламентирована. Все встают с восходом солнца, одеваются в однообразные одежды, занимаются гимнастикой, едят и идут на работу. Около рабочих ходят солдаты и шпионы. Так идет день за днем.

«Ни Бога, ни идолов — ничего... В этом фантастическом мире все живут каждую минуту вместе, и всякий чувствует себя одиноким... Жизнь ни на мгновение не отвлекается от исполнения бесчисленного множества дурацких обязанностей, из которых каждая рассчитана заранее и над каждым человеком тяготеет» 21.

Под властью диктатора люди превращаются в придатки машин. «Они сами не понимают что делают, и даже не вопрошают друг друга точно ли это наяву происходит».

Тип диктатора Салтыкова, сходен с диктатором, изображенным Достоевским в романе «Бесы» (П. Верховенский), хотя авторы изобразили героев противоположных систем. Салтыков — деспота монарха. Достоевский деспота — революционера. Салтыков ненавидел произвол самодержавия, но боялся произвола левых диктаторов. Достоевский тоже отрицательно относился к произволу самодержавия, но еще больше боялся диктатуры революционеров-узурпаторов. Он хорошо знал дело Нечаева и понимал, что власть после свержения самодержавия, может быть захвачена узурпатором, который вместо старых цепей, наложит на народ новые, еще более тяжелые цепи. Этим страхом, во многом, объясняется отношение Достоевского к монархии в 70-е годы.

Салтыков не ограничился изображением диктатора, он показал аппарат, на который опирается последний. Агенты диктатора стремятся добиться от жителей, чтобы те «не в свое дело не совались, пороку не выдумывали, передовых статей не писали, в будни работали, а в праздники за начальство Богу молились». Диктаторы опираются на мерзавцев, которые требуют, чтобы только мерзавцы говорили, а прочие чтоб молчали. Чтобы мерзавцев предложения принимались немедленно, а прочих желания оставались без рассмотрения. «Чтоб мерзавцев содержали в холе и неженье, а прочих всех в кандалах» 22.

Усиление самодержавного произвола в 70-е годы вело к укреплению положения бюрократии, к развитию шпионства, предательства и сыска. Салтыков показал как вели себя агенты диктатуры. Негодяй везде являлся с открытым лицом, возвещая о себе.

«Вы меня знаете? Я негодай! Я — ярмо, призванное раздавить жизнь. Я позор, призванный упразднить убеждение, честность, правду, самоотвержение. Я распутство, поставившее себе задачей наполнить вселенную гноем измены, подкупа, вероломства, предательства» ²³.

Беспринципные ничтожные люди употребляют все средства для достижения власти. Захватив власть, они стараются вселить в других веру в свое могущество. Опьяненные мнимым величием, они требуют от окружающих лести: «Я — бродяга, и всемогущ, я никогда не выхожу и вездесущ, я ничего не знаю — и всеведущ, а все прочие обязываются непрестанно взывать ко мне: «О, всемогущий! О, вездесущий! О, всеведующий!» ²⁴. Внутреннее ничтожество негодая, каких бы степеней власти он ни достиг, даже если бы он стал и диктатором, заставляет его требовать от других лести. Никогда гениальный человек не потребует и не допустит, чтобы поэты, ученые и мыслители в один голос кричали, что он умен, мудр, подобен солнцу, знает основы всех наук и т. д. Не таков негодай. Ему нужна лесть, ему нужны льстецы, которые прославляли бы его мнимое величие и укрепляли его власть.

Произвол и деспотизм развивают рабские черты у населения: боязнь за завтрашний день, за «шкуру»; смутное ожидание грозящей опасности уничтожает в человеке не только стремление к деятельности, но и к самой жизни. Салтыков понимал, что при создавшихся условиях, эгоистические инстинкты могут поглотить все другие:

«Ужасно подумать, — пишет он, — что возможны общества, возможны времена, в которые только проповедь надругательства над человеческим правом пользуется правом гражданственности».

Люди сосредотачивают все внимание на своем «я», которое делается всем: «Пускай кровь льется потоками, пусть человечество погрязает в пучине духовной и нравственной нищеты — ни до чего нет дела этому «я» ²⁵.

Роднит Салтыкова с Достоевским патристическая настроенность и отношение к Европе. Свое мнение о

Западной Европе Достоевский выразил в очерках «Зимние заметки о летних впечатлениях» и «Дневнике писателя». В 70-е годы Салтыков был два раза за границей и в книге «За рубежом» изобразил западную жизнь в духе Достоевского. В отличие от Достоевского, Салтыков понимал, что Россия пойдет таким же путем. Это не радовало его, но он находил утешение в том, что рассматривал данный строй как переходный. Интересно сходство взглядов Салтыкова и Достоевского на немцев. Салтыков знал немцев, знал, что у них есть культура, наука, и искусство: «Да, вот что худо, — пишет он, — к нам то вы приходите совсем не с этим, только чтобы пакостничать. Кто самый бессердечный притеснитель рабочего человека? — немец! Кто самый безжалостный педагог? — немец! Кто самый тупой администратор? — немец! Кто вдохновляет произвол, кто служит для него самым неумолимым и всегда готовым орудием? — немец. И заметьте, что сравнительно ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство тоже, а ваши учреждения и подавно. Только зависть и жадность у вас первого сорта и так вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир. Вот почему вас везде ненавидят, не только у нас, но именно везде» 26.

В «Дневнике писателя», Достоевский отмечает как характерные черты немецкой нации: «самоупоеение, гордость и веру в свое могущество» 27, убеждение в том, что Германии предназначено стать во главе мира. В Германии национальные идеи имеют огромный успех «чувство национального довольства собою дошло чуть ли не до пошлости, наука начала отзываться чуть не шовинизмом» 28. Все же Достоевский, в отличие от Салтыкова, находил некоторые положительные качества у немецкого народа.

В произведениях Салтыкова большое внимание уделяется русскому народу: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России» 29. За границей, на курорте, он не помнит ни минуты, в которую сердце его не рвалось бы к России. В духе Достоевского, Салтыков пишет о том, что хотя за границей хорошо, но «в России лучше, потому

что больней». Это совсем особенная логика, но все-таки логика и именно логика любви. «Этот культ, в основании которого лежит сердечная боль, и есть истинно русский культ. Болит сердце, болит, но за всем тем всеминутно к источнику своей боли устремляется»³⁰. Как и Достоевский, Салтыков верил в силу и жизнённость русского народа и испытанную самоотвержённость русского солдата. Так же как и Достоевский, Салтыков иронически критиковал тех западных европейцев, которые не желали понять Россию и русских.

Н. Некрасов

Властитель дум радикальной интеллигенции, Некрасов не признал половинчатые реформы 60-х годов. Порвав со своими прежними друзьями, он стал выразителем мыслей и настроений разночинной интеллигенции. Поэт не идеализировал народ. Во время своей молодости, он хорошо изучил положительные и отрицательные стороны народного характера. Это дало ему возможность избежать односторонности и показать крестьян со всеми их достоинствами и недостатками. Многие герои повестей и стихотворений Некрасова, близки с действующими лицами произведений Достоевского, с тем отличием, что Достоевский изобразил в «Дневнике писателя» народ покорным тружеником, а Некрасов борцом за лучшую жизнь и свободу. Достоевский находил протестующих людей среди разночинцев: Раскольников («Преступление и наказание»), Шатов, Кириллов, П. Верховский — «Бесы», а Некрасов и среди крестьян. Оба писателя пришли к одному и тому же выводу, что несмотря на многовековое рабство, русские не склонны к покорности, никогда не были рабами в душе и сохранили, при самых тяжелых обстоятельствах, свое человеческое достоинство. Некрасов говорил об этом в стихах, Достоевский в прозе: «Русский человек не раб, и никогда им не был, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов»³¹. Обоих писателей объединяла вера в народную правду и в огромную силу, проявляющуюся в грозные для нации минуты. «Страш-

но, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля»³², — заметил Достоевский.

«Пусть народ груб и безобразен, и грешен, — писал он в «Дневнике», — но приди его срок и начнись дело всеобщей всенародной правды и вас изумит та степень свободы духа, которую проявит он перед гнетом материализма, страстей, денежной и имущественной похоти, и даже перед страхом самой жесточайшей мученической смерти»³³.

Широкий размах, склонность к крайностям, способность спокойно и мужественно смотреть в глаза опасности, смело бросить вызов судьбе и бесстрашно идти на гибель — все эти свойства, характерные для русских, отразились как в творчестве Достоевского, так и Некрасова.

Поэт не ограничился внешними описаниями, он сумел показать психологические переживания своих героев. Проникновение было настолько глубоко, что Достоевский, который сам был хорошим знатоком народа, несмотря на идейные разногласия, чрезвычайно высоко ценил творчество Некрасова, ценил «истинную, страстную и непосредственную любовь Некрасова к народу», о страданиях которого поэт болел «всею душой» и «видел в нем не один лишь униженный рабством образ, зверское подобие, но смог силою любви своей постичь почти бессознательно и красоту народную и силу его, и страдальческую кротость его, и даже частично уверовать в будущее предназначение его»³⁴.

Г. Успенский

В «Дневнике» за 1876 год Достоевский писал, что всех людей можно разделить на две группы. Для одних жизнь настолько проста, все явления ее проходят так наглядно, до того понятно, что и думать не о чем. Других людей те же самые явления жизни настолько поражают, что нередко, не будучи в силах понять их, обобщить и упростить, вытянуть в прямую линию и на том успокоиться, исследователи прибегают к другого рода

упрощению «просто запросто сажают себе пулю в лоб, чтоб погасить свой измученный ум».

Ко второму типу исследователей можно отнести Глеба Успенского. В отличие от других писателей разноточинной интеллигенции, Успенский принялся за изучение народной жизни без заранее составленного плана. Он изучал факты действительности. Как народник он верил в силу общины, в незыблемость устоев крестьянской этики, в цельность крестьянского мировоззрения и целый ряд других положительных качеств, которыми интеллигенция наделила народ. Непосредственное знакомство с деревней, заставило его во многом изменить свои взгляды.

«Ненужные ужасы, наивнейшие злодеяства, огромные, нелепейшие недоразумения, бесцельные жестокости — все это, группируясь вокруг какого-то наследственного «страха жить», страха ценить белый, короткий день жизни и как бы полной безнадежности дать этому короткому дню какое-нибудь содержание, кроме непрестанной тяготы и необузданной жадности»³⁵, — вот что нашел Успенский в деревне.

Деревня оказалась похожей на лес, в котором днем поют птицы, а ночью царствует тишина. А между тем, в то время, когда лес «поет и зеленеет» и когда в нем царствует тишина, «какое в нем идет поедание друг друга». Писатель пришел к весьма пессимистическому выводу: человеческое общество живет по тем же лесным законам, «только писк и вопль человеческого существа ужасен и жалок, потому, что тут жестокое друг над другом совершают люди, а не звери». Успенский верил, что «лесные» законы можно преодолеть, если Россия пойдет особым путем, если она поймет, что западный путь развития сулит «несомненнейшую гибель обществу».

Стремясь правдиво изобразить жизнь, Успенский иногда переступал черту, отделяющую художественное произведение от протокольного описания. В некоторых его очерках имеются элементы натурализма, но это не значит, что Успенский был натуралист и беззаботно относился к форме. Он ценил красоту и понимал, что красота имеет огромное общественное значение. Герой

его рассказа «Выпрямила» учитель Тяпушкин, затравленный и несчастный человек увидел в Лувре Венеру Милосскую. Статуя произвела на него потрясающее впечатление. Смотря на нее, он чувствовал, что нет на человеческом языке такого слова, которое могло бы определить животворящую тайну этого каменного существа. Перед посещением музея Тяпушкин находился в самом тяжелом состоянии. Его мучили вопросы о смысле жизни. По его мнению, люди не живут так, как надо. Они «заговаривают хорошими словами душевную неправду» и лишь соблюдают «обличные жизни». Тяпушкин вспомнил свое пребывание в Лондоне, где он видел ужасную нищету, голь, грязь, «целые гирлянды нищих детей, целые кучи их, кучи какой-то рвани», вспомнил Парижский морг с трупами самоубийц, одежда которых, развешанная там же, говорила о горькой безысходной бедности. И вот, после всех этих переживаний, Тяпушкин очутился в Лувре. Он увидел статую и, хотя не смог определить в чем сила ее влияния, но все же почувствовал, что это влияние огромно. В статуе была запечатлена «огромная красота человеческого существования, показано счастье быть человеком, показана возможность всем быть прекрасными». А в настоящем: «Во всем, что только ни видит ваш взгляд, все одно унижение, все попрание в человеке человека... И страшно становилось за душевную участь теперешнего человеке, за искалеченное, а потому постоянно опечаленное существо его души» ³⁶.

После того, как Тяпушкин увидел статую, он «почувствовал не то что потребность, а прямо необходимость, неизбежность самого безукоризненного поведения». Совершить что-либо идущее против его убеждений, или обидеть другого сделалось с этого дня для него невыносимым, так как это значило потерять счастье ощущать себя человеком. Тяпушкин сознает, что он обречен на гибель, что у него нет личной жизни, что он должен «пропасть», но он рад, что великое художественное произведение укрепило его в желании пожертвовать собой за счастье народа. Красота существует, влияние ее огромно и благотворно. Красота действует на лучшие стороны натуры человека, как бы говорит своим рас-

сказом Успенский. Конечно, нельзя приписывать автору высказываний героев, идя по этой дороге можно зайти слишком далеко. Ведь жаловался же Достоевский, на то, что многие читатели олицетворяли его с героем «Записок из мертвого дома», убившим свою жену, но в данном случае возможно поставить знак равенства между высказываниями Тяпушкина и взглядами автора.

В 1872 году Успенский сам был в Париже, посещал Лувр и писал жене, что он часто бывает в этом музее, где «можно опомниться и выздороветь». Венеру Милоскую Успенский считал «больше всего и святее всего», так как в ней воплощена «красота человеческой души». Натуралистические описания, встречающиеся в очерках Успенского, были обусловлены желанием автора как можно правдивее и точнее изобразить действительность.

О влиянии красоты писал в своих статьях Достоевский:

«Трудно измерить всю массу пользы, принесенную и до сих пор приносимую всему человечеству Илиадой или Аполлоном Бельведерским. Вот, например, такой то человек, когда-то, еще в отрочестве своем... взглянул раз на Аполлона Бельведерского, и Бог неотразимо напечатлелся в душе его своим величавым и бесконечно-прекрасным образом... и кто знает? Когда этот юноша, лет двадцать, тридцать спустя, отозвался во время какого-нибудь великого общественного события, в котором он был великим передовым деятелем... то, может быть, в массе причин, заставивших его поступить так, а не этак, заключалось бессознательно для него, и впечатление Аполлона Бельведерского» ³⁷.

Мы не ставим своей целью дать сравнительный анализ эстетических взглядов Успенского и Достоевского, но думаем, что между ними не было непроходимой пропасти и во многом они соприкасались. Обычно герои произведений Успенского, как и герои романов Достоевского, неудовлетворены жизнью. Они страдают за человека, за его униженное положение. Произведения Успенского близки по форме и тематике с «Дневником писателя» Достоевского. «Дневник» так же состоит из очерков, картин, зарисовок с натуры и небольших рассказов. В нем отражается жизнь народа и интеллигенции.

Успенский не смотрел на Достоевского, как на писателя из враждебного лагеря, он восторженно приветствовал «Пушкинскую речь» последнего, а если и критиковал ее впоследствии, то лишь за недостаточную, с его точки зрения, решительность. Достоевский, в объяснительной записке по поводу своей «Речи», указал, что его врагами являются не народники, а либералы.

В. Гаршин

Всеволод Михайлович Гаршин принадлежал к младшему поколению семидесятников. Развитие его творческой деятельности совпало со временем крушения движения народников. Неудачи «хождения» становились очевидны, репрессии правительства усиливались, народ относился равнодушно к призывам пропагандистов. Радикальной интеллигенции приходилось все больше рассчитывать на свои силы. Героем дня делается интеллигент, изображению которого и посвятил свои силы Гаршин. Можно думать, что в своих произведениях писатель развивал теорию жертвенной любви Некрасова и взгляд Достоевского на необходимость страдания.

В рассказе «Красный цветок» Гаршин изобразил сумасшедшего, думавшего, что все мировое зло воплотилось в трех красных маках, растущих в больничном саду. С помощью целого ряда ухищрений сумасшедший срывает эти цветы и умирает счастливый, уверенный, что он победил мировое зло. В основе рассказа лежит чрезвычайно пессимистическая мысль: мировое зло непобедимо, думать о возможности победы над ним могут только безумцы. Раз так, то, как будто бы, должен последовать логический вывод о необходимости прекращения бесполезной борьбы, но Гаршин его не делает. Здесь выступает чувство долга, которое довлело над радикальной интеллигенцией, чувство необходимости всеочищающего страдания.

Человек не имеет права быть счастливым, когда несчастны другие. Если он даже видит, что не может победить, все же должен бороться до конца, а если не может бороться, то должен разделить с народом его страдания.

Критики неоднократно отмечали толстовское влияние, отразившееся в некоторых рассказах Гаршина. Нельзя отрицать, что одно время Гаршин действительно увлекался учением Толстого о непротivлении злу насилием, что и отразилось в некоторых его произведениях, например, в «Сказании о гордом Агее», но писатель преодолел это, вообще не отличавшееся особой интенсивностью влияние. Мощное воздействие оказало на Гаршина творчество Достоевского, о чем обычно совершенно не упоминается. А между тем, факты заставляют признать наличие этого влияния. Литературная деятельность Гаршина совпадает с изданием «Дневника писателя» Достоевского и с появлением в печати таких романов, как «Бесы» и «Братья Карамазовы». Мысли Достоевского о необходимости жертвы: «Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев» («Дневник», т. 10, стр. 40), о необходимости страдания полностью разделялись Гаршиным. Нужно сказать, что положение Достоевского о необходимости страдания, или о том, что русский народ любит страдание интерпретируется очень часто с наводящей на самые грустные размышления упрощенностью. Некоторые полагают, что русский народ любит страдания для страданий. При знакомстве с творчеством Достоевского и в особенности с «Дневником писателя», можно думать, что такое примитивное толкование ни на чем не основано. Достоевский говорит о том, что русский народ любит страдание в тех случаях, когда он страдает за что-нибудь близкое и дорогое ему. Страдание за родину, за идею, за братьев своих, страдание, как искупление за сделанное зло — все это характерно для русских. За примерами ходить недалеко: протопоп Аввакум претерпел жесточайшие мучения за веру, боярыня Морозова, владелица многомиллионного состояния, умерла с голоду за свои убеждения, солдат Фома Данилов был замучен дикарями за то, что отказался отречься от христианства.

Мы думаем, что потребность Гаршина страдать за других тесно связана с идеями Достоевского. Герои произведений Гаршина близки к героям Достоевского. Проститутка Надежда Николаевна (действующее лицо

одноименного рассказа Гаршина), так же, как и Соня, — («Преступление и наказание») способна к возрождению и новой жизни. Близка Гаршину и лирическая взволнованность стиля Достоевского. Так же как и последний Гаршин вкладывал в свою работу всего себя, замечая, что он пишет одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоит ему капли крови.

Близок Достоевскому Гаршин и по своим эстетическим взглядам. В «Заметке о художественных выставках», он пишет, что художник по сравнению с толпой есть человек, который лучше видит и может передать другим то, что он видит. Сколько тысяч людей проходят перед драгоценным материалом для художественного творчества, не замечая его, или созерцая бессознательно. Первое, что думает каждый, прочитавший или увидевший высокое создание искусства, — как это похоже, как это верно, как это знакомо и, тем не менее, я в первый раз увидел это.

Приведенная заметка близка к следующему высказыванию Достоевского:

«Можно знать факт, видеть его самолично сто раз, и все-таки не получить такого впечатления, как, если кто-нибудь другой, человек особенный, станет подле вас и укажет вам тот же самый факт, но только по своему, объяснит вам его своими словами, заставит вас смотреть на него своим взглядом. Этим-то влиянием и познается настоящий талант» 38.

О силе влияния Достоевского на Гаршина говорит и тематическая близость ряда произведений обоих писателей. Рассказ Гаршина «Ночь» — 1880 год, сходен с рассказом Достоевского «Сон смешного человека» — 1877 год. Герой рассказа Гаршина, так же, как и герой рассказа Достоевского, разочаровался в жизни и людях и решил застрелиться. «Смешного человека» удержал от самоубийства сон, вселивший в его измученную душу любовь к людям. «Смешной человек» понял, что он должен жить для других и стал счастлив. К этому же выводу пришел и герой рассказа Гаршина. Интересны совпадения отдельных деталей. Например, оба героя в ночь перед самоубийством смотрят на звезды. Оба

решают посвятить свою жизнь другим. Жить «ради общей правды, которая есть в мире». Рассказ Гаршина «Очень короткий роман» носит следы влияния ранних повестей Достоевского, в особенности «Белых ночей». У обоих героев та же самая склонность к уединенным прогулкам и мечтательности. Оба случайно знакомятся с девушками. В обоих рассказах герои вынуждены расстаться с любимыми, потому что те предпочли других. Можно отметить сходство некоторых деталей. Так у обоих девушек есть бабушки, которые слепы и девушки вынуждены читать им книги.

Как видно, некоторые стороны творчества Достоевского были близки Гаршину и мы можем говорить о влиянии, оказанном Достоевским на Гаршина.

Тенденциозность литературы радикальной интеллигенции

Поставленная проблема имеет принципиальное значение. Мы говорим о тенденциозности литературы радикальной интеллигенции, но, что значит «тенденциозность» и существуют ли писатели, творчество которых совершенно свободно от тенденциозности? Тенденциозностью мы считаем стремление изобразить действительность не такой, как она есть, а такой какой хочет видеть ее писатель. Свободны ли от тенденциозности какие либо авторы? В основном, можно полагать, что нет. Иначе нам придется сравнить писателя с поющей птичкой, или вообразить его сверхчеловеком, стоящим по ту сторону добра и зла, но вопрос о тенденциозности все же должен быть поставлен. Дело не в абсолютных критериях, а в степени тенденциозности. Гениально одаренный писатель, несмотря на то, что он испытывает определенные чувства к изображаемым им явлениям, силой своего таланта удерживается в пределах реальности, не переходит ту роковую черту, за которой начинается жизнь призраков, где вместо живых людей действующими лицами являются куклы.

Тенденциозность особенно развивается при благоприятствующих ей условиях. Обычно всякий догматизм

поддерживает ее, но полного расцвета тенденциозность достигает в эпохи диктатур, потому что диктатор заставляет всех думать в одном направлении. Жизнь обедняется. Все, что противоречит догме, беспощадно отбрасывается. Слепое преклонение радикальной интеллигенции перед народом, уверенность, что народ является каким-то подобием Бога на земле, отсутствие критического подхода к изображению его жизни, привело к развитию тенденциозности в ее литературе. Эту черту подметил Достоевский, писавший еще в статьях журнала «Время», что «искусство только тогда будет верно человеку, когда не будут стеснять свободу его развития, не будут предписывать ему законов и ставить перед ним разные цели».

«Я ужасно боюсь «направления», — замечает он, — если оно овладевает молодым художником, особенно при начале его поприща и как вы думаете, чего именно тут боюсь, а вот именно того, что цель то направления не достигнется»³⁹. В статье «Г-бов и вопрос об искусстве», Достоевский, рассматривая критические статьи Добролюбова, ставит вопрос о вреде утилитарного взгляда на искусство. Он полагает, что предвзятое мнение нарушает гармонию формы и содержания. Произведение получается неполноценным, малохудожественным, следовательно оно не может оказать такого влияния на читателя, какое могло бы оказать, если бы не было исковеркано «направлением». Тенденциозность ведет к потере типичности. Как может автор изобразить типичного героя, когда такого нет в жизни и автор выдумывает его? Тенденциозность обескровливает действительность. «Что это за люди?» — спрашивает Достоевский о героях рассказов Марка Вовчка. — «Где это происходит: в Швеции, в Индии, на Сандвичевых островах, в Шотландии, на луне?.. Вся почва, вся действительность выхвачена у вас из под ног»⁴⁰.

Тенденциозность литературы радикальной интеллигенции была особенно ярко выражена в многочисленных романах второстепенных писателей: А. К. Шеллера, И. Федорова (Омулевского), К. Станюковича, Н. Златовратского, Е. Маркова, С. Терпигорева и ряда других. Бесконечные Светловы, Мракоразгоняевы, Добросклоно-

вы вступали в борьбу с враждебными силами. Иногда они побеждали, иногда гибли, но всегда оставались людьми «не от мира сего», а какими-то олицетворениями всевозможных идей и добродетелей. Эти герои, с их подчинением чувства долгу, с фамилиями подобными этикеткам, по нашему мнению, отвечали требованию эстетики классицизма, и являлись псевдо-классическими героями. Следовательно, при определенных общественных условиях, мы наблюдаем возрождение классических тенденций. Это возрождение можно видеть не только в литературе 70-х годов, но и в современной. Даже неискушенному читателю при знакомстве с литературой сталинского времени бросается в глаза обилие псевдо-классических образов.

Заканчивая анализ творчества писателей радикальной интеллигенции, необходимо отметить, что они в своих произведениях поставили на разрешение проблемы большой общественной важности. Мимо которых не могли пройти представители других групп. Будем ли мы говорить о романах Достоевского, Лескова, Тургенева, Гончарова, чтобы понять их необходимо принять во внимание деятельность и литературу радикальной интеллигенции.

Тургенев и Толстой в 70-е годы

Несмотря на различие взглядов в произведениях Толстого и Тургенева много общего. Обоих писателей интересовала судьба дворянства, положение крестьян, развивающаяся буржуазия, деятельность радикальной интеллигенции и будущее России. Тургенев и Толстой остро ощущали ненормальность существовавшего положения, боялись надвигающейся революции и мучительно искали выхода. Оба писателя недоверчиво относились к замыслам радикальной интеллигенции, но в то же время видели экономическое и духовное оскудение дворянства.

Произведения Тургенева эпохи 70-х годов тесно связаны с его предыдущим творчеством, но рассказы: «Странная история» — 1869 г. и «Отчаянный» — 1881

отличаются большим своеобразием. Героиня первого, Софья, дочь богатых родителей, красивая образованная девушка стремится к другой жизни. Она хочет на деле выполнить заветы Христа: бросает дом и делается спутницей юродивого. После насильственного возвращения в родной дом она умирает. В конце рассказа Тургенев заметил, что он не понял поступка Софьи, но не осудил ее. Не осуждал он и тех девушек, которые активными методами боролись с самодержавием («Порог»). Непонятным остался автору и образ Миши Полтеева — («Отчаянный»). Юноша обладал незаурядными силами и растратил их попусту. Жизнь Полтеева проходит в каких то странных пробах силы воли и дерзости. На пари он прыгает в глубокое ущелье, простреливает себе руку, отправляется во время войны к начальнику враждебных горцев. На вопрос, что заставляет его рисковать жизнью, Миша отвечает кратко, но выразительно: «тоска». «Придешь в себя, и станешь размышлять о бедности, о несправедливости, о России... Ну, и конечно! Сейчас тоска, хоть пулю в лоб»⁴¹. Одаренный юноша инстинктивно стремился к деятельности, к служению идеалам. Он просит родственника научить его, что делать, из-за чего riskнуть жизнью. На совет последнего — жить просто. — Миша отвечает одним словом — «не могу». Он не может примириться с настоящим положением, потому что «езде одна несправедливость, да притеснение, да злодейство». Общество не смогло дать ему идеалов, которым он мог бы служить. Жизни вне дворянского круга Миша не видел, отсюда «пропадай, значит, все — и я туда же!». Миша и Софья были «новыми людьми» дворянства, но они были обречены на гибель, так как не знали, что делать, куда идти.

В романе «Новь», изображая народников, Тургенев подметил своеобразие их типов. Каждый революционер имеет нечто свое, присущее только ему. Общую идею каждый тоже понимает по-своему. Писатель преодолел абстрактное изображение революционеров как ангелов или как демонов. Тургенев критиковал деятельность народников, не верил в общину. Что же он предлагал взамен? По его мнению, России нужна не революция, а просвещение. Интеллигенция должна учить народ, что-

бы подготовить его к лучшему будущему. Общественному деятелю в России нужно трудолюбие и терпение: «Умение жертвовать собой без всякого блеска и треска, нужно уметь смиряться и не гнушаться мелкой работой». Можно думать, что Тургенев в конце 70-х годов сформулировал теорию «малых дел», которой увлекалась часть интеллигенции в 80-е годы.

Л. Н. Толстой в 70-е годы пытался разрешить ряд проблем, волновавших русское общество. Субъективно, он был настроен консервативно. Не давал, подобно Тургеневу, клятв бороться против крепостного права и даже раздраженно заявлял критикам, что не видит необходимости показывать отрицательные стороны последнего. Но, объективно, одержимый своими идеями, он совершил переоценку ценностей, результаты которой далеко оставили позади писателей радикальной интеллигенции. В 1877 году появился его роман «Анна Каренина, который был встречен русской критикой или равнодушно или враждебно. В нем увидели «идеализацию аристократического общества», «поэтизацию дворянского быта», «изображение чувственных элементов человеческой жизни», а в авторе «певца жизни для жизни, лишенной высшего идеала», человека «восхваляющего любовь в самом голом смысле этого слова». Критик Ткачев нашел в романе только «скандальную пустоту содержания», а Некрасов кратко заметил:

«Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует гулять
Ни с камер-юнкером, ни с флигельадъютантом.
Когда она жена и мать».

Как видно, роман оказался не по плечу современной критике, но в нем было что-то раздражавшее как правые, так и левые круги. Трудно согласиться с тем, что Толстой был «певцом любви в самом голом смысле этого слова», еще труднее согласиться с позднейшим утверждением, что Толстой «ставил в своих произведениях конкретные вопросы демократии и социализма». Можно полагать, что писатель шел своим особым путем, который был предопределен его «одержимостью». Прежде чем перейти к анализу взглядов Толстого, необходимо вы-

яснить, что мы называем «одержимостью», и какого писателя можно назвать «одержимым». Пушкин и Гете, например, принадлежали к гениально-одаренным писателям, но они не были «одержимыми», тогда как Толстой и Достоевский были не только гениально одаренными, но и «одержимыми», то-есть захваченными мощными идеями, всецело владевшими ими. Мы не ставим своей целью определить какие идеи владели Толстым, а хотим установить в какой мере творческая деятельность Толстого, как и Достоевского, определялась «одержимостью».

Достоевский в «Дневнике писателя», рассматривая взаимоотношение между талантом и человеком, им обладающим, приходит к интересному заключению, которое является, как бы ответом на поставленный нами вопрос. Талант, по мнению Достоевского, всецело владеет человеком, свойства таланта чрезвычайно разнообразны, а иногда просто несносны, он «oblige», (обязывает). К чему? Иногда к самым дурным вещам. На основании наблюдений за живыми и мертвыми талантами, Достоевский пришел к выводу, что талант почти всегда поработывает человека: «Как бы схватывает его за шиворот, унося на весьма далекие расстояния от настоящей дороги» ⁴².

Достоевский допускает возможность для писателя владеть своим талантом, как редкое исключение. Можно думать, что он говорил о той «одержимости», которой был подвержен сам. Для него, как и для Толстого, главное место в произведении занимала идея. Образы как бы иллюстрировали ее. Конечно, каждый писатель, создавая роман, имеет какую-то идею, но эта идея является идеей романа. У Толстого и Достоевского над творческими замыслами господствовали огромной силы общие идеи, владевшие писателями. Эти идеи накладывали отпечаток на все их произведения. Таким образом, роман был как бы иллюстрацией общей идеи. Жизнь и творчество Толстого подтверждают нашу мысль. Писатель всегда был во власти мощных идей. Они заставили его бросить университет, заниматься сельским хозяйством, издавать журнал, отправиться на Кавказ, участвовать в Севастопольской обороне, создать свое учение

ние, отречься от всего, написанного им прежде, стать крестьянином, порвать, с семьей и умереть на глухой железнодорожной станции.

Для понимания Толстого 70-х годов необходимо рассмотреть статью Достоевского об «Анне Карениной». Несмотря на ряд ценных выводов, которые сделал Достоевский, и которые стали теперь аксиомами, нельзя сказать, чтобы критика достойно оценила эту статью. Современники ее замалчивали, а в настоящее время мы встречаемся с отзывами, которые имеют мало общего с беспристрастным анализом. Так С. Бычков пишет: «Примером реакционно-националистического истолкования «Анны Карениной» явилась статья Ф. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1877 г. Достоевский рассматривал роман Толстого в духе реакционной «почвеннической идеологии»⁴³. «Невозможно себе представить, чтобы светлый и жизнеутверждающий гений Толстого имел что-нибудь общее с клеветническими наветами на человека со стороны Достоевского»⁴⁴.

Что же писал Достоевский о Толстом?

В «Дневнике» за 1877 год «Анне Карениной» посвящена статья в июльском-августовском выпуске. В ней рассматривается, главным образом, 8 часть романа, которая вышла отдельным изданием, так как редакция «Русского Вестника» в категорической форме отказалась поместить эту часть, как противоречившую направлению журнала. Кроме статьи, в рассматриваемом номере «Дневника», имеется несколько замечаний о Толстом. Достоевский приводит характеристику, которую будто бы дал Толстому какой-то собеседник Достоевского. В «собеседнике», по всей вероятности, Достоевский вывел самого себя. Но, если даже допустить, что отзыв был высказан другим человеком, всеравно это было созвучно Достоевскому и выражало его взгляды.

«Автор «Анны Карениной», — пишет Достоевский, — несмотря на свой огромный художественный талант, есть один из тех русских умов, которые видят ясно лишь то, что стоит прямо перед их глазами, а потому и прут в эту точку. Повернуть же шею направо или налево, чтоб разглядеть и то, что стоит в стороне, они, очевидно, не имеют способности: им нужно для того повернуться всем телом, всем корпусом»⁴⁵.

Приведенная характеристика чрезвычайно ценна. Она подтверждает нашу мысль об одержимости Толстого. Там, где гениальная одаренность находится в равновесии с идейной настроенностью писателя (Пушкин, Гете) мы видим гармонию композиции и сюжета. Если же гениальная одаренность подвергается мощному и, иногда, одностороннему воздействию идей, владеющих писателем, то он не может добиться гармонии, на первое место выдвигаются излюбленные идеи, часто даже в ущерб произведению в целом, как получилось у Толстого с 8 частью «Анны Карениной», где автор пытался скорее публицистически, чем художественно, как убедительно доказывает Достоевский, разрешить весьма злободневные, но не имеющие прямого отношения к сюжету романа вопросы. В своей статье: «Анна Каренина», как факт особого значения», Достоевский, установил мировое значение романа.

«Это вещь неслыханная, это вещь первая, — писал он. — Кто у нас из писателей может поравняться с этим? А в Европе — кто представит хоть что-нибудь подобное? Было ли у них во всех их литературах, за последние годы, и далеко раньше того, произведение, которое могло стать рядом?» 46.

Достоевский полагает, что роман является фактом, который может «отвечать за нас Европе, фактом на который мы могли бы указать Европе» 47.

«Разумеется, возопят смеясь, что это всего лишь только литература, какой-то роман, что смешно так преувеличивать и с романом являться в Европу..., но не беспокойтесь, я не преувеличиваю..., если гений русский мог родить этот факт, то, стало быть, он не обречен на бессилие, может творить, может давать свое, может начать свое собственное слово договорить его, когда придут времена и сроки» 48.

По мнению Достоевского, «Анна Каренина» есть совершенство, как художественное произведение... с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться... и по идее своей уже нечто наше, — свое родное, и именно то самое, что составляет нашу особенность перед европейским ми-

ром, что составляет уже наше национальное «новое слово»... такое слово, которого именно не слышать в Европе и которое, однако, столь необходимо ей, несмотря на всю ее гордость»⁴⁹.

Достоевский совершенно правильно понял идею романа, дело было не только в истории любви Анны и Вронского, а в общественных отношениях, которые создали безвыходное положение. Достоевский заметил, что в «Анне Карениной» проведен взгляд на виновность человеческую. Взятые люди в ненормальных условиях. Зло существует прежде них. Захваченные в круговорот лжи, они гибнут. Он полагает, что на Западе существуют две возможности решения вопроса: закрыв глаза на все недостатки, идти тем же путем, утверждая, что иначе будет хуже, или, уничтожив существующий строй, залить мир кровью и построить новый.

По мнению Достоевского, заслугой Толстого является отрицание обоих западных путей. Русское решение вопроса он видит в служении человечеству, взаимной помощи людей, в признании каждого виновным в несчастиях другого. Отсюда стремление разделить страдания других, помочь им, или же страдать вместе с ними.

Оценивая роман чрезвычайно высоко, Достоевский резко критикует его отдельные стороны. Рассматривая Левина как выразителя взглядов автора, Достоевский пишет, что Левин, а следовательно и Толстой, отрицает национальное движение русского народа в защиту болгар, угнетаемых турками. Толстой, утверждал, что все истязания совершаемые турками над славянами, не могут возбуждать в народе «непосредственного чувства», так как они происходят где-то за пределами России. В данном случае мы видим опять яркое проявление «одержимости» писателя. Убеждение в том, что нельзя бороться со злом насилием и ориентация на патриархальное крестьянство, оказали весьма плохую услугу автору «Анны Карениной». Достоевский без труда доказал это. Он пишет, что еще до выхода 8 части «Анны Карениной» появились официальные документы и многочисленные описания турецких зверств: «Истребление людей производилось тысячами и десятками тысяч. Утонченность в

мучениях такова, что мы не читали и не слышали ни о чем подобном прежде. С живых людей сдирается кожа на глазах их детей, на глазах матерей подбрасывают и лоят на штык их младенцев». Могут ли такие факты вызвать непосредственное чувство? Достоевский пишет, что его знакомый, человек твердого характера и чуждый сентиментальности, услышав как одному двухлетнему мальчику, на глазах его сестры, прокололи иглой глаза и потом посадили на кол, так что ребенок не скоро умер и еще долго кричал, не спал всю ночь и был потом несколько дней болен.

Если расстояние так влияет на чувство то «на каком расстоянии кончается человеколюбие?» — иронически спрашивает Достоевский.

Теория Толстого о «непротавлении злу насилием» вызывает саркастическую выходку Достоевского. Вот Левин стоит с ружьем и штыком около болгарского села, а в двух шагах от него турок выкалывает глаза двухлетнему мальчику. Семилетняя сестренка кричит и стремится вырвать брата из рук мучителя, а Левин стоит и думает, что делать. Дать замучить ребенка как-то неловко. А если попытаться его вырвать то, может быть, придется больно толкнуть турка. — Ну и толкни, — говорит Достоевский. «Толкни!» А вдруг он выхватит саблю? Ведь придется, может быть, убить турка? — Ну и убей! — Нет, как можно убить! Нет, уже пусть он лучше выкалывает глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити» 50. Достоевский не хотел и не мог примириться с существующим злом. Полемизируя с Толстым, он приходит к следующему выводу: для пресечения турецких зверств «надо освободить угнетенных накрепко, а у тиранов вырвать оружие раз навсегда». Теория Толстого о том, что лучше дать убивать, чем бороться с убийцами есть «извращение понятий, грубейшее и тупейшее сентиментальничанье, самое полное извращение природы». Свою статью Достоевский заканчивает непосредственным упреком Толстому, замечая, что такие люди, как автор «Анны Карениной» «учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики их. Чему-же они нас учат?» 51. «Слишком уж они (дворяне Д. Г.) дешево ценят русский народ. Старые, впрочем, оценщики» 52, — с величайшим раздражением писал Достоевский.

Тенденциозная литература правых групп и Достоевский

Деятельность народников и общественные события вызвали появление в 70-е годы целого ряда произведений диаметрально противоположных повестям и романам беллетристов радикальной интеллигенции.

Б. Маркевич, В. Крестовский, В. Авсеенко, В. Ключников, Н. Лесков, отчасти Гончаров и Писемский, выступили с резкой критикой революционеров, утверждая, что общественный строй России идеален, а в отдельных недостатках виноваты революционеры и плохие чиновники. Предвзятые идеи и стремление во чтобы то ни стало показать жизнь такою, какой она должна быть, по мнению авторов, приводили к односторонности, шаблону и схематизму. Так В. Крестовский в романе «Панургово стадо» — 1869 г. изобразил все происходящее, как пустое и глупое подражание. В 1874 году в романе «Две силы» он рассматривал революционное движение в России, как следствие «польской интриги». Такое примитивное объяснение, конечно, не могло произвести сильного впечатления на читателей и романы Крестовского были заслуженно забыты. Более интересную характеристику движения радикальной интеллигенции дал В. Ключников. По его мнению, плохи не идеи, а исполнители. Без нравственного самосовершенствования натура человеческая остается, несмотря на любые общественные реформы, той же самой. Люди, поднимающие знамя борьбы против угнетения, сами будут угнетателями. Поэтому все движение «нигилистов» кажется Ключникову пустым миражем.

Непримиримо и враждебно отнесся к «новым людям» Б. Маркевич. Односторонне и тенденциозно он изобразил их в романах: «Четверть века назад» — 1878 г., «Марина из Алого рога» — 1873 г., «Перелом» — 1881 г. и «Бездна» — 1884 г. Критикуя революционеров, Маркевич все же показал и недостатки государственного аппарата...

Н. Лесков не отрицал, что среди народников могут быть честные, преданные идее люди. Но он полагал, что они являются исключением и обречены на гибель. Все революционное движение казалось ему враждебным

России, а люди, возглавлявшие его, жадными карьеристами готовыми на любое преступление.

Народническая печать объявила Лескова «мракобесом», но не учла, что допуская очень большие преувеличения, Лесков верно изобразил многие отрицательные стороны движения радикальной интеллигенции. Антинигилистическими романами не исчерпывалось его творчество. Лесков пытался постичь народную душу и с особой любовью описывал жизнь и быт простых людей. Его повести и рассказы из народной жизни вошли в сокровищницу русской литературы. Лесков исключительно резко критиковал бюрократическое церковное управление. В романе «Соборяне» — 1872 г. священник Туберозов, утверждал, что «христианство на Руси еще не проповедано»⁵³. Лесков отмечает рост атеизма. Причиной, способствующей этому росту, считает плохую работу церкви и приводит пример, когда в школе умный и чуткий мальчик заявил учителю, что он «допускает только Бога творца, но не признает Бога промыслителя, потому, что в природе много несправедливого и жестокого»⁵⁴ и смерть несправедливо послана за грехи одного человека. Конечно, проблема осуждения страдания здесь еще только намечается, но то, что Лесков сумел уловить зарождение бунта у ребенка, говорит о его художественной чуткости. Впоследствии эту тему развивает Достоевский. В романе Лескова есть эпизод, сходный с описанием переживаний Алеши в «Братьях Карамазовых». Дьякон Ахилла, читающий перед гробом священника Туберозова увидел «в ярко освещенном храме, за престолом... отца Савелия. Что это, Господи! — восклицает Ахилла, — а мне казалось, что умер отец Савелий. Я проспал пир веры!»⁵⁵.

Рассматривая тенденциозную литературу правых групп, мы не ставим своей целью дать полный анализ всех произведений и уделить внимание каждому писателю, примыкавшему к этому направлению, а пытаемся выяснить своеобразие антинигилистического романа Достоевского «Бесы», который появился в печати в 1871 году. В нем Достоевский называл революционеров бесами, обвиняя их в намерении погубить Россию, и мечтал об избавлении от них. Не менее враж-

дебно отнесся он к западникам, создав злые пародии на Тургенева и Грановского. Несмотря на все сказанное, все же Достоевского нельзя безоговорочно отнести к писателям правых групп. Хотя Достоевский и критиковал «нигилистов», но был гораздо левее даже Лескова. Через четыре года после издания «Бесов», Достоевский начал печатать свой новый роман «Подросток» в «Отечественных записках» Некрасова. Достоевский был близок народникам своим патриотизмом, верой в русский народ, преклонением перед ним, критическим отношением к Западу и своим стремлением найти какую-то новую дорогу для всего человечества.

Интеллигенция хотела вести за собой народ. Достоевский говорил ей о народе. Идея «третьего Рима», которой поклонялся Достоевский, была одной из любимых идей русской интеллигенции, хотя, конечно, в другом аспекте. Был близок народникам и демократизм Достоевского. В 70-е годы писатель в своем «Дневнике» усиленно рекомендовал правительству позвать «серые зипуны», т. е. крестьян, и послушать, что они скажут.

Роман «Бесы» нельзя рассматривать как пародию на все движение радикальной интеллигенции. Правда, кружок П. Верховенского был изображен в романе весьма критически, но он не был народническим кружком, а заговорщической организацией диктаторского типа. Достоевский противопоставлял заговорщикам-нечаевцам «русских революционеров», к которым он относился с большой симпатией. Кириллов и Шатов враждебны П. Верховенскому, но для них так же неприемлема окружающая действительность. Они стремятся, каждый по-своему, изменить ее для блага всех. Кириллов приносит себя в жертву для уничтожения власти смерти. Шатов пытается слиться с народом, чтобы на базе православия, построить новую жизнь.

Народникам было созвучно критическое изображение в «Бесах» представителей государственного аппарата и правдивый показ тупика, в котором находились лучшие представители дворянства. Таким образом, относить роман «Бесы» к антинигилистическим можно с большими оговорками.

Об идейной близости Достоевского с народниками

говорит влияние, оказанное стихотворением Некрасова «Влас» на образ Макара Долгорукого в романе «Подросток». Достоевский посвящает этому стихотворению специальную заметку в «Дневнике писателя», а в романе, описывая наружность Макара, приводит цитату «смуглолиц высок и прям». Дело, конечно, не только во внешнем сходстве, но и в идейной близости героев. Макар Долгорукий так же, как и Влас, посвящает свою жизнь ближним и, по замыслу автора, является выразителем огромных сил и решительности, присущих русскому народу. В «Материалах и исследованиях», посвященных творчеству Достоевского, приводится интересный эпизод, характеризующий взаимоотношения Достоевского с радикальной интеллигенцией. На обеде петербургских профессоров и литераторов 13 мая 1879 года, литератор Каблиц начал громко упрекать Достоевского за то, что тот, печатая свои романы в «Русском Вестнике» Каткова, этим содействует распространению журнала «направление которого, конечно, не может разделять». Достоевский начал оправдываться, говоря, что ему нужно кормить семью, там дают больше денег и с цензурой легче. Присутствовавший при разговоре А. Майков, был поражен. В письме он обвинял Достоевского в том, что тот «нанес ему удар в святую святых его души, поколебал веру в человека»⁵⁶. Майков ждал, что Достоевский заявит о своем «единомыслии» с Катковым и уважении к нему. «А вы, что же это такое? Отречение. Как Петр от Христа отрекся? Публично! Ради страха иудейского? Ради популярности?»⁵⁷. Конечно, дело здесь было не в страхе, а в известной близости Достоевского с народниками. Майков забыл, что Достоевский сам был разночинцем: «А знаете ведь это все помещичья литература. Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье еще не было» — писал Достоевский Майкову, как бы отвечая на его вопросы. Попыткой сказать «новое слово» и является творчество Достоевского.

Глава вторая

ДОСТОЕВСКИЙ В 40-е ГОДЫ

В жизни Достоевского 40-е годы были самым замечательным временем. Он был признан как писатель, вошел в кружок Белинского, принимал активное участие в деятельности «тайных обществ», был приговорен к смертной казни и пережил «ужасные, невыразимо страшные» минуты ожидания смерти. В произведениях, написанных после каторги, Достоевский часто обсуждал вопросы, занимавшие его в юности, и, нередко, несмотря на изменение взглядов, в духе идей, владевших им в 40-е годы.

Поэтому изучение деятельности Достоевского до каторги дает возможность не только понять взгляды молодого писателя, но и объяснить многое в его творчестве эпохи 60-70-х годов. Прежде, чем перейти к анализу, необходимо сказать несколько слов о патриотизме Достоевского. Он был патриотически настроен с детства. Любовь к России и русским владела им безраздельно и оказала огромное влияние на все его творчество. Интересное свидетельство о патриотизме Достоевского до каторги содержится в его письме к А. Майкову. Рассуждая о неизменности убеждений, сложившихся в юности, Достоевский спрашивает почему Майков в настоящее время восторгается «патриотизмом, русской идеей и национальной честью», тогда как для Достоевского эти понятия «всегда были так же священны и он всегда разделял эти же самые чувства: Россия, долг, честь и всегда был истинно русским»¹. В этом же письме Достоевский замечает, что увлекаясь утопическим

социализмом, он никогда не был слепым последователем западных идей, а критически брал то, что считал нужным для России. По его мнению, многие члены революционных кружков «смотрели на французские идеи со стороны научной, не более, и сами были всегда русскими». «Я, — пишет Достоевский, — до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это был русский народ, мои братья по несчастью и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его; ибо сам был русским... и на каторге узнал практически, что всегда был русским по сердцу»². Приведенные замечания соответствовали действительности. Патриотическое чувство было сильно у Достоевского с юности. С годами его любовь к России и русским усиливается и накладывает особый отпечаток на все его творчество. Каждый даже кратковременный отъезд из России повергал Достоевского в глубокое уныние. Он ничего не видел и не хотел видеть хорошего в других странах. За границей его ничто не поражало, зато все раздражало. Отчасти это может быть объяснено тем, что пребывание за границей, после закрытия журнала «Эпоха», было вынужденным. Достоевский бежал туда, спасаясь от долгов, сильно нуждался и эта жизнь возбудила в нем «кровное до ненависти отвращение к Европе»³. Допустим, что все было так, но вот «заграничная каторга» кончилась. С 1871 года Достоевский живет в России и только иногда выезжает в Германию на лечение в город Эмс. Казалось бы, что четыре недели, которые он проводил в Эмсе могли оставить у него приятное впечатление. Судя по письмам, оказывается, что они для него как бы равнялись четырем годам каторги, потому что Берлин «скучный и ужасный город», немцы «народ грубый, неотесанный, подлеиший»⁴, они «несносны и нетерпимы». Эмс «свинское, подлое место, подлее которого нет на свете»⁵. В своих осуждениях немцев Достоевский неутомим и не упускает ни одного случая, чтобы не обругать их. Сообщая жене об изменчивости эмской погоды, он меланхолически добавляет: «Сегодня утром встало было яркое солнце, а теперь опять ветер и немцы, и

облака. Грустно»⁶. Странная, на первый взгляд, ненависть Достоевского к немцам, может быть, отчасти, понятна, если принять во внимание враждебное отношение немцев к русским. Но не лучше обстояло дело с отношением Достоевского к другим национальностям. Швейцарцев он упрекает в «бесчестности, в низости, невероятной тупости и неразвитости», замечая, «конечно, — немцы хуже, но и эти стоят чего-нибудь»⁷. Его поражает нечистоплотность швейцарцев: «Киргиз в своей юрте живет чистоплотнее. Я бы захохотал в глаза, если б мне сказали это прежде про европейцев, но черт с ними. Я ненавижу их дальше последнего предела»⁸, — потому что «если б вы знали как глупо, тупо, ничтожно и дико это племя... Страшная посредственность во всем и нравы дикие... низость развития. Какое пьянство, какое воровство»⁹. В заслугу швейцарцам ставится только то, что они умнее немцев, которые «безмерно глупы, неизмеримо глупы». Во Франции Париж оказался «прескучным городом», в котором «можно умереть от скуки». «Французы такой народ от которого тошнит... француз тих, честен, вежлив, но фальшив и деньги у него все. Идеала никакого... Уровень общего образования низок до крайности»¹⁰. Как видно, дело было не только в немцах, а во всех западных народах, которым Достоевский противопоставлял Россию.

Так было после каторги. До каторги любовь к России была так же сильна, но она выразилась, главным образом, в борьбе молодого писателя против «рабства дикого».

Достоевский познакомился с жизнью крестьян еще з детства в селе Даровом. Он наблюдал жизнь народа в 1837 году при путешествии из Москвы в Петербург и П. Альминский в романе «Алексей Слободин», описывая в образе Алексея Слободина молодого Достоевского, совершенно правильно отметил, что Достоевский любил крестьян. Детство сделало его «сыном родной земли, глубоко способным радоваться ее радостями, болеть ее страданиями и чутко понимать ее кровные нужды»¹¹. «Алеша (Достоевский) знал жизнь народа. Своими рассказами о жизни крестьян он заинтересовал всех окружающих. Он обнаружил близкое знакомство с та-

кими сторонами русской жизни, о которых и не снилось людям, проводившим свое детство в районе разных Ме-щанских»¹².

Патриотизм Достоевского предопределил мощное влияние на молодого писателя русской литературы. Из переписки Достоевского видно, что он с увлечением читал Шиллера, Ф. Сулье, Е. Сю, Гофмана, Сервантеса, Расина, Корнеля, Гете, Байрона, Диккенса, Бальзака, Шатобриана, Купера и других западно-европейских писателей. Без сомнения, их произведения оказали на него определенное воздействие, но спрашивается насколько сильно оно было? После каторги в 1861 г. в статье «Последние литературные явления», полемизируя с К. Аксаковым, Достоевский с исчерпывающей полнотой высказал свои соображения о взаимоотношении русской литературы с западной. Он критиковал Аксакова за то, что тот считал всю русскую литературу «подражанием и стремлением к иноземному идеалу». По мнению Достоевского, европейский идеал, европейский взгляд и вообще европейское влияние отозвалось в русской литературе, «но разве мы рабски воспринимали их, разве не переживали их жизненным процессом, разве не вырабатывали своего русского взгляда на эти иноземные явления, разве не убедились, не прочувствовали самую жизнь, что общечеловечность есть, может быть, самое важнейшее и святейшее свойство нашей народности»?¹³, — спрашивает он. Высказывание Достоевского является как бы ответом на вопрос о влиянии западной литературы на его творчество. Это влияние было общим, идейным и ни в коем случае не может сравниться с огромным влиянием, оказанным на молодого писателя русской литературой. Творчество Пушкина, Гоголя, критические статьи Белинского, произведения писателей натуральной школы и идеи кружка Петрашевского, предопределили направление творчества Достоевского. Все современники единогласно отмечали сильное влияние на Достоевского не иностранной, а русской литературы и в особенности Пушкина и Гоголя. Н. Страхов писал: «Достоевские были прямыми питомцами петербургской литературы, это всегда нужно помнить при оценке их литературных приемов и суждений»¹⁴. «Когда я узнал

Достоевского, — продолжает Страхов, — «он был горячим поклонником Пушкина и Гоголя. Он и тогда любил читать те самые стихотворения Пушкина, которые читал потом на Пушкинском празднике. Пушкин и Гоголь, эти два великана нашей словесности, замечательным образом отразились уже в первой повести Достоевского, в «Бедных людях». Именно тут прямо и ясно выражено, что автор не вполне доволен Гоголем и что прямым своим руководителем он признает только Пушкина. Беспощадная ирония Гоголя осуждена, как слишком жестокое, как слишком сухое отношение к людям»¹⁵. Брат Достоевского, Андрей, пишет, что «Федор любил повести Нарежного, из которых «Бурсака» перечитывал неоднократно. С большим удовольствием читал роман Вельтмана «Сердце и думка», «История» Карамзина была его настольной книгой»¹⁶. Хорошо знавший Достоевского, С. Яновский в своих воспоминаниях заметил, что «Пушкина и Гоголя Достоевский ставил выше всех и часто цитировал из их сочинений на память целые сцены или главы... Гоголя Ф. М. никогда не уставал читать и нередко читал его вслух, объясняя и толкуя до мелочей. Когда же он читал «Мервые души», — то почти каждый раз, закрывая книгу, восклицал: «Какой великий учитель для всех Русских, а для нашего брата писателя в особенности»¹⁷.

Влияние Гоголя на Достоевского было сильно, но Достоевский не был слепым последователем Гоголя и весьма критически относился ко многим его взглядам. Не то с Пушкиным. Достоевский всегда был поклонник Пушкина и находился под сильным воздействием творчества последнего. Пушкиным он увлекался в молодости, о Пушкине произнес свою знаменитую речь незадолго до смерти. В дар Пушкину он принес свою славу: свой лавровый венок.

Пушкин, Гоголь, Лермонтов и другие русские писатели были близки Достоевскому и как патриоты. Глубокое впечатление произвел на Достоевского патриотизм Гоголя. Мережковский не без основания заметил, что «изнуряющее, губительное чувство напрасной любви к родине было у Гоголя еще сильнее, чем у Пушкина.

Оно нарушило навеки его внутреннее равновесие, довело до безумия»¹⁸. Взгляд Гоголя на свою литературную деятельность, как на служение России, сложился в 30-е годы, когда писатель твердо решил, что его призвание быть пророком, мессией, посланным исправить недостатки и указать путь к спасению своему народу. Его любовь к России и русским была безгранична: «Соотечественники! Я вас любил, любил тою любовью, которую не выказывают: и любовь эта была мне в радость и утешение среди наитягчайших моих страданий»¹⁹, — писал тяжело больной Гоголь в своем завещании. Он знал, что «Россия несчастна от грабительств и неправды» и требовал от каждого дворянина «службы земле, а не себе». Гоголевское отношение к России было близко Достоевскому. Он так же критиковал темные стороны русской жизни и требовал от каждого, и, в первую очередь, от интеллигенции служения России. Гоголь указал Достоевскому в каком направлении нужно идти и Достоевский, как бы ответил на призыв Гоголя «служить земле, а не себе» первым романом «Бедные люди»... Работая над романом, Достоевский находился под влиянием эстетических взглядов Белинского, что и отразилось в произведении. Высказанное соображение разделяется далеко не всеми, но факты сами говорят за себя. Много лет спустя после каторги, вспоминая пережитое, Достоевский писал, что еще до 1845 года он уже «несколько лет читал с увлечением»²⁰ Белинского. В памятную для Достоевского ночь, когда Некрасов с Григоровичем, прочитав «Бедных людей», в четыре часа утра пришли поговорить с ним, они говорили «с полслова понимая друг друга о поэзии и о правде» и о «тогдашнем положении», разумеется, и о Гоголе, цитируя из «Ревизора» и из «Мертвых душ», но главное, о Белинском»²¹. После первой встречи с Достоевским, Белинский понял, что перед ним был человек, полностью разделявший его взгляды, и Достоевский был дружески принят в кружок. В своих воспоминаниях А. Г. Достоевская пишет: «Белинский был дорогой для Федора Михайловича человек. Он высоко ставил его талант еще не зная его личности. Но высоко ставя критический дар Белинского и искренне питая благодар-

ное чувство за поощрение его литературного дарования, Федор Михайлович не мог простить ему то насмешливое и почти кощунственное отношение этого критика к его религиозным воззрениям и верованиям... многие тяжелые впечатления, вынесенные Федором Михайловичем от общения с Белинским, были следствием сплетен и наветываний»²². Из воспоминаний А. Г. Достоевской видно, что Достоевский никогда не мог забыть Белинского. В 60-е годы он написал статью о Белинском в которой хотел «высказать самое существенное и искреннее об этом дорогом вначале и в заключение столь враждебно относившемся к нему писателе»²³.

В конце 40-х годов пробным камнем для выяснения взглядов того или иного писателя было известное письмо Белинского к Гоголю. В этом письме Белинский в черных красках изобразил внутреннее положение России, как страны, «где люди торгуют людьми», где «нет никаких гарантий для личности, чести и собственности, где нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»²⁴. Белинский требовал уничтожения крепостного права, отмены телесного наказания и введения строгого выполнения существующих законов.

Как же отнесся к этому письму Достоевский? Оказалось, что он не только имел с него копию, которую давал для списывания другим, но и сам читал письмо на собраниях петрашевцев. Правда, в период 70-х годов Достоевский выступает с резкой критикой Белинского, но, во-первых, эта критика была односторонней (она почти не коснулась эстетических взглядов Белинского), а, во-вторых, непоследовательной, так как Достоевский к концу 70-х годов опять изменил свое отношение к Белинскому. Обычно за этими колебаниями исчезает отношение Достоевского к Белинскому до каторги, а между тем, основываясь на документальных, данных, можно сказать, что он был близок не только с Белинским, но и с его семьей. В 1846 году Достоевский просил брата встретить в Ревеле жену Белинского, подыскать няньку для ее дочери, и т. д., то-есть оказать самый родственный прием. Он очень хорошо знал жизнь Белинских и сообщал брату, что «мадам Белинская

весьма слабая, пожилая и больная женщина... что Белинские люди добрые и обходятся с прислугой примерно хорошо»²⁵. В письмах Достоевского к брату постоянно упоминается имя Белинского. То сообщается, что Достоевский весьма часто бывает у Белинского, который к нему «донельзя расположен», то, что Белинский его «донельзя любит и охраняет от антрепренеров». Сильное влияние идей Белинского на Достоевского объясняется и общей патриотической настроенностью молодого писателя и критика. О силе влияния Белинского на Достоевского свидетельствует случай с рассказом «Хозяйка». Белинский дал отрицательный отзыв о рассказе и после этого Достоевский никогда не пытался писать романтических произведений. После разрыва с Белинским, Достоевский остается среди писателей натуральной школы и идет по пути, который указал критик.

Достоевский и натуральная школа

Сороковые годы в России были временем развития «натуральной школы». Ее манифестом считается изданный в 1845 году Некрасовым сборник «Физиология Петербурга», но фактически новое направление проявляется гораздо раньше. Еще в 1841 году А. Башуцкий издал книгу под названием «Наши, списанные с натуры русскими». В предисловии к ней замечалось, что цель книги «показ русских природных нравов, привычек, причуд, странностей, в ней должен отразиться русский быт, общественное устройство, характер, лица, качества».

Издатель ставил своей целью доказать, что «русские могут производить прекрасное в том, за что они взялись». В рецензии на книгу Белинский писал, что «русские собственными силами и средствами могут не уступать иногда Европе». В 1842 г. появляется рассказ Ф. Булгарина «Салопница», в том же году был напечатан «Петергофский праздник» И. Мятлева, а в 1843 «Находчивое поколение» Даля. В 1843 году вышли «Очерки русских нравов, или лицевая сторона и изнанка рода человеческого» Булгарина. Художник, иллюстрировавший очерки, к одному из них («Ворожея») нарисовал

Булгарина, подслушивающего разговор ворожеи с девицей. Н. Некрасов, используя этот случай, издевательски высмеял страсть Булгарина к шпионству и доносам. В своей рецензии он заметил, что кроме ворожеи, ее дочери и девушки художник поместил за ширмами «доброго от природы, но одаренного несколько странной слабостью к подслушиванию человека», в лице которого пытался изобразить «пагубную страсть к подслушиванию, пересказам и переносам». По мнению Некрасова, лица женщин ничего не выражают, кроме глупости, «но лицо человека, обуреваемого страстью переносить и подслушивать, создано художнически»²⁶.

То, что было намечено слабыми линиями в упомянутых произведениях, получило яркое выражение в сборнике «Физиология Петербурга».

Идейный руководитель новой школы Белинский еще в статье «Русская литература в 1842 году» отметил, что у нас общественная жизнь преимущественно выражается в литературе. Основываясь на этом, он требовал от последней сближения с «натурой», настаивая в то же время, чтобы писатели художественно воспроизводили действительность. По его мнению, писать в духе натуральной школы, т. е. реалистически, совсем не значило описывать все что попадется на глаза: «Не преувеличение, не ложь, не ребяческая фантазия, а факт действительности, такой, как она есть, но факт не списанный с действительности, а проведенный через фантазию поэта, озаренный светом общего, а не исключительного частного и случайного значения»²⁷, — должен находиться в основе художественного произведения.

Влияние натуральной школы росло, несмотря на ожесточенное сопротивление. В 1847 году Белинский заметил, что натуральная школа стоит на первом плане русской литературы, хотя ее писателей обвиняют «в стремлении изображать людей низкого звания, делать героями своих повестей мужиков, дворников, извозчиков, описывать углы и убежища голодной нищеты»²⁸. Белинский защищал новое направление, ссылаясь даже на авторитет религии: «Он, сын Бога, человечески любил людей и сострадал им в их нищете, грязи, позоре, разврате, пороках, злодействах, он разрешил бросить

камень в блудницу тем, которые ничем не могли упрекнуть себя в совести и устыдил жестокосердых судей.. А мы, сыны человеческие — мы хотим любить из наших братьев только равных нам, отворачиваемся от низших»²⁹, — писал критик.

Теоретические взгляды Белинского и творчество Гоголя были положены в основу литературной деятельности писателей натуральной школы, утверждавших, что объектом литературы могут и должны быть представители низших сословий, что для литературы нет низких тем, а «толпа», к которой так пренебрежительно относились сторонники теории «искусство для искусства», является одним из важных объектов изображения.

Успех сборника «Физиология Петербурга» показал, что поставленные в нем проблемы отличались большим общественным значением. Ободренный Некрасов приступил к подготовке «Петербургского сборника», который был издан в 1846 году. Главным произведением в нем был роман Достоевского «Бедные люди».

Ведущей идеей сборника был протест против всего, что подавляет и угнетает личность. Робко и неуверенно осуждает герой романа Достоевского существующие порядки, при которых одному при рождении все дается, а «другой из воспитательного дома на свет Божий выходит». Резко критикует весь строй современной жизни Герцен, трагическую историю гибели крепостной девушки сообщает Некрасов, сатирически изображает помещное дворянство Тургенев.

Произведения писателей натуральной школы возбуждали негодование сторонников теории «искусство для искусства». «Северная Пчела» Булгарина, «Библиотека для чтения» Сенковского, «Маяк» и «Сын Отечества» в один голос утверждали, что литература «пропахла мужиком», что писатели натуральной школы ищут вдохновения в «темных углах», что натуральное направление «вообще грязное и грешит грубостью», любит «сальные темы», а писатели этого направления «любят рыться в помойных ямах».

В развернувшейся ожесточенной литературной борьбе, сам основоположник натуральной школы, Гоголь не сумел разобраться в происходящих событиях,

попытался пойти в обратную сторону и погиб, осужденный своими последователями.

Достоевский отрицательно и враждебно отнесся к проповеднической деятельности Гоголя и энергично защищал натуральную школу. П. Альминский в романе «Алексей Слободин» пишет, что Слободин (Достоевский) «спокойно и с глубокою силой независимости отстаивал значение и заслуги натуральной школы и в особенности того ее направления, которое обратилось к крестьянскому быту... Это богатый и плодотворный материал, — говорил он. — Знакомство с народом теперь на очереди, да его обойти нельзя, без него с места не сдвинешься... Натуральная школа открыла нам мир бедняков всякого рода и неизбежно пришла к мужику, потому что мужик у нас самый великий бедняк. Теория деления предметов на высокие и низкие никуда не годится. Не в том дело, что писатели изображают, так называемые, «низкие» предметы, а в том, что в изображениях их видно малое знакомство с русским крестьянином, — идилия, фальшь... Это оттого, что все мы на крестьянский быт смотрим барскими глазами. Надо знать мужика»³⁰.

Творческая деятельность писателей натуральной школы

Писатели натуральной школы: Некрасов, Тургенев, Григорович, Герцен, Даль, Бутков, Кокорев, Гребенка и другие в своих произведениях, каждый по-своему, боролись против крепостного права, критикуя условия, искажавшие нормальное развитие человека.

К радикальному изменению существующих общественных отношений призывали Некрасов и Герцен, гуманистическими тенденциями были проникнуты рассказы Тургенева. Разрушительную силу крепостного права показал литератор Гребенка. Описанию жизни народа был посвящен рассказ Даля: «Хмель, сон и явь». В нем автор полемически подчеркивал своеобразие тематики произведений писателей натуральной школы: «Ведаясь промеж собою, в кругу людей, коим уже родом и судьбою назначено жить белоручками, мы удалены от жизни

чернорабочих. Жизнь простолюдина кажется нам чрезвычайно однообразною, незанимательною: всем помышлениям указан тесный круг, вечные заботы о насущем хлебе, нет потребностей, кроме сна и пищи»³¹. По мнению Даля, такой взгляд неверен: «Человек все один и тот же, отличается один от другого либо тем, что Бог ему даст, — и этот дар даруется не по сословиям, либо тем, что приобретаешь наукой и образованием»³².

О жизни бедняков писали Я. П. Бутков и И. Т. Кокорев. Биографии обоих писателей отличались своеобразием. Бутков был сын мещанина, из-за бедности он не смог окончить даже начальной школы и всю жизнь занимался самообразованием. Попав в Петербург, он должен был все время бороться с нищетой. Рассказы Буткова, изданные в сборнике «Петербургские вершины» (часть 1, 1845 г. и часть 2, 1846 г.), произвели сильное впечатление. В них автор изобразил жизнь мелких тружеников. Бутков показал, что среди бедняков есть мыслящие люди, которые гибнут, как жертвы обстоятельств. По мнению писателя, все дело в разнице имущественного положения. Сила, управляющая миром — деньги. Они распоряжаются «жребием человеческим». «Человек без рублей ничего не значит, ни к чему не годится и ничего не стоит. Человек с рублями... имеет значение всюду, годится ко всему»³³, — замечает Бутков, приступая к описанию злоключений своего героя в повести «Сто рублей». Сын безвестного поэта, Авдей, занят мучительными поисками работы, чтобы прокормить мать и сестру. Он не смеет мечтать о счастье и гибнет не в силах выбиться из тисков нужды.

Одиноким и заброшенным ребенком растет герой второго рассказа Буткова «Горюн». Его окружают чужие грубые люди. Наконец, мальчик вырастает и становится мелким чиновником. Безропотно тянет свою лямку и, может быть, так и прожил бы всю жизнь, если б не влюбился в прекрасную девушку, оказавшуюся проституткой. Потрясенный неожиданным открытием, он напивается пьян, теряет место и вскоре умирает. Несмотря на яркость картин, в рассказах Буткова нет глубины. Явления берутся изолированно. Не показаны внутренние переживания героев.

Большим своеобразием отличаются рассказы И. Т. Кокорева. Не ограничиваясь изображением жизни мелких чиновников, Кокорев показал жизнь извозчиков, старьевщиков, кухарок и других групп населения, стоявших на низших ступенях социальной лестницы. Кокорев обладал исключительными знаниями описываемой среды, потому что сам вышел из крепостных людей. Его брат был извозчиком, а мать кухаркой. Героям Кокорева чужд протест. Жалкие люди ведут жалкую жизнь и умирают жалкой смертью.

Большое внимание писатели натуральной школы уделяли изображению страданий детей. В 1848 году А. Я. Панаева в повести «Семейство Тальниковых» описала жестокое угнетение детей. Описание было правдиво, т. к. произведение было автобиографическим. О страданиях детей пишет в своей повести «Деревня» Григорович. Уделили большое внимание детям: Некрасов, Бутков, Кокорев, Салтыков, Достоевский и другие писатели.

Анализ противоречий человеческой природы, так часто встречающийся в творчестве Достоевского, намечался в произведениях писателей натуральной школы. Еще Кокорев заметил, что в человечестве есть разительное соединение самых противоположных качеств: «самые низкие пороки не мешают иногда проявлению в одной и той же личности высоких добродетелей и наоборот, себялюбие уживается с самоотвержением, ханжество идет рука об руку с порывами истинного благочестия»³⁴... Тема власти денег, получившая столь яркое выражение в романах Достоевского, развивалась и писателями натуральной школы. Гибнет герой повести Буткова «Сто рублей», Авдей, убедившись в том, что он не может спасти мать и сестру. Думая о матери и сестре, решается на убийство старухи герой романа Достоевского Раскольников.

Сходство тем и проблем произведений Достоевского с темами и проблемами писателей натуральной школы говорит о воздействии на него идейной атмосферы этой школы. Влияние Пушкина, Гоголя, Белинского и натуральной школы предопределило содержание и идейную направленность творчества Достоевского до ка-

торги, но это не значит, что Достоевский был простым подражателем. Чтобы ответить на вопрос, что нового дал Достоевский целесообразно рассмотреть его первый роман.

Роман Достоевского «Бедные люди»

Роман Достоевского, как и большинство произведений писателей натуральной школы, был посвящен описанию жизни бедноты. Тема романа не только не отличалась оригинальностью, но была довольно избита. Начиная с Семена Вырина, героя повести Пушкина «Станционный смотритель», и Башмачкина Гоголя («Шинель»), образы бедных чиновников очень часто встречались в произведениях русских писателей.

Если тема романа «Бедные Люди» не отличалась оригинальностью, то то же самое можно сказать о форме. Эпистолярная форма широко использовалась писателями сентиментального направления и порядочно надоела читающей публике. Сюжет произведения не был стройным и все же роман в целом производил и производит чрезвычайно сильное впечатление. Белинский хвалил Достоевского за то, что его муза любит «людей на чердаках и в подвалах», но эту похвалу с одинаковым успехом можно отнести к любому писателю натуральной школы. Почему же Белинский писал о Достоевском, что «его талант... необыкновенный и самобытный»³⁵, что «много, в продолжении его поприща, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы»³⁶. Что же было самобытного в таланте Достоевского? Ответ на этот вопрос дает роман. Среди произведений писателей натуральной школы, он был шагом вперед, потому что отличался необычайной глубиной и силой психологического анализа. Кроме того, Достоевский показал трагедию действующих лиц романа, как трагедию широких общественных групп. Он изобразил страдания, вызванные неустойчивостью и несовершенством жизни, показал потенциальную способность своих героев к развитию. Недаром в разговоре

с П. Анненковым, Белинский заметил: «Бедные люди» — это роман начинающего писателя: каков этот господин с виду, и каков объем его мысли — еще не знаю, а роман открывает такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у нас социального романа и сделанная притом так, как делают обыкновенно художники, т. е. не подозревая и сами, что у них выходит»³⁷. В отличие от многочисленных персонажей произведений писателей натуральной школы, герой романа Достоевского «Бедные люди», Девушкин, показан автором как человек способный к развитию. Сначала Девушкин сообщает Вареньке, что он с интересом слушал сказки и что стихи «вздор», за который ребятишек секут. Познакомившись с жалким литератором Ратазиевым и его кружком, Девушкин заинтересовался литературой. «А хорошая вещь литература, — пишет он Вареньке. — Глубокая вещь! Сердце людей укрепляющая, поучающая... Литература — это картина, т. е. в некотором роде картина и зеркало»³⁸. Сначала Девушкин увлекается бульварными романами, но от них он идет к Гоголю и Пушкину. Он оказывается способным оценить талант Пушкина. «Случается же так. Живешь и не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя, как по пальцам разложена. Да и что самому прежде невдогад было, так вот здесь, как начнешь читать... так сам все помаленьку и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь»³⁹. Девушкин оказался способным оценить реализм Пушкина: «Нет, это натурально! Это живет. Я сам видел, это вот все около меня... Да, и сколько между нами ходит Выриных»⁴⁰. Девушкин пытается понять и осознать свою жизнь. От слепой покорности судьбе, он идет к осуждению существующей неправды. Богатые люди «не любят, чтобы бедняки на худой жребий вслух жаловались, они беспокоят, они де назойливые. Да и всегда то бедность назойлива, спать что ли мешают их стоны голодные»⁴¹. Достоевский преодолел гоголевское отношение к мелким чиновникам. Гоголь в своей повести «Шинель», описывая злоключения Башмачкина, не мог признать своего героя настоящим человеком. Он сочувствовал ему, страдал за него, но все же Акакий Акакиевич остался для

Гоголя скорее «добрым животным», чем человеком. Гоголевское отношение к мелким труженикам стало как бы обязательным; его последователи, даже в случае, если они сами были выходцами из описываемой среды, считали необходимым как бы извиниться перед читателем за недостатки героев. С этой традицией порвал Достоевский. Его герои, прежде всего, люди. Они отличаются от других только тем, что живут в очень тяжелых условиях. Чувство человеческого достоинства есть у каждого, но бедность и нищета калечат и уродуют это чувство. Теоретически «бедность не порок», практически часто ведет к пороку... Девушкин допускает, что в бедности еще можно сохранить свое человеческое достоинство, в нищете — никогда.

Роман «Бедные люди», на фоне произведений писателей натуральной школы, выделялся своей многосторонностью. В нем Достоевский полемически выступил против романтизма. В эту эпоху борьба с писателями романтиками вызвала к жизни весьма интересное явление: пародийную повесть, образцом которой является «Необыкновенный поединок» Говорилина (А. Кульчицкий). Высмеивая приемы писателей романтической школы, автор каждую главу своей повести снабдил эпиграфами, взятым из произведений А. Марлинского, Н. Полевого и Н. Кукольника. В контрастном сопоставлении с содержанием повести эпиграфы вызывают комический эффект. Да и сами по себе, они были весьма выразительны. Например: «Вероломство, вероломство поселилось в этом доме: горе несчастному, кто вошел под кровлю его с доверчивостью ребенка»⁴². «Ни за что не ручаюсь, — повторил Аркадий. Он страшно сжал кулаки и заскрежетал зубами»⁴³. «Ты, моя, моя, ты не вырвешься из объятий души моей, я умерщвлю тебя моим последним смертным дыханием»⁴⁴.

В «Бедных людях» мы так же встречаемся с резким пародированием романтического стиля, но Достоевский употребил весьма интересный прием. Свои критические замечания он выражает под видом похвал. Герой романа «Бедные люди» Девушкин, с восторгом сообщает Вареньке о прочитанных им книгах, приводя цитаты:

«Владимир вздрогнул, и страсти бешено закло-

тали в нем, и кровь вскипела... Графиня, я люблю, люблю восторженно, бешено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальет бешено kloкочущего восторга души моей!.. Из груди его испарился вздох. Пожар вспыхнул ярким пламенем на алтаре любви и взбороздил грудь несчастных страдальцев. — Владимир! шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки багровели, очи горели... Новый ужасный брак был совершен» 45. В пародийном духе устами Девушкина, излагает Достоевский отрывок из другой повести: «Ермак и Зюлейка», в которой описывается любовь покорителя Сибири Ермака и дочери царя Кучума Зюлейки. В приподнятом и напыщенном тоне, как герой Кукольника, Ермак заявляет, что он покажет всему свету свою возлюбленную:

«И люди, бешеные чудовища, не посмеют обвинить меня, если им понятны эти тайные страдания ее нежной души, если они способны видеть целую поэму в ее одной слезинке. Дай мне стереть поцелуями эту слезинку, дай мне выпить ее, эту небесную слезинку... неземная» 46.

Как романтически настроенная барышня, отвечает Ермаку «дикая дева гор» Зюлейка: «Свет зол, люди несправедливы! Они будут гнать, они осудят нас. Что будет делать бедная дева, взросшая среди родных снегов Сибири, в вашем холодном, ледяном, бездушном, самолюбивом свете?» 47.

После того, как слепой старец Кучум, пользуясь темнотой ночи убил Зюлейку, Ермак кричит: «Любо мне шаркать железом о камень! И в диком остервенении, точит булатный нож свой... — Мне нужно их крови, крови! Их нужно пилить, пилить, пилить!!!» 48.

Пародируя стиль писателей романтиков, Достоевский в то же время переживал сложный процесс преодоления своих романтических тенденций.

Воспитанный на произведениях Карамзина, стихах Жуковского, повестях Марлинского, ранних повестях Гоголя и Погорельского, он не мог сразу освободиться от чар романтизма и в «Бедных людях» можно найти романтические черты, хотя бы в изображении Быкова.

Романтическая стихия жила в душе писателя. Он критиковал крайности романтизма, что не помешало ему в 1847 г. выступить с романтической повестью «Хозяйка».

Понятно раздражение Белинского, который после ознакомления с повестью, назвал ее «замечательной, но совсем в ином роде, чем «Бедные люди». Герои ее, по мнению Белинского, «кривляются и ломаются. Ордынцов занимался, как видно, кабалистикой, чернокнижием, но ведь это не наука, а сущий вздор». «Купчиха несла какую-то дичь, в которой нельзя понять ни единого слова, а Ордынцов, слушая ее, беспрестанно падал в обморок... Что они говорили друг другу, из чего так махали руками, кривлялись, ломались, замирали, обмирали... мы не знаем»⁴⁹.

Белинский не учел сложности натуры Достоевского, не понял, что Достоевский не мог так скоро расстаться с грезами юности, но русская действительность, влияние Пушкина, Гоголя и натуральной школы предопределили его отход от романтизма.

Статьи Достоевского эпохи 40-х годов

Большое значение для выяснения взглядов молодого Достоевского имеют его публицистические произведения. К ним относятся: объявление об издании альманаха «Зубоскал», напечатанное в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1845 год, и четыре фельетона, опубликованные в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» в 1847 году. В объявлении об издании альманаха «Зубоскал», Достоевский выступает как пропагандист идей натуральной школы. Главным достоинством будущего альманаха он считает правдивость: «Правда прежде всего. «Зубоскал» будет отголоском правды, трубою правды, будет стоять день и ночь за правду, будет ее оплотом, хранителем и особенно теперь, когда, с недавнего времени, правда ему страх как понравилась..., до последней капли крови будет за правду стоять»⁵⁰. На следующей странице Достоевский пишет: «Итак, повторяем: правда прежде всего. «Зубоскал» будет жить правдой, отстаивать правду, подвизаться за правду, и

— чего, впрочем, Боже сохрани — если случится ему умереть, то он и умрет не иначе, как за правду. Да! Не иначе как за правду! 51.

Достоевский олицетворяет журнал «Зубоскал» в образе молодого человека: «веселого, бойкого, радостного, шумливого, игривого, крикливого, беззаботного», доброго малого, но с блестящим образованием. Этот молодой человек много видел и много узнал, «много молодого опало» и остался лишь смех. Достоевский уверяет, что этот смех «невинный, простой, беззаботный, ребяческий смех над всеми и над всем» 52. С этим уверением трудно согласиться. Молодой человек смеется не от избытка веселости, а потому что он на голову выше окружающих и его не удовлетворяет пустая жизнь большинства современников: «Виноват ли он, что там, где вы видите дело серьезное, строгое, он видит лишь шутку... в ваших надеждах и стремлениях — заблуждения, натяжку, чистый обман... Виноват ли он, что видит изнанку кулис, когда вы видите лишь одну сторону лицевую, виноват ли он, наконец, что весь, например, Петербург, с его блеском и роскошью, громом и стуком, с его бесконечными типами... с его господами и сволочью, — глыбами грязи, как говорит Державин, позлащенной и не позлащенной, аферистами, книжниками, ростовщиками, магнетизерами, мазуриками, мужиками... представляется ему бесконечным альманахом» 53.

Герой Достоевского «неутомимый ходок», хороший наблюдатель «знает свой Петербург как свои десять пальцев». Его можно увидеть не только на балах, выставках, литературных собраниях, но и «в самых дальних закоулках и углах Петербурга. Он не брезгает ничем. Он везде со своим карандашом и лорнетом». Образ литератора, созданный Достоевским, является типичным для натуральной школы, а объявление похоже на пересказ содержания статьи Белинского о задачах литературы.

Обращает на себя внимание словарный состав «объявления». Достоевский употребляет ряд простонародных выражений: «по-пусту зубы скалят», «скалят по заказу зубы», «грубое, немытое, площадное, нечесанное, мужицкое название», «соврать». Встречаются в тексте и поговорки: «за словом в карман не полезет!», «для красного словца не пожалеет первейшего друга».

В начале 1847 года Достоевский вышел из кружка Белинского. Спрашивается изменились ли его взгляды? Ответ на этот вопрос дают фельетоны, написанные в этом же году. В фельетоне «Петербургская летопись» Достоевский замечает, что общественная жизнь у нас слабо развита: «Для общественной жизни нужно подготовить так много условий»⁵⁴. «Жизнь — целое искусство. Жить — значит сделать художественное произведение из самого себя». Это возможно только «при общественных интересах, в сочувствии к массе общества и к ее прямым непосредственным требованиям, а не в дремоте, не в равнодушии, от которого распадается масса, не в уединении»⁵⁵. Достоевский критикует бессодержательность газетных статей, в которых сообщаются «животрепещущие» новости, от которых «читатель так и затрепещет радостью». «Животрепещущими» новостями обычно являлись сообщения о приезде или отъезде какой-либо артистки. Достоевский враждебно относится к представителям высшего общества, которые, промотав последнюю копейку, продолжают разъезжать в каретах и брызгать грязью на людей, «честным трудом добывающих себе хлеб в поте лица»⁵⁶. Жизнь светского общества бессодержательна. Масса времени тратится на пустую болтовню, которую можно слушать целыми часами и все равно нельзя понять, о чем говорят «о перчатках ли, о сельском хозяйстве, или о том продолжительна ли женская любовь»⁵⁷. Эта жизнь кажется Достоевскому призрачной, ненастоящей: «Слышится, что сквозь бесцветный мотив обыденной жизни нашей звучит другой, пронзительный живучий и грустный, как в Берлиозовом бале у Капулетов. Тоска и сомнение грызут и надрывают сердце»⁵⁸. Фельетоны Достоевского социально застроены. Он отмечает, что: «жажда деятельности доходит у нас до какого-то лихорадочного, неудержимого нетерпения: все хотят серьезного занятия, многие с жарким желанием сделать добро, принести пользу, и начинают уже мало по малу понимать, что счастье не в том, чтобы иметь социальную возможность сидеть сложа руки, а в вечной неутомимой деятельности, и в развитии на практике всех наших наклонностей и способностей»⁵⁹.

Достоевский призывает молодежь к полезной дея-

тельности: «Попробуйте сами ступить первый шаг на лучшую и полезную деятельность, и представьте ее нам хоть в какой-нибудь форме, покажите нам дело»⁶⁰. Фельетоны Достоевского близки по форме и содержанию со статьями «Дневника писателя». В «Дневнике» даже есть высказывания сходные с приведенными цитатами из фельетонов. Например, в 1876 году Достоевский пишет: «Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль нетрудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на даровщину»⁶¹. Или: «Прежде чем проповедовать людям «как им быть», покажите это на себе сами и все за вами пойдут»⁶². В фельетонах Достоевский пишет о способности русского народа понимать все нации мира. Эта мысль получила дальнейшее развитие в «Дневнике». Нашли отражение в «Дневнике писателя» и романах Достоевского высказанные им в фельетонах соображения о ненормальных общественных условиях, уродующих человека: «Коль неудовлетворен человек, коль нет средств ему высказаться и проявить то, что получше в нем (не из самолюбия, а вследствие самой естественной необходимости человеческой сознать, осуществить и обусловить свое Я в действительной жизни), то сейчас же и впадает он в какое-нибудь невероятное событие, то, с позволения сказать, сопьется, то, наконец, с ума сойдет от амбиции»⁶³.

В фельетонах появляется проблема мечтателя, имевшая особое значение для всего творчества Достоевского. Молодой писатель пришел к выводу, что если человек не имеет возможности, в силу создавшихся общественных условий, заняться тем делом, которое он любит, которому хочет посвятить свои силы, «тогда в характерах, жадных деятельности, жадных к непосредственной жизни, жадных к действительности, но слабых, женственных, нежных, мало-по-малу, зарождается то, что называют мечтательностью и человек делается, наконец, не человеком, а каким-то странным существом среднего рода — м е ч т а т е л е м. А знаете ли что такое мечтатель, господа? Это кошмар петербургский, это олицетворенный грех, это трагедия, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая»⁶⁴.

Достоевский критически относится к мечтателям, но не осуждает их: «Виновата общественная среда, виновата действительность, которая производит впечатление тяжелое, враждебное на сердце мечтателя, и он спешит забиться в свой заветный, золотой уголок, который на самом деле часто запылен, неопрятен, беспорядочен, грязен»⁶⁵. Мечтатель постепенно «начинает чуждаться толпы, чуждаться общих интересов, и постепенно, неприметно, начинает в нем притупляться талант действительной жизни»⁶⁶. «И не трагедия такая жизнь! Не грех и не ужас! Не карикатура! И не все мы более или менее мечтатели!»⁶⁷, — пишет Достоевский в заключении.

Он недоволен медленным развитием страны. Гоголевское сравнение России с бешено-мчащейся тройкой кажется ему неверным. «Не скажем, — пишет Достоевский, — что современная жизнь наша мчится, как вихрь, как ураган, так что дух занимается, и страшно и некогда оглянуться назад. Нет, скорее походит на то, что мы еще как будто куда-то собираемся, хлопочем... Современная мысль не мчится в даль без оглядки, да она еще и побаивается быстрого хода. Напротив, она как будто приостановилась»⁶⁸. Достоевский критикует славянофилов, которые, по его мнению, хотят видеть национальность «в мертвой букве, в отжившей идее, в куче камней, будто бы напоминающих древнюю Русь, и, наконец, в слепом, беззаветном обращении к дремучей, родной старине»⁶⁹. В духе Белинского, Достоевский прославляет Петровские реформы: «Все почувствовали на себе силу и благо направления Петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его»⁷⁰. Достоевский критикует романтизм и романтических злодеев, которые так и «рождались злодеями для того, чтобы резать людей без всякой причины». Злодеем может быть не разбойник с ножом, а старик, который женится на 17-летней девушке, супруг, мелочными упреками загоняющий жену в гроб, отец, жестоко наказывающий своих детей.

Фельетоны отличаются большим своеобразием. Они не только публицистичны, но в то же время проникнуты художественными элементами. В них проявилась склон-

ность Достоевского к рефлексированию: «Мы всегда разомнем, истерзаем цветок, чтобы сильнее почувствовать его запах и ропщем потом, когда вместо аромата достается нам один чад» ⁷¹.

Фельетоны, как и «Дневник писателя», афористичны, например: «Двуличие, изнанка, маска — скверное дело, согласен, но если в настоящий момент все бы явились как они есть на лицо, то, ей Богу, было бы хуже» ⁷², или: «Чудно, как это создана человеческая натура! Вдруг, и ведь вовсе не из подлости, человек делается не человеком, а мошкой» ⁷³. В области поэтики интересны олицетворения Достоевского. Его пейзаж одушевлен и выражает настроение петербургских жителей: «Было сырое туманное утро. Петербург встал злой и сердитый... Он был сердит с ног до головы. Дурно ли он выспался, разлилась ли в нем в ночь желчь,... простудился ли он и захватил себе насморк, проигрался ль он с вечера как мальчишка в картишки,... он сердился так, что грустно было смотреть. Весь горизонт петербургской смотрел так кисло, так кисло... Петербург дулся. Видно было, что ему страх, как хотелось поссориться, расплеваться с кем-нибудь, окончательно распечь кого-нибудь» ⁷⁴.

Пейзаж Достоевского динамичен. Солнце у него «спешит расцеловаться со своим балованным детищем» — Петербургом. Оно остановилось на полдороге: «с недоумением и сожалением взглянуло на недовольного ворчуна, брюзгливого, чахлого ребенка и грустно закатилось за свинцовые тучи» ⁷⁵. «Ветер с визгом и свистом расхаживает по улицам, скрипя фонарями» ⁷⁶. Петербургскую природу Достоевский сравнивает с чахлой и хворой девушкой, «которая вдруг, на один миг и как-то нечаянно, делается чудно, неизъяснимо прекрасною, и вы, изумленный, пораженный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать таким огнем эти всегда грустно-задумчивые глаза... Но миг проходит, и, может быть, завтра же встретите вы опять тот же грустно-задумчивый и рассеянный взгляд, то же бледное лицо, ту же всегдашнюю покорность и робость в движениях, утомление, бессилие, глухую тоску, и даже слезы» ⁷⁷.

Можно отметить, что сравнения Достоевского своеобразны и оригинальны. В фельетонах используются

поговорок, которые Достоевский часто переиначивает. Например, «подобный господин столько же нуждается в добродетели, как в прошлогодних жолу-лях»⁷⁸. Здесь пропущено после «как» слово «свинья». Иногда, Достоевский, берет цитаты из других литературных произведений, заставляя так же переиначивая их: «Петербургская пыль, — пишет он, — конечно, не уступает в сладости древнему дыму отечества»⁷⁹. Можно думать, что здесь переделано изречение из «Горе от ума» Грибоедова: «Дым отечества нам сладок и приятен». Встречаются в фельетонах и простонародные выражения: «надоед как хрен»⁸⁰.

Отмеченные особенности фельетонов, и их сходство, по стилю и композиции, со статьями «Дневника писателя», позволяют рассматривать их как начало нового направления в творчестве Достоевского. Завершением этого направления был «Дневник».

Подводя итоги, мы можем сказать, что влияния, которым подвергался Достоевский в юности, отличались большой силой, пусть позже он переживает колебания все же идейная связь между ранним и поздним периодами его творчества сохранилась навсегда. Легко установить генеалогическое родство между героями произведений, так Катерина, из повести «Хозяйка», имеет много общего с Настасьей Филипповной («Идиот»), Емеля («Бедные люди») с Мармеладовым («Преступление и наказание»), некоторые черты господина Быкова («Бедные люди»), перешли к Свидригайлову («Преступление и наказание»). Но дело не только в генеалогическом родстве героев, примеры которого можно продолжать, оказывается, что и проблемы, волновавшие писателя в 40-е годы, в том или ином виде перешли в его произведения 70-х годов и «Дневник». Сила влияния идей юности была обусловлена и событиями, происшедшими в конце 40-х годов. После напряженной литературной деятельности, учебы и исканий, Достоевский, по собственному выражению, был на 9 лет заживо погребен в Сибири. После краткого отдыха, если журнальную работу можно назвать отдыхом, для него началась «вторая каторга», которая продолжалась с 1865 по 1871 год, и только последние несколько лет перед смертью,

Достоевский мог жить более спокойно, не думая о тюрьме, в которую его каждую минуту могли посадить за долги. В таких условиях он не мог развиваться так интенсивно, как в юности и идеи 40-х годов сохранили свою силу.

Обращаясь к творческой деятельности Достоевского до каторги, можно отметить, что после романа «Бедные люди» в повестях «Двойник» и «Хозяйка» отразились искания и колебания молодого автора, но в произведениях 1848-1849 годов с новой силой зазвучали социальные мотивы. Чтобы выяснить причину их появления, необходимо рассмотреть новый и чрезвычайно важный период в жизни Достоевского, период, оказавший влияние на все его творчество: деятельность писателя в революционных кружках.

Глава третья

ДОСТОЕВСКИЙ И ПЕТРАШЕВЦЫ

Организатором кружка, в который Достоевский вступил в 1847 году, был чиновник министерства иностранных дел Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский. С 1844-45 года он завел у себя по пятницам вечера, которые посещали люди недовольные существующим строем. Здесь были дворяне, учителя, писатели, офицеры, поэты, художники, чиновники, студенты, музыканты, мещане и купцы. Большинство имело солидное образование. Из 63-х человек, впоследствии сосланных в Сибирь или подвергшихся каким-либо другим административным репрессиям, 30 человек имели университетское образование, 15 окончили разные военные учебные заведения, некоторые учились в Александровском лицее.

Достоевский познакомился с Петрашевским в 1846 году, начал посещать его «вечера» с 1847 года, а в ночь на 23 апреля 1849 года, по приказу императора Николая I, он вместе с другими посетителями этих вечеров, был арестован. Всего, из занесенных в списки агентом секретной полиции Антонелли 250 человек, было арестовано в эту ночь 35 человек, а потом привлечено еще около ста.

Главные виновники, в числе которых находился и Достоевский, были заключены в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. После восьмимесячного следствия 21 человек из обвиняемых, внезапно 22 декабря 1849 г. были вывезены на Семеновскую площадь, где им объявили, что они приговорены к расстрелу. После того, как на осужденных надели саваны и трех привязали к столбам, был прочтен указ Николая о замене смертной

казни каторгой... Такова фактическая сторона дела, но каким образом очутился Достоевский среди приговоренных к смертной казни?

В 70-е годы, вспоминая прошлое, он писал, что еще до 1845 года «несколько лет с увлечением читал Белинского». Личное знакомство с критиком, усилило влияние последнего. Достоевский застал Белинского страстным социалистом и тот с жаром принялся обращать молодого писателя в свою веру. Обращение было успешным и Достоевский «страстно принял тогда все учение его»¹. Правда, скоро он разошелся с Белинским, но не потому, что разочаровался в идеалах критика, а потому что отзвуки романтической стихии еще жили в его душе, а Белинский слишком резко осудил их. Достоевский писал, что его роман «Бедные Люди» восхитил Белинского «потом почти год спустя, мы разошлись от разнообразных причин, весьма впрочем, неважных во всех отношениях»².

В письме к брату от 26 ноября 1846 года, Достоевский сообщает, что он предложил друзьям устроить общежитие. Была нанята большая квартира. Все издержки не превышали 1200 р. ассиг. с человека в год. «Так велики благодеяния ассоциации»³. Как видно, здесь речь шла не просто о совместной жизни, а об устройстве «ассоциации» «с благодеяниями», которой Достоевский был теоретически знаком по сочинениям утопистов, а практически познакомился на опыте.

Ассоциация была организована. В нее вошли члены кружка братьев Бекетовых и Достоевский. Когда же этот кружок, по случаю отъезда братьев Бекетовых, распался, то Плещеев, Ханыков и Достоевский стали посещать собрания Петрашевского.

Мы видим определенный цикл развития: кружок Белинского, Бекетовых и Петрашевского. Базой для всех был утопический социализм. Следовательно, к Петрашевскому Достоевский попал неслучайно.

Что же из себя представлял этот кружок?

Д. Ахшарумов в своих воспоминаниях пишет: «У нас не было никакого организованного общества, никаких общих планов действия, но раз в неделю у Петрашевского бывали собрания»⁴. Ахшарумов полагал, что бо-

лес подходящим названием для посетителей вечеров Петрашевского было бы не петрашевцы, а «русские социалисты 1849 года»⁵. Спрашивается, если не было никакой организации, то почему же разнообразные посетители пятниц должны были называться «русскими социалистами»? Свои воспоминания Ахшарумов начал писать в 1870 г. и, конечно, не мог говорить о многом по цензурным соображениям.

Друг Достоевского С. Яновский, говоря о петрашевцах отметил, что Достоевский не любил Петрашевского, называя его «агитатором и интриганом»⁶. На вопрос почему Достоевский бывает у Петрашевского, Достоевский будто бы ответил: «Там встречаю хороших людей», «у него тепло и свободно, притом же он всегда предлагает ужин, наконец, у него можно полиберальничать, а ведь кто из нас смертных не любит поиграть в эту и г р у, в особенности, когда выпьет рюмочку винца... Ну, вот, к нему и ходит всякий народ, но вы туда никогда не попадете — я вас не пушу»⁷.

В передовой журнала «Исторический Вестник» за 1855 год, неизвестный автор заметил: «Правительство раздуло дело Петрашевского донельзя, в настоящее время его стараются выставить как шалость. На самом деле это было ни то, ни другое. Если декабристы выразили своими стремлениями либерализм своего времени, то петрашевцы обозначили собою начало социализма»⁸.

Все приведенные замечания верны, если мы отнесем их к начальному периоду деятельности кружка, т. е. к 1845-1847 г. В дальнейшем под влиянием русской действительности и международных событий общество революционизируется.

«С первых дней Парижской февральской революции, — писал А. Милюков, — самые неожиданные события сменялись в Европе одно другими... Казалось, готовится какое-то общее перерождение всего европейского мира. Гнилые основы старой реакции падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европе. Но в то же время в России господствовал тяжелый застой, наука и печать все более и более стеснялись, и придавленная общественная жизнь ничем не проявляла своей деятельности»⁹.

Молодые люди из газет и книг знакомились «с са-

мыми крайними программами социализма,... и видели у нас преследования всякой мало-мальски свободной мысли» 10.

В этой напряженной атмосфере намечается создание крайне-левой группы из посетителей собраний Петрашевского.

«В конце октября или в ноябре 1848 года, — пишет в своих показаниях Спешнев, — пришли ко мне в одно время Плещеев и Достоевский и сказали, что им хотелось бы сходиться со своими знакомыми в другом месте, а не у Петрашевского» 11. Они хотели образовать новый кружок из людей, «которым почему-либо не нравилось общество Петрашевского». Следовательно, Достоевский, вместе с поэтом Плещеевым, который был и остался его другом на всю жизнь, выступил инициатором создания нового кружка, который и был создан. В него вошли: А. Милюков, Н. Григорьев, А. Плещеев, Ф. Достоевский, П. Филиппов, Н. Момбели, П. Ламанский, Е. Ламанский, С. Дуров, К. Тимковский, А. Пальм, В. Головинский, Н. Мордвинов, Н. Данилевский, Ф. Львов, Н. Спешнев, А. Щелков и Н. Кошевский.

О причинах, заставивших Достоевского и Плещеева приступить к организации особой группы, сообщает в письме к П. Висковатому А. Майков.

«К делу Петрашевского, действительно я был прикосновенен, но скажу по правде с достоверностью, что этого дела до сих пор никто путно не знает, что видно из дела, из показаний все вздор, главное, что в нем было серьезного, до комиссии не дошло» 12.

Дальше Майков пишет, что однажды Достоевский пришел к нему, остался ночевать и в секретном разговоре сказал, что «ему поручено сделать мне предложение. Петрашевский, мол, дурак, актер и болтун, у него не выйдет ничего путного и что люди поделнее его последователей задумали дело, которое Петрашевскому не известно и его туда не примут... решили они завести тайную типографию и печатать и т. д. Я доказывал легкомыслие, беспокойность такого дела и что они идут на явную гибель» 13.

На Майкова этот разговор произвел очень сильное впечатление:

«Помню я, Достоевский, сидя, как умирающий Со-

крат перед друзьями, в ночной рубашке с незастегнутым воротом, напрягал все свое красноречие, говоря о святости этого дела, о нашем долге спасти отечество»¹⁴. Майков отказался вступить членом в это общество. Тогда Достоевский попросил его сохранить весь разговор в тайне.

В черновой тетради А. А. Голенищева-Кутузова найдена запись рассказа А. Майкова о Достоевском. В основном, рассказ подтверждает то, что Майков писал Висковатому, но в рассказе есть очень интересные детали. Достоевский сообщил Майкову, что семь человек из кружка Петрашевского «решили выделиться (но тайно и ничего другим не сообщая) и образовать особое, тайное общество с тайной типографией... с целью произвести переворот в России»^{14а}. Членами этого общества были Спешнев, Мордвинов, Момбелли, Павел Филиппов, Григорьев, Владимир Милютин и Достоевский. Последний всю свою жизнь весьма серьезно относился к деятельности общества. Он считал, что это был заговор в котором «было все, что и в последующих заговорах, т. е. тайная типография и литография, хотя не было, конечно, посягательств (до них дело не дошло)». По утверждению Достоевского, он и его друзья верили, что народ за ними и «имели основание верить, так как народ был крепостной». Достоевский тесно связывал революционное движение поздних лет с 40-ми годами, замечая, что «социалисты произошли от петрашевцев, петрашевцы посеяли много семян»¹⁵.

Руководителем второго общества был Спешнев, сильный и властный человек, имевший огромное влияние на окружающих. Он был сторонник революционных методов действия, что отразилось в составленном им «Проекте обязательной подписки для членов тайного общества». В тексте было: «Я нижеподписавшийся добровольно, по здравому размышлению и по собственному желанию поступаю в Русское общество и беру на себя следующие обязательства: в случае бунта обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке... по извещению от комитета обязываюсь быть в назначенный день... вооружившись огнестрельным или холодным оружием»¹⁶.

Взаимоотношения Достоевского со Спешневым отличались сложностью. Достоевский жаловался, что Спешнев — его Мефистофель, упоминал о том, что он взял у Спешнева займы деньги и что этот долг его мучит. С. Яновский пишет, что в конце 1848 года Федор Михайлович изменился и сделался «будто иным, если не по существу, то по крайней мере, по внешности... Он сделался каким то скучным, более раздражительным, более обидчивым и готовым придаться к самым ничтожным мелочам»¹⁷.

На вопрос Яновского в чем дело? Достоевский будто бы ответил:

«Я взял у Спешнева деньги и теперь я с ним и его. Отдать же этой сумму я никогда не буду в состоянии, да он и не возьмет деньги назад, такой уж он человек». ¹⁸.

До дружбы со Спешневым, Достоевский во всем соглашался с братом, но теперь спорил: «это не так: прочитал бы ты ту книгу, которую я тебе вчера принес (это было какое-то сочинение Луи Блана) заговорил бы ты другое»¹⁹. «После займа денег у Спешнева, Достоевский поддался видимым образом авторитету последнего»²⁰.

Едва ли можно согласиться с тем значением, которое придает «займу денег» Яновский. Дело было не в деньгах, а Достоевский, подготовленный всем предшествующим развитием, не мог не увлечься новыми идеями.

Спешнев, как выдающийся человек, произвел на него огромное впечатление и Достоевский подпал под его влияние.

Н. Бельчиков в «Предисловии к показанию Достоевского по делу петрашевцев» (Красный архив, т. 45, 1931 г.) пишет, что Спешнев думал, что революционный переворот в России для улучшения настоящего быта ее должен быть произведен насильственным способом, а Достоевский стоял за мирный путь реформ.

В основном, это верно, но тут не учтена одна черта характера Достоевского — его одержимость: «Хуже всего — натура моя подлая и слишком страстная: везде то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил»²¹, — писал о себе Достоевский.

Эта одержимость часто толкала его на крайности. И если он не мечтал о восстании, то под влиянием обстоятельств, мог быть сторонником самых решительных действий. Без учета этого трудно понять настроенность молодого писателя и объяснить как он попал в самую левую группу революционеров, был инициатором ее организации, принимал участие в устройстве тайной типографии, агитировал других за вступление в эту группу и читал на собраниях письмо Белинского к Гоголю.

В документах следственной комиссии в «Списке лиц, посещавших с 11 марта 1849 г. собрания Петрашевского по пятницам» значилось «Достоевский 1-ый, Ф. М. — один из важнейших»²² (фраза подчеркнута красным карандашом), «11-го, 25-го марта и 1-го апреля был на собраниях и принимал участие 1-го апреля в прениях о трех вопросах: свободе книгопечатания, освобождении крестьян и преобразовании судопроизводства, соглашаясь с мнением Головинского, (наиболее радикального члена организации Д. Г.), 15-го апреля был на собрании и читал в заседании письмо Белинского в ответ Гоголю, где Белинский, разбирая положение России и народа, говорит в неприличных и дерзких выражениях о православной религии, о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это заслужило восторженное одобрение общества, и положено было распустить оное в нескольких экземплярах»²³.

В деле приводятся показания Ахшарумова, Тимковского, Ястржембского, Филиппова и Момбели, из которых видно, что Достоевский играл в обществе весьма значительную роль и присутствовал на всех заседаниях. Филиппов показал, что Достоевский дал ему копию с письма Белинского, для переписки и просил хранить дело в секрете, а потом забрал обе копии себе.

Момбели и Ахшарумов показали, что Достоевский был на вечере в декабре 1848 года, когда Тимковский делал доклад в котором говорилось «о прогрессе, фурийизме, коммунизме, пропаганде и предлагалось разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фуристам, а другую коммунистам»²⁴. Тимковский закон-

чил свой доклад советом организовать кружки, на которых «занимались бы исключительно вопросами коммунизма».

Филиппов показал, что Достоевский посещал вечера Дурова и присутствовал на одном из них, когда Филиппов предлагал писать и распространять статьи, в которых разоблачались бы все несправедливости законов, «все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации».

Спешнев показал, что Достоевский был у него, когда Григорьев «читал статью преступного содержания, под названием «Солдатская беседа». Дуров и Пальм показали, что Достоевский на вечерах у Дурова читал переписку Белинского и Гоголя... При обыске у Достоевского было найдено письмо от Плещеева, в котором тот писал о плохом впечатлении, произведенном царской семьей в Москве «царь и двор встречают мало симпатии и все желают, чтоб они уехали», и две запрещенные книги.

В показаниях петрашевцев встречаются глухие упоминания о Дуровском обществе, но комиссия не сумела добраться до сути. Наиболее активная группа была не раскрыта. Если бы комиссия знала, что существовала тайная типография, полностью оборудованная и готовая к действию, то возможно, что Достоевский понес бы еще более тяжелое наказание. Не были открыты и другие намерения группы **Дурова**.

В 1875 году в Лейпциге была издана книга под названием «Общества пропаганды в 1849 году». Прочитав ее Достоевский заметил: «Книга верна, но не полна. Я не вижу в ней моей роли. Многие обстоятельства совершенно ускользнули, целый заговор пропал»²⁵.

Это замечание подтверждается уже цитированным нами письмом А. Майкова, в котором тот так же как и Достоевский пишет, что дело Петрашевского осталось не раскрыто, «что видно из показаний все вздор, а главное, что в нем было серьезного до комиссии не дошло».

Что же было в деле «серьезного»? После революции во Франции в 1848 г., правительственный гнет в России становился невыносимым. Надежд на то, что Николай I освободит крестьян не было и революционное общество, членом которого был Достоевский, решило само заняться этим.

Вопрос о методах освобождения обсуждался на собраниях. Одни думали, что народ не способен к восстанию и нужно заниматься пропагандой, другие полагали, что лучший способ освобождения — революция. Достоевский не принадлежал к последним, но по своей одержимости очень часто становился сторонником решительных действий. А. Пальм пишет, что во время спора возможно ли освобождение крестьян без восстания, Достоевский заявил, что если невозможно, так нужно освободить «хотя бы и через восстание» ²⁶.

Семенов-Тянь-Шанский полагал, что хотя Достоевский не был революционером, но как человек чувства мог увлекаться при виде несправедливости и насилия. «В минуту таких порывов Достоевский был способен выйти на площадь с красным знаменем» ²⁷.

Нельзя отрицать того, что Достоевский был натурой увлекающейся, но в то же время нужно учитывать, что приняв решение, он умел проводить его в жизнь, и был человеком не только чувства, но и убеждения. Об этом говорит его поведение на допросах, смелые показания следственной комиссии и поведение на эшафоте.

Например, в ответ на вопрос следственной комиссии о знакомстве с Петрашевским, Достоевский пишет, что познакомился с ним весной 1846 г. и дает Петрашевскому, которого вообще не особенно высоко ценил, положительную характеристику: «Мне показался он очень оригинальным человеком, но не пустым. Я заметил его начитанность, знания» ²⁸.

Когда вопрос касался других, то Достоевский становился скуп и сдержан на слова. Его показания отличаются, в этих случаях, уклончивостью. Обычные выражения: «Не был», «не слыхал», «не обратил внимания». На щекотливый вопрос об освобождении крестьян через восстание, о котором говорил на собрании Головинский, следует осторожный ответ, что Головинский не предлагал такого метода освобождения, а указывал, что это может случиться само собой. «Помню, что Петрашевский опровергал Головинского. Ответа Головинского ясно не припоминаю... Может быть я был развлечен в эту минуту посторонним разговором» ²⁹.

Когда же приводились точные фразы, известные ко-

миссии из показаний других обвиняемых, и от Достоевского требовали конкретных ответов, чтобы не запутать других, он отделялся лаконическими замечаниями типа: «Это было говорено, смысл ясен и сам по себе без объяснений».

Когда вопросы касались его самого, ответы следовали четкие и ясные: «Я прочел письмо Белинского к Гоголю, вызвавшись сам. Я дал обещание и уже не мог отказаться... Петрашевский не знал и не мог знать содержание письма». ³⁰ «Как реагировала аудитория заметить не мог, так как был поглощен чтением. Правда, слышал смех и восклицания, но кто смеялся и восклицал не видел, так как читал». В конце показания нет никаких выражений раскаяния, а двусмысленное и короткое: «Сознаюсь, что я поступил неосторожно» ³¹.

Вместо того, чтобы отречься от своих взглядов, Достоевский пытался пропагандировать членов следственной комиссии. Только с этой точки зрения можно объяснить следующие строки из его показаний: «Фурьеризм — система мирная, она очаровывает душу своею изящностью, обольщает сердце тою любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он создавал свою систему, и удивляет ум своею стройностью. Привлекает она к себе не желчными нападкамии, а воодушевляет любовью к человечеству» ³². Так же должен рассматриваться ответ Достоевского на вопрос: «Объясните с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное или социальное направление?» «Со всей искренностью говорю, — пишет Достоевский, — что либерализм мой состоял в желании всего лучшего моему отечеству, в желании безостановочного движения его к усовершенствованию. Это желание началось с тех пор, как я стал понимать себя, росло во мне все более» ³³.

Несмотря на оговорки и заявления, что он все надежды возлагал на правительство, был излишне горяч и может быть даже ошибался, Достоевский настойчиво повторяет, что им всегда «руководила самая искренняя любовь к отечеству, которая подсказывала ему добрый путь» ³⁴. Достоевский выступал перед следственной комиссией как русский патриот.

«Я желал многих улучшений и перемен. Я сетовал о

многих злоупотреблениях... Все, что хотел я, это чтобы не был заглушен ничей голос и чтобы выслушана была по возможности, всякая нужда» 35.

Характеризуя произведения социалистов-утопистов, Достоевский пишет:

«Социализм предлагает тысячи мер к устройству общественному и, так как все эти книги писаны умно, горячо и нередко с неподдельною любовью к человечеству, то я с любопытством читал их» 36.

По мнению Достоевского: «Социализм — это наука в брожении, это хаос, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии, хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что-нибудь стройное, благоразумное, благодетельное, для общественной пользы, точно так же из алхимии выработалась химия, из астрологии — астрономия» 37.

Достоевский идейно боролся со следственной комиссией.

«Да, — заявляет он, — если желать лучшего есть либерализм, вольнодумство, то в этом смысле, может быть, я вольнодумец, в том же смысле, в котором может быть назван вольнодумцем и каждый человек, который в глубине сердца своего чувствует себя в праве быть гражданином, чувствует себя в праве желать добра своему отечеству, потому что находит в сердце своем и любовь к отечеству и сознание, что никогда ничем не повредил ему. Но это желание лучшего было в возможном или невозможном?» 38.

Достоевский пытался убедить следователей в том, что он не желал насильственных переворотов и не возбуждал противоправительственных настроений.

Трудно поверить, что он был здесь вполне чистосердечен, так как, семь лет спустя, в письме к Э. И. Тотлебну от 24 мая 1856 г. Достоевский пишет: «Я был виновен, я сознаю это вполне. Я был уличен в намерении, но не более, действовать против правительства» 39. Несмотря на то, что письмо адресовалось человеку сравнительно мало знакомому и целью письма была просьба о ходатайстве перед государем, Достоевский все же признает, что «тогда, т. е. в 1849 г., я был слеп, верил в теории и утопии... вел себя перед судом честно, не свали-

Д. 1. 1 Вшивника и в. трактора.

French.

Adm. Bureau, Wash.

— [Mantua (158) near Lake & Sponting]

— Осамоуби́ца (случаю смерти и самоуби́и)

2. *Trilobites* - *Trilobites* (Trilobites)

Hypocaulent - *Paspalum* or *Syntherisma*. *Tropaeum* *unidentifiable* (p.p.)
to *herbage* (i.e. a ? D.)

— Drawing and drawing is essential over Tapered B.

Neuronas (dendritici, corp., axonici, etc.)

— *Tacca hirsuta* a sommità fioriti neri.

Примечание: выданы, в полном объеме.
Примечание 10 руб. — МП

— *Perianthium & Sepala in calycibus parvis.*

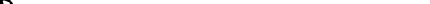
Winnipeg, 10. 11. 1900 (J. H. P. [unclear]).

(from new set) Nov. 1860 - 1861

...the introduction, however,

1000

Выводы: 1. Матрица (составлена по 8 вариантам)

Prima! Annotatibus et notis, Additiones

1. Not known. known up as an all man not the known.

- *Artemis agassizii*, also at least 3 specimens

Fre. *Adieu à vous car mon cher. Adieu - au mon explication*

And also the groups a continuous activity

Thompson's Magazine.

from Europe, My paper and. Japan and
the rest

[illegible]

писи к главе I «Дневника писателя» за 1873

и впервые. Центральный государственный

ратуры и искусства СССР. Ф. 212.1.9.

partyp= "r monkey corba cccr : 1 : 212: 1: 0:

Черновые записи к главе I «Дневника писателя» за 1873 г. Публикуются впервые. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Ф. 212.1.9.

Рассвет.

Светлая, тихая, — хорошая!
Минуты, минуты, минуты!
Светлая, тихая, — хорошая!

— Написана ночь,

Вот ядовитый Клеветник! Ах, как же он прекрасен!
Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!
Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Клеветник, клеветник, клеветник! Ах, как же он прекрасен!

Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Ах, как же он прекрасен! Ах, как же он прекрасен!

Черновые записи к главе I «Дневника писателя» за 1873 г.
Публикуются впервые. Центральный государственный
архив литературы и искусства СССР. Ф. 212. 1. 9.

вая своей вины на других, и даже жертвовал своими интересами, если видел возможность своим признанием выгородить из беды других. Но я поверил себе, я не сознавался и за это был наказан строго» 40.

Если Достоевский пишет «я не сознавался», то думается навряд ли можно доверять искренности его показаний. Он старался спасти других и доказать следователям, что социализм — высшая ступень в развитии человечества, потому что идеи социализма в «высшей степени святые и нравственные и, главное, общечеловеческие». Социализм, в интерпретации Достоевского, «будущий закон всего без исключения человечества» 41.

О том, что происходило у Петрашевского и Дурова Достоевский говорит мало и неохотно. Скрывая все, что можно скрыть, отрицая все, что было можно отрицать.

Приговоренный военным судом к расстрелу, он смело встретил «ужасные, безмерно страшные» минуты ожидания смерти, простился со стоявшими рядом товарищами, и зная, что жить осталось не более двух-трех минут, ни в чем не раскаивался и готовился умереть за свои идеи. Из недавно опубликованных материалов видно, что инсценировка расстрела была продумана до малейших деталей самим Николаем I и осужденные не имели никаких сомнений в том, что они будут расстреляны. Д. Ахшарумов подробно описал переживания приговоренных в роковой день.

«Направившись вперед по снегу, я увидел налево от себя среди площади воздвигнутую постройку — подмости, помнится квадратной формы величиною 6-8 метров со входною лестницею, и все обтянуто было черным трауром — наш эшафот. Тут же увидел я кучку товарищей, столпившихся вместе и протягивающих друг другу руки... Нас интересовало всех, что будет с нами далее. Вскоре внимание наше обратилось на серые столбы, врытые с одной стороны эшафота, их было, сколько мне помнится, много. Мы шли переговариваясь. «Что с нами будут делать? Для чего столбы у эшафота? Привязывать будут, военный суд — казнь расстрелянием?».. Нас поставили двумя рядами... Затем началось чтение приговора. Сначала излагалась вина каждого, а в общем заключении говорилось: «Полевой уголовный суд приго-

ворил всех к смерной казни расстрелянием и 19 сего декабря государь император собственноручно написал: «Быть по сему». Мы все стояли в изумлении, чиновник сошел с эшафота. Затем нам поданы были белые балахоны и колпаки, саваны и солдаты, стоявшие сзади нас, одевали нас в предсмертное одеяние. Когда мы все уже были в саванах, кто-то сказал: «Каковы мы в этих одеяниях?» Взошел на эшафот священник... он обратился к нам со следующими словами: «Братья! Перед смертью надо покаяться. Я призываю вас к исповеди». Никто из нас не отозвался на призыв священника, мы стояли молча. Священник ушел и сейчас же взошли несколько человек солдат к Петрашевскому, Спешневу и Момбели взяли их за руки и свели с эшафота. Они подвели их к серым столбам и стали привязывать каждого к отдельному столбу веревками... потом отдано было приказание колпаки надвинуты на глаза, после чего колпаки спущены были на лица привязанных товарищей наших: «Клац» и вслед затем группа солдат — их было человек 16, по команде направила ружья к прицелу на Петрашевского, Спешнева и Момбели. Момент этот был поистине ужасен. Видеть приготовления к расстрелянию и притом людей близких, видеть уже наставленные на них почти в упор ружейные стволы и ожидать — вот прольется кровь и они упадут мертвые — было ужасно, отвратительно, страшно. Сердце замерло в ожидании и страшный момент этот продолжался с полминуты»⁴².

Через несколько часов Достоевский под свежим впечатлением пережитого писал брату: «Я не уныл и не упал духом. Жизнь — везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не унывать и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее... Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело»⁴³.

Как видно из письма, пережив страшные минуты ожидания смерти, Достоевский не думал осуждать те идеи, за которые он пострадал, наоборот, заявлял о неизменности своих взглядов. Пусть его ожидает каторга, «но жизнь везде жизнь». Внешняя сила не может

уничтожить идею. «Жизнь в нас самих, а не во внешнем», быть человеком между людьми... не пасть при любых испытаниях, — вот задачи, которые он перед собой ставит. Три раза повторяет Достоевский в письме, что он не унывает и дает слово, что в годы каторги «не потеряет надежду и сохранит дух и сердце в чистоте».

Перед отправкой в Сибирь Достоевского посетили: брат Михаил и А. Милюков. Последний в своих «Воспоминаниях» отметил, что 8 месячное заключение не изменило Достоевского. Он был спокоен, не высказывал никаких жалоб на суд и суровый приговор и перспективы каторжной жизни не пугали его. «Если кто прислушался к нашему разговору, то подумал бы, что мы виделись еще на-днях, и у моего собеседника нет других интересов, кроме политических новостей и литературных»⁴⁴.

Петрашевец А. Пальм в своей речи на могиле Достоевского в 1881 году сказал, что он запомнил на всю жизнь как Достоевский прощался с ним перед отправкой на каторгу.

«Он бодрый, почти веселый и какой-то светлый, верующий, обнял меня и сказал: «До свиданья, Пальм. Увидимся непременно... Четыре года каторги, потом солдатына — все вздор, пустяки, пройдет, а будущее наше!» Глаза его сверкали, прекрасная, любящая, хотя и не без тонкого юмора — улыбка загорелась на его бледном измученном лице... Прошли многие трудные годы и в самом деле наступило наше свиданье... Федор Михайлович опять все тот же бодрый, светлый, верующий, — на литературном чтении шепчет мне: «А ведь мы не пропали: мало нас, а все-таки нет-нет, да и вспомнят стариков»⁴⁵.

Кроме всего сказанного, имеется одно ценное свидетельство о настроенности юного Достоевского. Оно находится в «Дневнике писателя» за 1873 год и принадлежит перу самого Достоевского.

Пережив каторгу, сомнения и колебания, осудив социализм «политический», создавая теорию социализма религиозного, «нашего русского социализма», т. е. по существу дела, занятый теми же проблемами, которые волновали его в юности, Достоевский в статье «Одна из

современных фальшей», рассуждая о своем романе «Бесы», вдруг замечает, что он прочитал в «Русском мире», что «идиотический фанатик, вроде Нечаева, мог найти себе прозелитов только среди праздной, недоразвитой и вовсе неучащейся молодежи» ⁴⁶.

Достоевский, убежденный в том, что все последующее революционное движение имело своим истоком 40-е годы, т. е. кружки петрашевцев, прочитав приведенный отзыв о последователях Нечаева, почувствовал себя оскорбленным и решил ответить, прибегнув к своему излюбленному приему: саркастически-ироническому анализу статьи противника. Заявив, на первый случай, что сами по себе приведенные строки «ничтожны» и снабдив свое заявление ядовитым замечанием «автор надеюсь, извинит меня». Достоевский в «ничтожных строках» обнаруживает «выверт и старую приевшуюся ложь». Верный своему методу полемики: доводить мысль противника до крайности и абсурда, он и в данном случае заявляет, что основная идея автора статьи в том, что Нечаевы непременно все идиоты и фанатики. Хотя в статье говорилось о нечаевцах, Достоевский не обращает на это внимания. По его мнению, «автор статейки» что-то хочет доказать этим «вывертом», «статейка» не возбуждает ни малейшего любопытства. В ней все ложь». Автор отличается «тем высшим простодушием, которое так похвально и даже трогательно по своей беззащитности» ⁴⁷.

Но «ложь, принятая за правду, имеет всегда самый опасный вид, несмотря даже на то, что является в «Русском мире» ⁴⁸.

Оказывается, что ложь еще никогда не являлась «в столь обнаженном, точном и безыскусственном виде, как в этой статейке. Подлинно, заставь иного человека Богу молиться, и он лоб расшибет» ⁴⁹.

Из приведенных цитат видно величайшее раздражение Достоевского, которое отчасти объяснялось нападками «Русского мира» на «Гражданин», но только отчасти, потому что Достоевский редко отвечал на «задирания». Дело было глубже. Вопрос шел о революционерах, а Достоевский сам был революционером. Он соглашается, что из Нечаевых могут быть «существа весь-

ма мрачные, весьма безотрадны и исковерканные, с многосложнейшей по происхождению жаждой интриги, власти., но почему же они «идиоты»?» 50. Достоевский допускает, что среди Нечаевых могут быть и мошенники, но не идиоты.

«Неужели же вы вправду думаете, — спрашивает Достоевский автора статьи, — что последователи, которых мог бы набрать у нас какой-нибудь Нечаев, — должны быть непременно одни шалопаи? Не верю, не все, я сам старый «Нечаевец», я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных. Почти вся эта компания кончила курс в самых высших учебных заведениях» 51.

Самое интересное заключается в следующем признании. Достоевский, соглашаясь с возражением, что нечаевцы не петрашевцы, задает следующий вопрос:

«Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами, т. е. стать на «нечаевскую» же дорогу, в случае если б так обернулось дело? Конечно, тогда и представить нельзя было как бы это могло так обернуться дело? Не те совсем были времена. Но позвольте мне про себя одного сказать: Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но Нечаевцем не ручаюсь, может и мог бы... во дни моей юности» 52.

Так решительно и без каких либо оговорок причисляет себя Достоевский к наиболее активной группе революционеров, которая могла бы пойти по дороге нечаевцев. Конечно, здесь речь идет не об убийстве одного человека, как было у Нечаева, а о революционной ситуации.

Чтобы понять всю значительность заявления Достоевского необходимо вспомнить о С. Г. Нечаеве (1848-1883) фанатике-революционере, яром стороннике диктатуры, призывавшем к социальному перевороту через беспощадное разрушение существующего строя.

Анархист и сторонник крайних мер, Михаил Бакунин, лично знавший Нечаева дал последнему следующую характеристику:

«Нечаев — один из деятельнейших и энергичнейших людей, каких я когда-либо встречал. Когда надо служить тому, что он называет делом, он не колеблется

и не останавливается ни перед чем и выказывает себя столь же беспощадным к себе, как и ко всем другим... Это фанатик преданный, но в то же время очень опасный... Способ действий его отвратительный..., но вместе с тем он — сила, потому что это — огромная энергия» 53.

В своей статье, по существу, Достоевский выступил против взглядов правой печати на «Нечаевское дело», которое продолжалось в 1871 г. около двух месяцев и привлекло внимание всего общества.

«Отечественные записки» отозвались на «дело» специальной статьей. В «Московских ведомостях» называли замыслы подсудимых «жульническими» и негодовали на то, что «нигилистов ссылают на каторгу, нигилистов сажают в тюрьму, а нигилизму перед лицом суда воздан некоторый почет» 54.

В «Петербургских ведомостях» резко порицались обвиняемые и их «жалкие, безумные попытки мгновенно изменить путем насилия существующий строй» 55. При этом замечалось, что подсудимые настолько неразвиты, что место им «было бы в школе, за книгой», а сам Нечаев назывался «дюжинным человеком, обладавшим дерзкой смелостью». «В своем легкомыслии и неразвитии он полагал, что революцию сделать немудрено, и что если Россия не делает ее, то не делает по глупости. Он, как все ограниченные люди, воображал, что составляет нечто выдающееся и предназначен к высшей доле» 56.

«Голос» сравнивал Нечаева с Хлестаковым, «написавшим всю русскую литературу». Статья Достоевского была как бы ответом на подобные выступления. Достоевский не любил ни Нечаева, ни нечаевцев с их диктаторскими тенденциями, но он хорошо понимал, что революционеры, даже подобного типа, не идиоты, а проблема диктатуры не шутка. В своей статье Достоевский противопоставляет нечаевцам петрашевцев и дает восторженную характеристику последним. Оговорившись для цензуры, что дело петрашевцев «принадлежит к древнейшей истории», что, конечно, не соответствовало действительности, Достоевский пишет:

«Монстры» и «мошенников» между нами «Петрашевцами» не было ни одного (из стоявших на эшафоте, или тех, которые остались нетронутыми — это все рав-

но)... но бороться с известным циклом идей и понятий, тогда сильно укоренившихся в юном обществе, из нас, без сомнения, еще мало кто мог. Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма» 57.

Эти идеи сравнивались даже с христианством и принимались «лишь за поправку и улучшение последнего». Они «мощно овладевали юными сердцами, казались святыми, нравственными, общечеловеческими». Поэтому, когда Достоевский был привезен для казни на Семеновский плац, то говоря о своих переживаниях, он отметил:

«Мы, Петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех, но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестие отречься от своих убеждений» 58.

Переживая страшные минуты ожидания смерти, осужденные может быть и раскаивались в иных своих делах, но «то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим мученичеством, за которое многое нам простится» 59.

По мнению Достоевского, петрашевцы были мужественные борцы за великую идею. Их не сломили годы ссылки и страданий. «Ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга» 60.

Статья «За умершего» как свидетельство Достоевского о его деятельности в «тайных обществах»

Анализируя содержание «Дневника писателя», мы приходим к заключению, что Достоевский гордился своим революционным прошлым и стремился, в пределах цензурных возможностей, как можно больше рассказать современникам о петрашевцах. С этой точки зрения особый интерес представляет статья «За умершего», помещенная в апрельском номере «Дневника» за 1876 г.

В ней, выясняя не имеющий никакого отношения к петрашевцам случай, (обвинение М. Достоевского в скудости) Ф. Достоевский сообщает ценные сведения о петрашевцах: «Брат, — пишет он, — не участвовал ни в организованном тайном обществе у Петрашевского, ни у Дурова. Тем не менее он бывал на вечерах у Петрашевского и пользовался книгами из тайной общей библиотеки» ⁶¹.

В приведенной цитате Достоевский говорит о «вечерах» у Петрашевского и о «тайных обществах». Следовательно, кроме «вечеров» бывали какие-то другие собрания, на которые не допускались обычные посетители. Достоевский замечает, что его брат «был тогда фурыеристом и со страстью изучал Фурье», что и стало известно следственной комиссии. М. Достоевский, имея семью, которую оставил без копейки денег, мужественно держался на допросе и «не дал никаких показаний, которые бы могли компрометировать других, с целью облегчить тем собственную участь» ⁶².

Спрашивается, если петрашевцы занимались только разговорами, то как смог бы М. Достоевский при всем желании своими показаниями компрометировать других? Но Ф. Достоевский упорно повторяет, что брат «не захотел, даже для своего спасения, сделать то, что считал противным своему убеждению, хотя он в эти два месяца, каждый день и каждый час мучился мыслью, что он погубил семью и страдал» ⁶³. Следовательно, М. Достоевский обладал такими сведениями, за которые он мог бы получить освобождение. Что же он мог сказать? Трудно допустить, что М. Достоевский скрывал от следственной комиссии содержание какого-нибудь доклада, который он слышал на одном из общих собраний и который был известен следственной комиссии гораздо лучше чем ему. Еще труднее допустить, что за такое сообщение он получил бы «облегчение участи». Наиболее вероятным предположением будет следующее: Ф. Достоевский, горячо любивший брата, рассказал ему все о деятельности законспирированных тайных обществ, членом которых он был. Сообщение этих сведений следственной комиссии гарантировало бы освобождение М. Достоевскому. За данное предположение говорит и за-

мечание Ф. Достоевского о том, что брат «мог бы кое-что сказать ибо, хотя сам он ни в чем не участвовал, но знал о многом» ⁶⁴.

Уже в 1847 году ходили слухи, что на «пятницах» Петрашевского присутствуют агенты тайной полиции. Петрашевский и Спешнев об этом знали и с этим считались. Можно думать, что собрания по «пятницам» были только ширмой, за которой проходила деятельность тайных обществ. М. Достоевский, как видно, «знал о многом» именно из этой области. Наше мнение косвенно подтверждает и другая заметка из «Дневника» за 1876 год «Фельдъегерь». Описывая как жандарм избивал ямщика, Достоевский заметил: «В конце 40-х годов в эпоху моих беззаветных и страстных мечтаний мне пришла однажды в голову мысль, что если бы случилось мне самому когда-нибудь основать филантропическое общество, то я непременно дал бы вырезать эту курьерскую тройку на печати общества, как эмблему и указание» ⁶⁵.

Слово «филантропический» в 40-е годы значило — революционный. Следовательно в это время Достоевский не только был членом тайных обществ, но сам мечтал организовать тайное общество.

В критической литературе о Достоевском имеется другое объяснение статьи «За умершего». С. Яновский полагал, что статью «За умершего» Достоевский написал потому, что «после возвращения с каторги у него развилось беспримерное самолюбие и страсть порисоваться мученичеством» ⁶⁶. С мнением Яновского нельзя согласиться потому, что Достоевский, по свидетельству современников, не только не «рисовался своим мученичеством», но утверждал, что каторга имела для него положительное значение. Кроме того, Яновский берет статью изолированно. Он не рассматривает статью «Одна из современных фальшей» и, по всей вероятности, не знал, что в 1877 году цензура запретила третью статью Достоевского о петрашевцах...

Упорно и настойчиво возвращался Достоевский к своему революционному прошлому и писал о тайных обществах в своем «Дневнике». В 1873 году членам этих обществ, или как называл их Достоевский, петрашевцам

была посвящена статья: «Одна из современных фальшей». В 1876 г., возобновляя, после двухгодичного перерыва, издание «Дневника», Достоевский пишет о петрашевцах в статье «За умершего». В 1877 году в январском номере «Дневника» он пытался напечатать статью под названием: «Старина о «Петрашевцах». Слово «старина» не имеет здесь существенного значения. Оно только показывает насколько Достоевский опасался цензуры. Он не рискнул назвать статью «Петрашевцы», хотя выделил это слово кавычками и написал с заглавной буквы. Опасения Достоевского были основательны. Цензор Ратынский на заседании цензурного комитета 29 января 1877 года в своем докладе отметил, что в статье «Старина о «Петрашевцах» дана «далеко не объективная оценка разных типов государственных преступников»⁶⁷ и статья была запрещена.

Ратынский был цензором «Дневника» с момента его основания. Он хорошо знал настроенность Достоевского, так что элемент «случайности» в запрещении статьи отпадает. Цензор понял, что Достоевский прославлял революционеров.

Чтобы убедиться в этом обратимся к содержанию статьи. Достоевский пишет, что его «поразило» одно замечание о петрашевцах в «Петербургской газете». Из приведенной Достоевским довольно длинной выписки видно, что «порадившим», вернее раздражившим его замечанием было заявление о том, что деятели политических организаций в России мельчают и что декабристы вышли из среды высшего интеллигентного общества, а в «40-х годах тип русского политического преступника значительно стал мельче: петрашевцы»⁶⁸.

В ответ на это Достоевский пишет, что автор неправ, указывая на примере петрашевцев измельчание политического преступника. Измельчание произошло за последние 20 лет, а «петрашевцы были совершенно еще одного типа с декабристами». В статье отмечалось, что декабристы вышли «из среды высшего интеллигентного общества». «Но чем же иным были петрашевцы?»⁶⁹ — спрашивает Достоевский. По его мнению, между декабристами и петрашевцами с этой стороны не было никакого различия, напротив, «общество декабристов со-

стояло из людей несравненно менее образованных, чем Петрашевцы. Между Петрашевцами были, в большинстве, люди, вышедшие из самых высших учебных заведений — из университетов, из Александровского лицея, из училища Правоведения и из самых высших специальных заведений. Было много преподающих и специально занимающихся наукой. Впоследствии после помилования их, многие из них заявили себя с большой честью в науке, как профессора, как естествоиспытатели, как секретари ученых обществ, как авторы замечательных научных сочинений, как издатели журналов, как весьма заметные беллетристы, поэты и вообще как полезные и интеллигентные деятели. Повторяю, по отношению к образованию, Петрашевцы представляли тип высший перед декабристами»⁷⁰.

Как видно из приведенной выписки, бывший государственный преступник, заплативший девятью годами: каторги и солдатчины за свою революционную деятельность, характеризует петрашевцев, как лучших людей нации.

Основываясь на проделанном анализе, можно думать, что в 40-е годы Достоевский был активным членом революционных организаций. Его вступление в ряды революционеров было предопределено всем предшествующим развитием.

Спрашивается, какое же значение имело для Достоевского пребывание в этих организациях? Какое влияние оказали на его творчество идеи, которыми он увлекался? Чтобы ответить на эти вопросы необходимо рассмотреть деятельность петрашевцев.

Литературно-философская деятельность петрашевцев

В связи с опубликованием архивных материалов в настоящее время имеется возможность составить довольно ясное представление о литературной и философской деятельности петрашевцев, кружки которых были не только в Петербурге, но и в Москве, Казани и других городах.

В силу сложившейся в России ситуации, петрашевцы всю свою энергию направили на разрешение ряда

проблем, имевших важное общественное значение. Следственная комиссия хорошо поняла это. Приговор по делу петрашевцев гласил, что они виноваты «в покушении на составление преступного сообщества с революционными целями... в антиправительственной пропаганде, в злоумышленном намерении произвести переворот в общественном быте России» ⁷¹. Комиссия видела связь между деятельностью петрашевцев и революционными событиями на Западе. В правительственной декларации отмечалось: «Пагубные учения, народившие смуты и мятежи по всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве» ⁷².

Действительно, революционные организации 40-х годов находились под сильным влиянием западных событий и идей. Петрашевцы увлекались системами Фурье, Р. Оуэна, Сен Симона и др., но не были слепыми подражателями, относились к ним критически, стремясь найти особый пригодный для России путь.

Это сказалось и на отношении к Европе. Петрашевцы были далеки от всякого преклонения перед ней, свойственного западникам. В этом они были близки славянофилам, но, в отличие от последних, не идеализировали прошлое России и все русские порядки, только потому, что они русские. Петрашевцы шли своей дорогой и оказали сильное влияние на последующее развитие общественной мысли в России.

К источникам, дающим возможность судить о литературно-философской деятельности петрашевцев, относятся их доклады, философские рассуждения, статьи, «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Петрашевского, стихи и художественные произведения.

Все эти разнообразные труды были связаны с весьма конкретными вопросами русской жизни.

Агент секретной полиции доносил, что петрашевцев занимают следующие вопросы: борьба за освобождение крестьян, судебная реформа, применение идей социализма к русской действительности, ликвидация цензуры и «об истинных виновниках народных бедствий» ⁷³.

Петрашевцев интересовало все, что относилось к общественной жизни и сам человек, его предназначение, взаимоотношение с обществом и природой. Они рассматривали себя как передовых людей, стоящих намного выше окружающих, как людей науки.

Петрашевский в своих показаниях не без гордости отметил: «Я и товарищи моего заключения... не фанатики, не изуверы, не еретики... мы люди, убежденные в истине и полезности многого в системе Фурье, мы философы, нам дороже всего истина... Если есть что-нибудь ошибочного в наших понятиях и неверного — покажите истину, мы все отступимся, но пока позвольте нам остаться, чем мы есть» ⁷⁴.

Готовясь к будущим реформам, петрашевцы особое внимание уделяли изучению человека и общественных взаимоотношений, полагая, что только после разрешения этих проблем можно установить какие общественные системы наиболее пригодны.

Петрашевский в статье «О значении образования в отношении благосостояния общественного», пишет, что «общество существует для человека, а не человек для общества». Общество должно облегчить человеку достижение целей, которые он перед собой ставит. Сам же человек существует, не только для совершенствования, как утверждал Кант, а «для наслаждения через совершенствование». Человек рождается ни добрым ни злым, но с «зародышами способностей добра и зла», общественный строй делает его добрым или злым. Огромное значение в формировании личности человека имеет воспитание. Ребенка любой национальности можно воспитать так, что он будет мыслить так же как те люди, которые его воспитали.

Человек может считаться нормально развитым только в том случае, если «все силы его природы, все страсти, гармонически развитые... ведут его к исполнению его высокого назначения». Нормальное развитие человека зависит от нормального развития общества, а нормальным обществом будет то, «которое доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения нужд пропорционально потребностям».

В обществе, человек должен находиться в таком положении, чтобы делая то, к чему влекут его естественные побуждения, он не нарушал «гармонии общественных отношений» и был полезным не только себе, но и целому обществу, в то же время не принося себя в жертву. Общественное развитие движет стремление к усовершенствованию жизни. Человечество только тогда достигнет нормального состояния, когда оно объединится в одно целое. «Назначение человека на земле есть жизнь, сообразная с законами его природы, т. е. полное удовлетворение ее требований, выражающихся в потребностях, наклонностях и вкусах» ⁷⁵. Источник зла, как и само зло Петрашевский видит не в испорченности человеческой природы, а в общественных условиях. Он отвергает свободу человеческого произвола и всякую ответственность человека за причиняемое им зло, а принуждение и наказание признает «средствами несправедливыми и недостаточными к искоренению зла в союзе общественном».

Следовательно зло не в человеке, а в общественных недостатках, с устранением их, уничтожится и зло.

Обосновывая свои взгляды на взаимоотношения человека с обществом, петрашевцы ставили определенные требования к философии, как науке. Они полагали, что философия должна быть связана с жизнью. Н. Кашкин в речи «О задачах общественных наук», критикует немецких философов за то, что они «взяв одни буквы, одни слова ими заглушили всякое сострадание, всякое теплое сочувствие». По его мнению, немецкая философия, витая в заоблачных сферах, отрывается от жизни и обращается в пустую абстракцию: Кашкин критикует Канта и его мысль о том, что каждый человек имеет в душе своей идеал нравственного совершенства, борьбой которого с физическими побуждениями и обуславливается противоречие человеческой натуры. Кашкин возражает против той роли, которую отводит разуму Кант. Взгляд на разум как на единственный источник истины и добра — ложен. Страсти человека не подчиняются разуму, из «столкновения их всегда происходит и будет происходить борьба». Жизнь человека зависит от общественных отношений.

«Человек видит кругом страдания, ненависть, нищету, притеснения, необразованность, непрерывную борьбу и несчастья. Он не может помочь всем этим бедствиям и восклицает: если такова судьба человечества, то нет провидения, нет высшего начала. И напрасно священники и философы будут ему говорить, что небеса провозглашают славу Божию! Нет, скажет он, страдания человечества... К чему нам все это поразительное величие звездных миров, когда мы не видим конца нашим страданиям? Для чего это делать высшему разуму, создавшему всю вселенную. И какая ему честь в том что он создал вселенную» ⁷⁶.

Приведенный отрывок интересен тем, что весьма ярко показывает близость рассуждений Ивана Карамазова («Братья Карамазовы») с высказываниями Кашкина.

Петрашевцы полагали, что действительность выше мечты. Нужно изучать жизнь с тем, чтобы исправить ее. Общественный строй России рассматривался ими, как абсолютно негодный и подлежащий уничтожению. Петрашевский заявил: «Мы осудили на смерть настоящий быт, надо приговор наш исполнить».

Резко критиковал настоящее России А. Баласогло. Он писал, что еще за несколько лет до 1849 года понял, что положение в стране ненормально:

«Отсутствие всякого понятия о своих обязанностях, пренебрежение разума религии и законов, с одним насмешливым или тупым сохранением обрядов и пустых приличий, всеобщее недоверие друг к другу... вера в одни деньги... бессилие власти к одолению бесчисленных беспорядков и злоупотреблений» ⁷⁷.

Об «уничтожении государства, никуда негодного, с его министрами и царями и с их вечной безрассудной, бесполезной политикой» мечтает Д. Ахшарумов. Он уверен, что социальное зло нельзя исправить «религиею и ею предписываемыми правилами, проповедями священников, устройством суда и законов» ⁷⁸. Поэтому необходимо все изменить и переделать «всю нашу глупую, бестолковую и пустую жизнь». Ненормальные общественные отношения «обезобразили и исковеркали наши страсти и измучили нас, сделав придавленными и

больными», но мы должны «всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья» ⁷⁹. Разум говорит, что нелепо и бессмысленно верить в то, что природа создала людей для страдания. Ахшарумов мечтает о счастье для человечества, но не о том, которым пользуются немногие, потому что «это счастье незначительно, непрочное, пусто, однообразно, утомительно. Но о жизни другой, другого общества, после того, как рухнет и развалится все это вековое здание... после чего люди будут жить богато, раздольно и весело» ⁸⁰.

Осуждая существующий строй, петрашевцы противопоставляли ему будущее, которое рисовалось им в виде социалистического общества. Под социализм они стремились подвести научный базис. Петрашевский писал, что социализм является неизбежным следствием развития общественных отношений, «реакцией духа человеческого против анархического разрушительного влияния... противоестественных явлений в жизни». Социализм всегда был в природе человеческой «первые христиане были социалисты по чувству». Петрашевский рекомендовал следователям прочитать «Деяния апостольские». Он обсуждал и проблему, столь часто встречающуюся в «Дневнике» Достоевского, о власти денег. По мнению Петрашевского, в Европе все принадлежит банкирам и либералам. «Одни господствуют влиянием на мнение общественное, другие же через посредство биржи и промышленности по своему произволу распоряжаются явлениями жизни общественной» ⁸¹.

«Наше учение, — говорил о социализме Ханыков, — есть высшее начало. Начало всеобщей свободы и счастья» ⁸².

Высоко ценя человеческую свободу, петрашевцы предпочитали фурьеризм коммунизму, потому что последний опирался на методы насилия.

В письме к Тимковскому Петрашевский подробно развивал эту мысль, доказывая, что коммунизм требует сотен тысяч жизней для своей победы.

Большинство из посетителей собраний Петрашевского было настроено антирелигиозно, но некоторые

были религиозными людьми, сближая социализм с христианством. К ним относились: Ахшарумов, Плещеев, Европеус, Дуров и другие. Можно думать, что Достоевский в эти годы не был настроен антирелигиозно, но не отличался и особой религиозностью, так как, ожидая расстрела, он отказался от исповеди.

В «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», который был выражением философских и социальных взглядов петрашевцев, религия определялась как «миросозерцание, соответствующее религиозным степеням умственного развития различных народов» ⁸³.

Особой антирелигиозностью отличался Спешнев. Он отвергал даже антропотеизм, потому что «это тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у нее другой, новый, но не нов сам факт. Вместо Бога-человека, мы имеем теперь человека-Бога. Изменился лишь порядок слов. Да разве разница между Богом-человеком и человеком-Богом так уже велика» ⁸⁴.

Проблема человекобога нашла свое отражение в романе Достоевского «Бесы».

В «Речи о задачах общественных наук» Н. Кашкин говорил о недопустимости зла и страданий. Он заявил, что не может понять разумности существования «всемирного и всеблагого существа, которое всеумудро и всеблаго, но не хочет дать счастье стольким миллионам созданий своих, не может изменить такого порядка, в котором бедный ежеминутно завидует изобилию богатого, раб — свободе господина... где один человек заставляет работать для себя другого» ⁸⁵.

Эта проблема всегда глубоко волновала Достоевского. Она отразилась в речах Ивана Карамазова.

Достоевскому была близка патриотическая настроенность петрашевцев. Критикуя самодержавие, они очень высоко ценили русский народ. Петрашевский верил, что «Россию и русских ожидает высокая и великая будущность». В показаниях следственной комиссии он заметил, что «быть может приходит пора и русскому уму сказать толковое слово в беседе всего человечества».

О мировой роли России пишет А. Баласогло в своем «Проекте учреждения книжного склада». По его мнению, русские должны быть примирителями Востока и Запада, так как славянская душа «есть избранный сосуд слияния народов в человечество».

Патриотические идеи петрашевцев нашли свое развитие в «Дневнике» Достоевского.

Среди посетителей собраний Петрашевского было немало профессиональных литераторов: братья Достоевские, Салтыков-Щедрин, Плещеев, Минаев, Курочкин, кроме того, много писали Баласогло, Пальм, Дуров и другие. Уделял большое внимание вопросам литературы и сам Петрашевский. В протоколах следственной комиссии было отмечено, что на двух заседаниях был ожесточенный спор между Петрашевским и Толем с одной стороны и Достоевским и Дуровым с другой. Петрашевский упрекал писателей за то, что они недостаточно глубоко изучают действительность, не отличают в должной мере существенное от несущественного и поэтому отражают в своих произведениях не главные жизненные вопросы, а мелочные. В своем показании Толь пишет:

«Однажды спорил я с Дуровым и Достоевским о том, должна ли изящная литература иметь цель свою в одном осуществлении идеи прекрасного или может иметь ее и вне этого заколдованного круга, отвлеченного германскими эстетиками, при чем я держался мнения, что литература должна идти об руку с действительностью и что поэт должен быть прежде всего сыном своего отечества, ко благу которого должен клонить всю свою деятельность. Между тем мои противники говорили, что она должна возводить действительность к сознанию» 86.

Достоевский доказывал, что «искусство не нуждается в направлении, что искусство само себе цель, автор должен только хлопотать о художественности, а идея придет сама собою, ибо она необходимое условие художественности».

Накануне ареста Петрашевский критиковал Достоевского за то, что его произведения далеки от жизни и говорил о требованиях, которые должны предъявляться к писателю. По его мнению, писатель должен проводить передовые социальные идеи.

В своих показаниях Достоевский писал, что во время спора с Толем и Петрашевским, о направлении литературы он доказывал, что литературе не нужно никакого направления, кроме художественного и что он разошелся с Белинским потому, что был не согласен с его «идеями о литературе и о направлении литературы».

Основываясь на приведенных замечаниях, нельзя утверждать, что Достоевский был сторонником теории «искусство для искусства», так как его творчество до каторги и после каторги говорит против этого. В данном случае, он боролся за свободу писателя, доказывая, что писатель не может приказывать себе творить на ту или другую тему, что произведение, написанное по заданию будет нехудожественным, а следовательно, сила его общественного воздействия будет равна нулю. Писатель должен брать свои образы из действительности, но он должен эту действительность осмыслить, типизировать или, как выразился Достоевский, «возвести к сознанию». Что может дать «направление» искусству? Оно не может переделать писателя, если он не в силах показать какую либо сторону жизни, то приказ не поможет. Писатель должен заботиться о том, чтобы произведение было художественным, а «идея придет сама собою, ибо она необходимое условие художественности».

После каторги в журнале «Время» Достоевский возвращается к прерванному диспуту. В статьях о русской литературе он доказывает, что «творчество, основание всякого искусства, живет в человеке, как проявление части его организма, но живет нераздельно с человеком, а следовательно творчество и не может иметь других стремлений кроме тех, к которым стремится человек»⁸⁷. Если человек уклоняется от нормальной действительности, от законов природы, то будет уклоняться за ним и искусство, но это только доказывает его тесную неразрывную связь с человеком. Искусство

должно быть свободным, потому что все «вытребованное, вымученное не удавалось и вместо пользы приносило вред».

Подобные рассуждения продолжают и в «Дневнике». Достоевский уверен, что произведение без предвзятого направления, написанное даже на постороннюю тему, может оказаться гораздо полезнее для направления, чем, «например, все «Песни о рубашке» (не Гуда), а наших писателей». Он утверждает, что «искусства не-современного, не соответствующего современным потребностям, и совсем быть не может. Если оно есть, оно не искусство».

Показания Достоевского следственной комиссии, особенно о причинах расхождения с Белинским, нужно принимать весьма критически, во-первых потому, что Достоевский обвинялся в чтении письма Белинского, так что был заинтересован подчеркнуть свои «разногласия», а во-вторых потому, что сам же он, как отмечалось, раньше, писал, что с Белинским разошелся из-за причин маловажных.

Переходя к анализу художественной деятельности петрашевцев, можно отметить, что она развивалась в общем русле русской литературы. Писатели и поэты петрашевцы шли по следам Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Они испытали на себе воздействие идей Радищева и декабристов и, стремясь к изучению и исправлению жизни, примыкали к натуральной школе, но их произведения по сравнению с произведениями писателей натуральной школы, отличались большей социальной заостренностью, хотя не все были художественны.

Как образец пропагандистской литературы, можно рассматривать рассказ Н. Григорьева «Солдатская беседа». Григорьев был офицер-гвардеец и хорошо знал описываемую жизнь. «Солдатская беседа» читалась на обеде у Спешнева. В ней критиковалось крепостное право, показывалась тяжесть солдатской службы, — бесправное положение солдат во время службы и бедственное после отставки. Григорьев с ненавистью описывал немцев помещиков и немцев военных, жестоко угнетавших солдат и крестьян. Он с любовью вспоминал декабристов и порицал Николая I. Рассказ был идейно

насыщен, но в художественном отношении слаб. Нельзя считать удачной попытку автора воспроизвести народный разговорный язык.

К художественным произведениям петрашевцев относились повести и рассказы Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Плещеева. Последний в рассказе «Отец и дочь» повествует о бедных тружениках, которых угнетают представители высших общественных классов. Этот рассказ близок по идейному содержанию к повестям Достоевского 1848-1849 г., что легко объяснимо. Оба писателя увлекались утопическим социализмом, который рисовал им прекрасные картины будущего, ожидающего человечество, оба были организаторами и членами Дуровского кружка, приговорены к смертной казни и сосланы в Сибирь.

Кроме рассказов и повестей, Плещеев писал стихотворения. Одно из них «Вперед» можно рассматривать как гимн петрашевцев. Оно показывает жертвенность членов революционных обществ. Лишенные поддержки широких слоев населения, петрашевцы были очень одиноки. Однако, они шли вперед «под знаменем науки на доблестный подвиг», провозглашая учение любви страдающему человечеству. Плещеев прославляет тех, кто жертвует жизнью за других и готов к перенесению тяжелых мук. Поэт предвидит неизбежность гибели борцов за свободу, но утешает их тем, что «голос благородный не даром в мире прозвучит»... Все это было довольно расплывчато и безобидно, но в стихотворении есть одна строка, характеризующая деятельность петрашевцев: «И спящих мы от сна разбудим

И поведем на битву рать» ⁸⁸.

Действительно, в эпоху 40-х годов петрашевцы будили общественную мысль, ставили на обсуждение важные для страны вопросы, намечали программу дальнейших действий для национально-настроенной русской интеллигенции, не хотевшей примкнуть ни к западникам ни к славянофилам.

Довольно многочисленные стихотворения Плещеева не отличаются разнообразием. Обычно поэт говорит о

неизбежной гибели, ожидающей борцов, обличает неправду, надеется на лучшее будущее и призывает к дальнейшей борьбе:

Близок час последней битвы!
Смело двинемся вперед,
И услышит Бог молитвы
И оковы разобьет».

Те же самые мотивы характерны для поэзии Плещеева эпохи 60-70 годов. В стихотворении «Старики» он пишет пусть петрашевцы разбиты, пусть обманула их молодость, «но сердце в нас бьется, как прежде, верой горячей в добро и людей».

К поэтам-петрашевцам, кроме Плещеева, относились: А. Баласогло, А. Пальм, Д. Ахшарумов, С. Дуров и другие. Для всех их произведений характерны те же самые мотивы. Как видно, идеи, объединявшие людей, накладывали определенный отпечаток на их творчество.

Петрашевцы верили в высокое призвание человека. «О человек, и стоит ли родиться, чтобы в грязи житейской нищеты, носить ярмо, наподличать, плодиться и кануть без следа!» — писал Пальм, критикуя обывателей.

Стихи А. Баласогло отличаются патриотизмом. Поэт всегда чувствует себя русским и не желает быть никем кроме. В его стихотворении «Возвращение», Русский дух говорит, что объездив многие чужие страны, он возвращается еще более русским. Его русская мысль не нашла ничего хорошего у иностранцев. Баласогло в духе «Летних заметок о зимних впечатлениях» Достоевского, критикует Европу. Французы для него «безголовое племя», в Германии вся «знаменитая их философия — просто из грецкой подкладки мундир». Выводы Баласогло весьма пессимистичны. За все свои странствования, Русский дух не нашел той страны, «Где б ум был волен, где б царь не тиранствовал, где бы все совести были равны»⁸⁹. Поэт замечает, что стонет весь мир и жизнь живых существ есть стон.

В стихотворной форме описывает современную жизнь Ахшарумов:

Земля, несчастная земля, —
Мир стонов, жалоб и мученья!
На ней вся жизнь под гнетом зла
И всюду плач со дня рожденья....» 90.

О народе и его роли в общественной жизни пишет С. Дуров в стихотворении «Кияйя». Поэта занимали и другие вопросы, в частности, тяжелое положение женщин. Он с грустью думает о судьбе девочки, которая играет в куклы, а потом сама будет куклой, выдана замуж и так погибнет. Подобную проблему обсуждал Достоевский в рассказе «Елка и свадьба».

Произведения поэтов-петрашевцев, за немногими исключениями, имеют для нас только историческую ценность, но они интересны с точки зрения выяснения проблем, занимавших членов общества. В стихотворениях, рассказах, статьях и докладах петрашевцы обсуждали явления жизни с точки зрения интересов русского народа и человечества.

Для Достоевского, не имевшего университетского образования, революционные организации 40-х годов были своеобразным университетом. Молодой писатель активно участвовал в их деятельности и пользовался книгами из тайной библиотеки, в которой были собраны все важнейшие произведения по философским и социальным вопросам.

Влияние идей петрашевцев на творчество Достоевского

В 1847 году Достоевский вышел из кружка Белинского. В каком же направлении развивается его дальнейшее творчество? Может быть в нем усилились романтические тенденции?

В 1848 году появились в печати следующие рассказы и повести: «Ползунков», «Слабое сердце», «Чужая жена», «Ревнивый муж», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Белые ночи». В 1849 г. — «Неточка Незванова». Все перечисленные произведения были идейно

связаны с проблемами, занимавшими петрашевцев. В «Ползункове» обсуждался вопрос о человеческом достоинстве. Герой рассказа — шут, но в то же время он намного выше и благороднее окружающих его богатых покровителей. В рассказе «Слабое сердце» — бедный чиновник сходит с ума от «благодарности». По просьбе начальника он был избавлен от солдатчины. Запуганный он погиб, потому что не выполнил приказ благодетеля. Его друг, думавший о причинах гибели Васи (имя героя). Однажды в морозный вечер вдруг увидел, что весь мир «со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищеты или раззолоченными палатами — отрадой сильных мира сего... походит на сон, который исчезнет... Он вздрогнул и сердце его как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови... Он как будто только теперь понял всю эту тревогу и узнал отчего сошел с ума его бедный, не вынесший своего счастья Вася»⁹¹

Достоевский обрывает фразу, но мы понимаем, что Аркадий почувствовал, что он и Вася принадлежат к незащищенным людям, которые могут погибнуть от ничтожной случайности. В рассказе видно влияние идейной атмосферы петрашевцев. Аркадий и Вася мечтают не только о собственном счастье, но о счастье всех людей.

В комических рассказах: «Чужая жена», «Ревнивый муж» обсуждается тема о ненормальном положении, которое создается браком по расчету. Эта же тема обсуждается в рассказе «Елка и свадьба».

В «Белых ночах» показана трагедия «бедных людей» столицы, которые мечтают о счастье и стремятся уйти от тяжелой жизни в мир грез. Достоевский осуждает мечтательство, потому что нельзя безнаказанно уходить от жизни.

В «Неточке Незвановой» Достоевский ставит целый ряд проблем, тесно связанных с вопросами, интересовавшими его товарищей-революционеров: судьба талантливых людей из народа, развращающее влияние на человека крепостного права, положение женщин, воспитание детей. Герой повести, скрипач Ефимов, не

мог освободиться от мрачного влияния прошлого. Свобода пришла слишком поздно. Он не подготовлен к волевой самостоятельной жизни и работе, и гибнет, не в силах понять причин своей гибели.

Содержание произведений молодого Достоевского не исчерпывалось перечисленными проблемами, оно было гораздо шире и разнообразнее, но влияние идей петрашевцев сказалось в выборе тем и их разработке. Часто само название рассказа показывало его идейную направленность, как, например, «Честный вор». Главное действующее лицо этого произведения — Астафий Иванович — отставной солдат. Судьба подобных людей особо занимала петрашевцев. О тяжелом положении отставного солдата писал Григорьев. Отставного солдата делает героем своего рассказа Достоевский. Образ Астафия Ивановича получился ярким и выразительным, хотя отдельные рассуждения вызывают сомнения. Так замечание о том, что вор крадет у человека его «труд, пот, за него пролитый, время твое у тебя крадет»⁹² скорее напоминает отрывок из речи о труде члена кружка, чем рассуждение «бывалого человека». Несмотря на это рассказ интересен и художествен. В нем автор стремится реабилитировать павшего человека. Достоевский умело соединяет глубочайший анализ переживаний вора с детальным реалистическим описанием быта. Мы узнаем не только где живут эти люди, но и как они живут, что едят, чем занимаются, какую одежду носят. Автор делает попытку индивидуализировать их речь. Лако-нические замечания Астафия Ивановича пересыпаны простонародными выражениями и поговорками. Пьянчужка Емельян Ильич, дошел до того, «что язык пропил, слова путного сказать не умеет. Начнешь ему про огурцы, а он на бобах откликается».

Образом Емели, (который впоследствии перевоплотился в чиновника Мармеладова: «Преступление и наказание») и самим названием рассказа, Достоевский подчеркивал не только неистребимость у человека чувства собственного достоинства, но и чувства благодарности, желания оплатить добром за добро, загладить свой проступок.

В нашу задачу не входит детальный анализ повес-

тей Достоевского периода 1848-1849 г., поэтому ограничившись сделанными замечаниями, посмотрим как отразилось влияние идей юности в его позднем творчестве.

«Записки из мертвого дома» заканчиваются осуждением общественного строя при котором «погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?» Заключительная фраза о виновниках оставлена без ответа, но она весьма многозначительна.

В романе «Униженные и оскорбленные» само название выражает идею. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863 г.) в чрезвычайно резкой форме, напоминающей статьи петрашевцев на эту же тему, осуждается третье сословие.

В романе «Преступление и наказание» (1866 г.) критикуются идеи молодости. В «Бесах» (1871) эта критика достигает особой остроты, хотя Достоевский направил главный удар против нечаевцев.

В романе «Подросток», написанном в 1875 году, идеи петрашевцев находят своеобразную реабилитацию. Критика неоднократно отмечала, что в лице Дергачова и членов кружка, Достоевский изобразил революционера Долгушина и его последователей. Сходство действительно очень велико, начиная с фамилии героя Долгушин — Дергачев, кончая семейным положением: женат, жена имеет гдуного ребенка; и мелкими деталями (в комнате икона и т. д.). Но дело не только во внешнем сходстве. Интересно отношение Достоевского к революционерам.

При сравнении «Подростка» с «Бесами», в которых само название и эпиграф говорили об отношении автора к действующим лицам, видно, что Достоевский в «Подростке», хотя и не сочувствует движению, но далек от карикатурного изображения революционеров. Они показаны не злодеями, только и думающими о разрушениях и убийствах, а довольно симпатичными, может быть немного странными, но во всяком случае, честными и идейными людьми.

Почему же автор изменил свое отношение к революционерам, почему роман «Подросток» появился в жур-

нале Некрасова, почему консервативно-настроенные друзья Достоевского А. Майков и Н. Страхов упрекали его за измену? На все эти вопросы можно ответить, если учесть, что революционер никогда не умирал в Достоевском. В его душе как бы всегда звучал мотив марсельезы, олицетворявший бунт. Заглушить этот мотив он не мог.

Узкие идеи личного счастья, счастья только своей общественной группы и даже нации не могли удовлетворить Достоевского. Он мечтал о золотом веке на земле для всего человечества. Приходило время. На сцене появлялся трибун, друг Спешнева, бывший заговорщик. Со страниц «Дневника» звучала проповедь всемирного братства, золотого века и счастья.

Обращаясь к роману «Подросток» нужно учесть, что революционеры, изображенные в нем, были народники, т. е. люди, видевшие спасение всего человечества в русском народе, поэтому боготворившие народ, который, по их мнению, должен был выполнить гигантскую задачу построения новой жизни на земле для всех наций. Достоевский, любивший русский народ, не мог не сочувствовать всему этому, но он отрицал революционный образ действия, боялся новой тирании во имя социализма. Отсюда стремление найти другой способ для осуществления той же мечты. В поисках выхода Достоевский оказался пленником идей молодости, из замкнутого круга которых он не мог выйти всю жизнь.

Одной из важных проблем, волновавших петрашевцев, была проблема семьи и воспитания молодого поколения. Эта проблема является ведущей в романе Достоевского «Подросток».

Что говорилось в кружках петрашевцев на эту тему?

7-го апреля 1849 года на обеде в честь Фурье, А. Ханыков заявил «о необходимости преобразовать семью, которая теперь при существующем строе, есть угнетение, есть деспотизм,... нарушенная гармония страстей, семья есть монополия, семья есть безнравственность, семья есть разврат, семья есть Бог притеснитель»⁹³.

По мнению Ханыкова, в современной семье нет нор-

мальных отношений. В ней или «исключительная собственность, эгоистическое распределение богатств или нищета». Семья превратилась в «нарушенное здоровье в человечестве, семья есть миазм, эпидемия, семья есть воплощенное зло и государство, стоящее за ней, есть отравленный организм, разрушение его близко!»⁹⁴.

За год до этой речи Д. Ахшарумов в своих заметках писал о «крайней необходимости изменить все». Он требовал «уничтожения семейной жизни в таком виде, как она теперь, удаленном, отчуждающем себя от всех прочих людей, в виде животном, неприличном, безобразном для человека и обещающем ему вечное злое, гибельное для него разъединение»⁹⁵.

Ахшарумов полагает, что при существующих условиях «невозможно давать детям воспитание, согласное с природой человека и со страстями, вложенными в него для жизни самим провидением».

«Случайному семейству», неустроенности семейной жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями, посвящает свой роман «Подросток» Достоевский. Эти же проблемы обсуждаются и в романе «Братья Карамазовы». Здесь влияние идей молодости сказалось и в размышлениях автора о путях развития человечества. Иван Карамазов во многом напоминает петрашевца. Можно полагать, что его бунт, атеистические рассуждения, так же, как и «Легенда о Великом Инквизиторе» идейным генезисом имеют философские искания петрашевцев. Многие черты Спешнева воплотились в образе Ставрогина («Бесы»), из среды петрашевцев взяты образы Кириллова и Шатова.

Можно сказать, что, несмотря на изменение взглядов писателя, в основе всех его романов лежат идеи, которыми он увлекался в юности. Эти идеи были новым словом, сказанным России в 40-е годы жертвенно-настроенной горсткой революционеров, думавших во время николаевской реакции о дальнейших путях развития русского народа и человечества.

Мощным влиянием на писателя идей 40-х годов объясняется и то, что в 70-е годы Достоевский был близок левым кругам. Любовь к народу, ненависть к буржуазии сближали его, несмотря на резкую критику

социализма, с радикальной интеллигенцией. Так, например, революционер М. П. Драгоманов в 1876 году посылает Достоевскому две свои брошюры с просьбой «печатно высказаться по поводу частного применения тех общих мыслей, какие высказаны в «Дневнике» и какие лежат в основе брошюр. Одна из них относится к вопросу, о котором вы не раз говорили горячо, — а именно к вопросу о кровной связи русского народа с турецко-славянскими делами. Вторая посвящена очерку истории народолюбия» 96.

Драгоманов замечает, что, хотя по многим вопросам он не согласен с Достоевским, но «в основе идей и чувств — Вы наш народолюбец» 97.

Имеются и другие доказательства близости Достоевского к народникам и даже народовольцам. В «Материалах и исследованиях», посвященных творчеству Достоевского, имеется письмо члена партии «Народная Воля» А. П. Корба от 9. 11. 1876 г. Корба смотрит на Достоевского как на идейного руководителя, который может и должен прийти на помощь:

«Я скажу прямо, — пишет Корба, — что я жду от Вас помощи и у меня в течение долгих лет наболела душа, и если теперь я решаюсь беспокоить Вас своими стонами, то потому, что знаю, что лучшего врача не найду... Настоящее движение доказало нам (война 1876 г. Д. Г.), что мы шли с народом не по различным направлениям... Наши лучшие качества, если только они в нас есть: великодушие, самоотвержение, незлобливость, бескорыстие — не плоды воспитания, это национальные черты, наследие отцов, которое мы делим с народом» 98.

Корба пишет, что добровольческое движение во время войны Сербии с Турцией помогло изжить рознь между интеллигенцией и народом.

Цитируемое письмо показывает, что социальное и патриотическое звучание «Дневника» было настолько сильно и остро, что делало его созвучным даже народовольцам. В самом «Дневнике» влияние идей молодости сказалось с особой силой. В нем писатель особенно часто сталкивался с теми же проблемами, которые интересовали его в 40-е годы. Иногда Достоевский критиковал прежние взгляды, но нередко поступал противоречиво, т. е.

когда речь шла о Европе, то анализировал ее настоящее и будущее с точки зрения петрашевцев, когда о России, то пытался обосновать теорию особого пути ее развития. Но и тут он не отличался особой последовательностью и некоторые общественные явления в России, особенно, если дело касалось третьего сословия, анализировал как петрашвец. Так например, в статье «По поводу новой драмы», помещенной в 25 номере «Гражданина» за 1873 год, Достоевский показывает развращающее влияние денег. «Погибшие люди», «пожертвованные поколения», «разлагающаяся семья», «энтузиазм плотоугодия» — все эти термины говорят о направлении статьи. Мирская сходка «носит в себе начало своего разложения, и уже больна в своем внутреннем содержании». Она выносит приговор «какого хочет богатый и сильный мироед. Так уже лучше вместо пустой формальности, прямо перейти под власть этого мироеда»⁹⁹. Достоевский с раздражением называет слабых крестьян «рабами».

В письме к Л. В. Григорьеву от 21 июля 1878 г. т. е. через пять лет после написания рассматриваемой статьи, он замечает: «Протекло время с освобождения крестьян. И что же: безобразия волостных управлений, водка, безбрежная начинающаяся пауперизация и кулачество, т. е. европейское пролетарство и буржуазия и проч.»¹⁰⁰. Социальная заостренность приведенных отрывков очевидна. В таком же духе критиковали третье сословие петрашвцы.

В статье «Мечты о Европе» Достоевский с точки зрения петрашевцев критикует французскую буржуазию. В статье «Несколько слов о Жорж Занд» доказывает, что после Великой французской революции «лишь обновился деспотизм... и новые победители мира оказались еще, может быть, хуже прежних деспотов»¹⁰¹. Жорж Занд, по его характеристике, «одна из самых ясновидящих предчувственниц более счастливого будущего, ожидающего человечество». Выясняя тип этого будущего, Достоевский пишет: «Она (Жорж-Занд) основывала свой социализм, свои убеждения, надежды и идеалы на нравственном чувстве человека»¹⁰².

В 1877 году Достоевский особенно часто обращается

к прошлому, социальная насыщенность «Дневника» за этот год отличается особой силой. Писатель думал о будущем человечества. Он критиковал социализм, по его мнению, единственным возможным решением вопроса было русское решение, а оно заключалось в «русском социализме», целью которого была вселенская Церковь, осуществленная на земле.

Как видно, без социализма Достоевский обойтись не мог и от этой проблемы не ушел, но вместо атеистического социализма Запада, как свое последнее слово, провозгласил социализм религиозный русский, потому что «не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь, в конце концов, всесветлым единением во имя Христово. Вот наш русский социализм» 103.

Основываясь на проведенном анализе, можно сказать, что Достоевский остался до конца жизни под влиянием идей молодости, которые наложили мощный отпечаток на все его творчество.

Глава четвертая

ГЕНЕЗИС И ПРЕДЫСТОРИЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

По свидетельству Анны Григорьевны Достоевской, мысль об издании «Дневника писателя» возникла у Достоевского во время заграничных скитаний периода 1867—1871 г.

Анна Григорьевна пишет, что после возвращения в Россию, «осуществить зародившуюся еще за границей идею — издавать «Дневник писателя» в виде ежемесячного журнала, было затруднительно. На издание журнала... требовались средства довольно значительные, а для нас составляло загадку — велик ли будет успех журнала, так как он представлял собою нечто небывалое доселе в русской литературе и по форме и по содержанию»¹.

Основываясь на имеющихся источниках, мы полагаем, что замечание А. Достоевской о времени появления замысла «Дневника» — неточно. Мысль об издании «Дневника» зародилась у Достоевского раньше. Еще в письме к А. Е. Врангелю от 8-го ноября 1865 года, Достоевский заметил: «В голове у меня есть одно периодическое издание, не журнал. И полезное и выгодное. Может быть, осуществлю в будущем году»². Через два года в письме к С. И. Ивановой от 29-го сентября 1867 г.

Достоевский замечает: «Непреренно хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты. Я даже помнится Вам говорил это вскользь, но здесь теперь совершенно выяснилась и форма и цель. А для этого надо быть дома и

видеть и слышать все своими глазами»³. Письмо было датировано 29-м сентябрем 1867 года. Из Петербурга Достоевский выехал 14 апреля 1867 года. Следовательно, он мог говорить с Ивановой в Петербурге до отъезда.

Мысль об издании все время занимала Достоевского. 23 октября 1867 года в письме к Э. Ф. Достоевской он сообщает: «Мечтаю, воротясь в Петербург, начать издавать еженедельный журнал в моем роде, который я придумал. Надеюсь на успех»⁴.

В цитируемом письме слово «газета» отсутствует, вместо него появляется «журнал». Вероятно, Достоевский, обдумывая будущее издание, еще не решил будет ли «Дневник» выходить еженедельно или ежемесячно, но он подчеркивал, что издание должно быть периодическим и отличаться своеобразием.

В письме к С. Ивановой от 13 января 1868 года Достоевский замечает: «У меня в мыслях начать, по приезде в Россию, одно новое издание»⁵. Никаких пояснений о том, что это будет за издание не делается. Можно думать, что Достоевский считал вопрос для себя выясненным. За это предположение говорит и его письмо к Н. Страхову от 28 февраля 1869 года. Критически анализируя близкий ему по направлению журнал «Заря», Достоевский делает ряд замечаний, показывающих какие требования он предъявлял к периодическому изданию. Достоевский пишет, что успех основывается на новых идеях. Журнал должен высказать новую и современную мысль и бороться с рутиной, которая находит «либерализм и новую мысль в том, что старо и отстало».

Как видно из дальнейшего изложения, под «новой современной мыслью» подразумевается национальная русская мысль. Достоевский советует помещать в журнале ежемесячные политические обозрения и фельетоны. Журнал не должен избегать полемики, потому что полемика есть чрезвычайно удобный способ разъяснения мысли, так «все статьи, например, Белинского имели форму полемическую»⁶.

Основываясь на сделанных замечаниях, можно полагать, что мысль об издании «Дневника» зародилась

у Достоевского, не за границей, а в России, и, по всей вероятности, не позже 1865 года, но обдумывание деталей продолжалось за границей.

Приведенные данные о генезисе «Дневника» характеризуют только одну сторону дела, т. е. уточняют время появления замысла издания, но цель нашего исследования не ограничивается этим. Посмотрим под влиянием каких идейных воздействий сложился этот замысел.

Говоря об идейном генезисе «Дневника», необходимо принять во внимание влияние, оказанное на Достоевского, книгой Гоголя: «Выбранные места из переписки с друзьями». О влиянии Гоголя на Достоевского говорилось достаточно. Сам Достоевский в своих произведениях оставил неопровержимые свидетельства силы этого влияния. Несмотря на пародирование Гоголя в образе Фомы Опискина («Село Степанчиково и его обитатели») и чтение письма Белинского к Гоголю на собрании петрашевцев, и критику «Выбранных мест из переписки с друзьями», все же «Выбранные места из переписки с друзьями» оказали определенное воздействие на идейный генезис и композицию «Дневника».

Непосредственное обращение к читателю, разговор с ним, обсуждение волнующих общество вопросов, лирическая приподнятость речи, гибкость ее, переход от возвышенных тем к случаям обыденной жизни, проповедь, обращение, дидактические поучения, саркастические обличения, характерные для книги Гоголя, нравились Достоевскому. Нравилась ему и представляемая этой формой свобода. Его прельщала возможность прямо поговорить с читателем о себе, своих идеях и взглядах. Правда, Достоевский во многом не соглашался с Гоголем и резко критиковал последнего за попытку повернуть обратно колесо истории, но ему всегда был близок и созвучен патриотизм Гоголя. Мысль последнего о том, что для каждого русского нужно, отбросив все «положить себе в неприменный закон служить земле своей»⁷, — нашла свое развитие в «Дневнике писателя». Стремление Достоевского разъяснить духовно-национальную независимость России было связано не только, как обычно полагается, со славянофильскими тенденциями Хомякова и Аксакова, но и с высказываниями Гоголя, отмечавшего «незнание

(современниками Д. Г.) России посреди России» и требовавшего от каждого русского «всего себя умертвить для себя, но не для России»⁸. По его мнению, человек, не выполнявший этих требований, должен был или иметь «бесчувственное сердце, или не знать что такое Россия для русского». Гоголь сформулировал столь любимую Достоевским идею о мировой миссии русских, «призванных в мир не за тем, чтобы истреблять и разрушать, но все направлять к добру»⁹.

Характеризуя особенности русского характера, Гоголь еще в «Петербургских Записках» заметил, что русский человек свободен и может даже отрешиться от самого себя, что не могут сделать представители других национальностей: «Немцу, о чем бы он ни говорил, не отрешиться от немца; французу, о чем бы он ни говорил, во всех его мнениях и словах будет слышен француз; англичанину и подавно более всех нельзя отделиться от своей природы. Стало быть, полное беспристрастие возможно только в русском уме, и всесторонность ума может быть доступна одному только русскому... К этому нужно присовокупить нашу способность схватывать живо малейшие оттенки других наций»¹⁰.

При сопоставлении высказываний Достоевского и Гоголя поражает их сходство. В своей речи о Пушкине Достоевский отметил, что Пушкин обладал способностью перевоплощаться: «Пушкин — человек древнего мира, он и германец, он и англичанин... он и поэт Востока»¹¹.

Характеризуя творчество Пушкина, Гоголь за 35 лет до речи Достоевского, писал: «Как верен его (Пушкина Д. Г.) отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец, в полном смысле этого слова, заглянет к мужику в избу — он русский весь с головы до ног: все черты нашей природы в нем отозвались... в первый раз выступили истинно-русские характеры»¹².

В романе «Подросток», устами Версилова, Достоевский как бы развивает мысли Гоголя: «Всякий француз, — говорит Версильов, — может служить не только своей Франции, но даже и человечеству, единственно под тем

лишь условием, что останется наиболее французом: ровно англичанин и немец. Один лишь русский... получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек и, тем самым, наиболее русский. Тем самым я — настоящий русский и наиболее служу для России» 13.

Совпадают с мыслями Гоголя рассуждения Достоевского о способности только великого таланта видеть то, что многие не замечают, об отношении русских к преступникам, о славянофилах и западниках. Последнее особенно интересно. Гоголь заметил, что славянофилы и западники: «Говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу. Один подошел слишком близко к строению, так что видит одну часть его, другой отошел от него слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит» 14.

В «Пушкинской речи» Достоевский развивает эту же мысль. Современная Достоевскому критика уловила связь между «Пушкинской речью» и «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя.

В октябрьском номере «Вестника Европы» за 1880 год анонимный критик, сообщая о громадном успехе «Пушкинской речи», которую признали «событием» и «гениальной», заметил: «Можно, пожалуй, согласиться, что это событие, но событие довольно печальное». Он упрекает Достоевского за «неумеренное самолюбие, мистицизм» и утверждает, что сходство между «Речью» Достоевского и «Перепиской» Гоголя поразительное... Достоевский рассуждает «наитиями, провидениями, откровениями». Стиль «Речи» повторяет «Выбранные места» Гоголя. «Рядом с возвышенной, или высокопарной проповедью идет вульгарная сплетня, христианская любовь и братство с крайним озлоблением, тон высокопарный и прорицательный» 15. Трудно согласиться со всеми высказанными замечаниями, которые скорее являются обвинениями, чем объективной критикой, но связь «Речи» с «Перепиской» подмечена верно.

Говоря о влиянии Гоголя на идейный генезис «Дневника», необходимо заметить, что Достоевский относился

критически ко многим взглядам Гоголя. Последний хотел улучшить положение народа, сохраняя неизменным существовавший порядок, Достоевский мечтал о своеобразной свободе. Гоголь возлагал надежды на высшие сословия, Достоевский на народ и интеллигенцию. «Дневник» несравненно глубже и содержательнее «Выбранных мест из переписки с друзьями». В нем отразилось негодование писателя на положение при котором русский народ, «обладающий многими прекрасными качествами был обращен как зверь, претерпел мучения еще с самого начала своего... такие, каких ни один народ в мире не вытерпел бы» 16.

Оказали определенное влияние на идейный генезис «Дневника» статьи Белинского. Пусть впоследствии Достоевский критиковал Белинского, но преодолеть его влияние он не мог. Даже в «Дневнике» отрицательные высказывания о Белинском чередуются с положительными. У критика была одна сторона, которая оставалась всегда близкой Достоевскому — это патриотизм.

Распространенное мнение о том, что Белинский, борясь против славянофилов, пренебрежительно относился к России нельзя считать правильным. Критикуя славянофилов за идеализацию прошлого страны, Белинский в то же время заявлял: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы, русские, призваны сказать миру свое слово, свою мысль» 17. «У России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства» 18. По мнению Белинского, Россия давно прошла период заимствования от других стран и теперь «настало для России время развиваться самостоятельно, из самой себя» 19.

Многие взгляды Белинского отразились в «Дневнике писателя». Белинский, как и Гоголь, полагал, что русские могут понимать представителей других национальностей потому, что «французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца... Одни видят в этом наше превосходство перед

всеми другими народами, другие выводят из этого несмысла печальное заключение о бесхарактерности» 20.

Белинский присоединяется к первому мнению, заявляя: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могущее государство и как до Петра Великого, так и после него.... выдержали с честью ни один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой силе и крепости» 21.

«Не раз уже народу приходилось выручать себя. Он найдет в себе охранительную силу, которую всегда находил» 22, — в тон Белинскому пишет Достоевский.

Сильное влияние на идейный генезис «Дневника» оказало творчество Герцена. Анна Григорьевна Достоевская писала, что за границей Достоевский жадно читал сочинения Герцена. В апреле 1876 года он упорно искал в библиотеках Дрездена журнал: «Полярная звезда», который издавался Герценом с 1855 по 1869 г. В журнале печатались статьи самого Герцена, Огарева и произведения русских писателей и поэтов, запрещенные царской цензурой. В этом журнале было опубликовано, хорошо известное Достоевскому, письмо Белинского к Гоголю. Анна Григорьевна сообщает, что Достоевский купил два номера «Полярной звезды», потом «искал «Полярную звезду» за 1855 г., но не мог найти. В другой библиотеке взяли «Полярную звезду» за 1855—1861 г.». Через две недели следующая запись: «Мы опять взяли один номер «Полярной звезды» 23. 15-го мая Достоевский берет в библиотеке «Былое и думы» Герцена. 1-го июня он обдумывает свою статью о Белинском. Первого июля покупает «Колокол» Герцена. 21-го июля следующая запись «Мы спросили «Колокол». Федя рассмотрел 4-ую часть «Былого и дум» Герцена, но не купил, так как уже читал» 24. 28-го июля «Федя работал, а я лежала в постели, перечитывая Белинского» 25.

Интерес, который возбудили у Достоевского произведения Герцена, нельзя отнести только за счет любопытства. Многие в них были созвучны ему и оказало на него определенное воздействие, как, например, мысль Герцена о том, что «вне России нет будущности для

славянского мира, без России он не разовьется, — он расплывется и будет поглощен германским элементом»²⁶, или взгляд на Россию, как на «совершенно новое, неоконченное здание, где все еще пахнет свежей известью, где все работают и... где ничто еще не достигло цели, где все изменяется»²⁷.

Нашли отражение в «Дневнике писателя» взгляды Герцена на будущее Европы: («Я вижу неминуемую гибель старой Европы»), на отношение Европы к России («Европа нас не знает»), и на русский народ. Герцен рекомендовал Европе ближе узнать народ, «отроческую силу которого она оценила в бою, где он остался победителем». Герцен считал долгом русских писателей рассказать Европе: «об этом мощном и неразгаданном народе, который втихомолку образовал государство в 60 миллионов, ... о народе, который как то чудно сумел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, ... под позорным кнутом татарским, сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатырской натуры под гнетом крепостного состояния»²⁸.

Приводим несколько цитат из «Дневника», показывающих сходство взглядов Герцена и Достоевского. Последний как и Герцен полагал, что «без единыщего огромного центра России — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе»²⁹. «Мы, русские, народ молодой, мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет, но большому кораблю — большое и плавание»³⁰.

«Над всей уже Европой несомненно носится что-то роковое, страшное и, главное, близкое»³¹.

«Европейцы мало знают Россию и русскую жизнь» и т. д.

Достоевскому был близок взгляд Герцена на третье сословие и на неизбежность борьбы последнего с прлетариатом.

Следовательно, обдумывая издание «Дневника», Достоевский усиленно читал Герцена и писал статью о Белинском, перечитывая его сочинения. Можно думать, что произведения Герцена и Белинского помогли оформить мысли Достоевского об издании своеобразного

художественного и в то же время публицистического произведения. Это влияние сказалось и на форме. Так, например, «Былое и думы» Герцена близки к «Дневнику» по композиции. Та же свободная манера изложения. Бытовые картины, литературные характеристики и воспоминания, эпизоды, сцены, очерки, рассказы. Юмор, сатира, лирика. Но в отличие от «Дневника», «Былое и думы» имеют ярко выраженный автобиографический характер. Достоевский создает новый жанр, хотя и учитывает опыт Герцена.

Не прошли для Достоевского бесследно годы пребывания среди петрашевцев. Следы идей молодости обнаруживаются в «Дневнике писателя» и большинстве его романов. Они выражаются в социальной заостренности произведений. Рассуждения на тему:

«Грядет четвертое сословие стучится и ломится в дверь, и если ему не отворят, сломает дверь! Наступит такое чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки все это рухнет в один миг» ³², — часто встречаются в «Дневнике».

Кроме того, оказывается, что Петрашевский в 40-е годы сам предполагал издавать журнал: «Наш журнал русский и для русских», — писал он в предисловии. Главной целью журнала ставилось «возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всех отношениях, главной мыслью, главной идеей, главным предметом должна быть Русь, и это должно быть развиваемо во всех направлениях» ³³.

Как отмечалось, главной целью «Дневника» Достоевский ставил «разъяснение русской национальной духовной самостоятельности». В данном случае, как видно, комментарии излишни.

В «Дневнике» как бы продолжались диспуты, которые велись на собраниях петрашевцев. Достоевский пишет о будущем, которое ожидает мир, о революции, общественных отношениях, семье, о человеке и его потребностях, о литературе. Все эти проблемы когда-то обсуждались на собраниях петрашевцев. Знакомство Достоевского с «Карманным словарем иностранных слов, вошедших в состав русского языка» отразилось в

сходстве отдельных замечаний. Например, объясняя слово «мистицизм», Петрашевский пишет, что представление о возможности особого сверхчувственного познания мира «есть величайшее заблуждение существующее с незапамятных пор»³⁴. В «Дневнике» за 1876 г. Достоевский замечает: «спиритизм — без сомнения, великое, чрезвычайное и глупейшее заблуждение, блудное учение и тьма»³⁵.

Петрашевцев интересовала издательская деятельность. А. П. Баласогло разработал «Проект учреждения книжного склада и издательства». В нем он пишет каким требованиям должен отвечать хороший журнал. «Журнал — значит дневник событий (подчеркнуто нами Д. Г.) Казалось бы, где же лучше, как не в дневнике литературных событий, и быть суду или, по крайней мере, мнению, отзыву о являющихся книгах? Но увы! Сперва надо спросить, кому вести этот дневник? Кому судить и рядить... о явлениях литературы? Неужели первому встречному, кто только набьет руку в статьеписании? Но если так, не будут ли эти дневники подобны летописям средних веков.

Если уже вести дневник событий, так вести самим знатокам дела, наблюдателям, созерцателям природы и развития человечества»³⁶.

Цель всей издательской деятельности, Баласогло тесно связывает с задачами, стоящими перед страной:

«Пора России понять свое будущее призвание в человечестве: пора являться в ней людям, а не одним степным лешим, привилегированным старожилам Русской земли, или заезжим фокусникам просвещения, бродящим по ее захолустьям и трущобам с улыбкой пьяного презрения к человечеству России! Презрения только потому, что это человечество не имело счастья купаться в крови древнего мира, сокрушать его бессмертные памятники... и простосердечно свирепствовать на развалинах образованности, в потехах варварского молодчества готов, вандалов, франков, норманов — этих готтентотов Европы! Россия есть сама другая Европа, Европа средняя между Европой и Азией... чудная, неведомая новая страна соединения всех крайностей, борьбы всех противоречий, слияния всех характеров земли. Пора же

остановить на этой стране взор ее же девственного любомудрия... В ней, и только в ней сосредоточены все нити всемирной истории... Пора увидеть Россию, пора прозреть» 37.

По мнению Баласогло: «Русский должен примириться сам с собой и стать сам собою, иначе ему не жить, а в этом акте он естественным образом будет примирителем Востока с Западом. Славянство России есть только та разумная среда, которой предназначено природой поглотить в себя все и вся и пережевать мысли мира и мысль России. Славянская душа есть избранный сосуд слияния народов и человечества... Ни Ассирии, ни Египта, ни Индии, ни Китая, ни Греции, ни самого Рима, ни даже Европы нехватило и никогда нехватит на подобную форму. Россия есть седьмая часть всего земного шара, славян до 80 миллионов душ, которые, за немногими исключениями, все — как одна душа. Восток принадлежит России неизменно, естественно, исторически» 38.

Приведенные выдержки интересны тем, что в них как бы намечен ряд проблем, получивших развитие в «Дневнике писателя» Достоевского...

Можно думать, что генезис одного из рассказов «Дневника»: «Сон смешного человека» связан с планом рассказа Д. Ахшарумова «Путешествие по вселенной». В последнем говорится о каком-то таинственном всезнающем существе, которое летит вместе с путешественником в голубом эфире между миллионами огромных шаров. Таинственное существо говорит спутнику, что они видели множество жизней и теперь приближаются «к прекрасной, великой, но вместе с тем всегда страдающей и плачущей земле: все в ней томится и изнемогает... Наслаждения и мучения слиты вместе в одном сердце, в одной душе человеческой, идеалы, чувства, мысли облечены в образы... целую жизнь идеалы рвутся из этих условий и не могут превозмочь их — это мир несовершенный, больной, оттого он весь страдает, а между тем он мир одной природы, одного творца с лучшими мирами вселенной» 39.

Ахшарумов приходит к выводу, что человек носит в себе возможность счастья и свободы, но он пренебрегает ими и заглушает в себе сознание своей силы. Он

обратился для своего освобождения к неверным и ничтожным средствам и живет измученный, обезнадёженный, не подвигаясь вперед.

План и наброски рассказа Ахшарумова «Путешествие по вселенной» были написаны 30-го июля 1848 г. Можно полагать, что Достоевский был с ними знаком. В рассказе «Сон смешного человека», так же как и в «Путешествии по вселенной», два героя. Один из них простой человек, а другой какое-то таинственное существо. Так же как и Ахшарумов, Достоевский верит в то, что люди могут быть прекрасны и счастливы. «Смешной человек» Достоевского, как бы перефразирует мысли героя рассказа Ахшарумова: «На нашей земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви»⁴⁰. Достоевский полагал, что все могло бы устроиться в один день и час, если бы люди исполнили завет «люби других, как самого себя», но они не исполняют этого завета и продолжают страдать.

Если даже предположить, что «Путешествие по вселенной» не было известно Достоевскому, все же близость идейного содержания обоих произведений говорит о мощном и одинаковом влиянии на обоих писателей атмосферы кружка петрашевцев.

«Дневник писателя» начал издаваться через четыре года после появления книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Говорить о влиянии этой книги на идейный генезис «Дневника» можно лишь учитывая, что Данилевский сам был петрашевцем и увлекался учением Фурье. Как и Достоевский, он был заключен в Петропавловскую крепость. Впрочем, не попал под суд, а был только выслан из Петербурга.

Неоднократно отмечалось влияние на эту книгу славянофильских идей. Можно согласиться с тем, что она связана со славянофильством и является «катехизисом или кодексом славянофильства», но в то же время нужно иметь в виду, что это, в сущности, не славянофильство, а особое учение, содержащее в себе новый взгляд на всю историю человечества, вернее новую теорию всеобщей истории. Это своеобразие было обусловлено влиянием идей кружка Петрашевского.

Данилевский отвергал теорию единого прогресса. Он полагал, что история есть ничто иное, как развитие отдельных культурно-исторических типов. Если славянофилы были уверены, что славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, то по теории Данилевского такой задачи не существовало. По его мнению, славяне были только особым культурно-историческим типом.

Данилевский доказывал возможность и необходимость развития новой славянской культуры, неизбежность создания нового славянского культурного типа, необходимость образования славянского союза, чтобы поставить Россию, не в ряд европейских государств, а рядом с целою Европою. Данилевский отмечал враждебное отношение Европы к России. «Европа не признает нас своими, она видит в России и Славянах вообще нечто ей чуждое»⁴¹. «Европа, которая все знает, от санскритского языка до ирокезских наречий не знает одной только России». «Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила, никогда не считала нас за своих»⁴², — замечает Достоевский. Он разделял взгляды Данилевского на восточный вопрос, как на проблему, касающуюся будущности всего славянства, и был уверен в том, что Царьград, как центр православия, должен принадлежать России, и быть столицей всего славянства.

Нашел отражение в «Дневнике писателя» взгляд Данилевского на историю Европы, как на непрерывную борьбу, окончившуюся «анархией религиозной, т. е. протестантизмом, анархией философской, т. е. всеотрицающим материализмом, который начинает принимать характер веры, и, понемногу занимает в умах место религиозного убеждения, и анархией политико-социальной, т. е. противоречиями между третьим сословием и пролетариатом».

Данилевский утверждал, что религия играла огромную роль в древне-русской жизни, и что русские люди сильны своим православием. С помощью религии могут быть разрешены все общественные противоречия. Славянский культурный тип будет синтезом всех типов, которые существовали до него, т. е. будет первым полным типом гармонически развитого человека.

Достоевскому были близки все перечисленные идеи, но, в отличие от Данилевского, он не ограничивал деятельность русских только созданием общеславянского государства, полагая, что задача России общемировая, т. е. служение всему человечеству, объединение всего человечества в одну семью на основе любви и православия.

Подводя итоги всему сказанному, можно отметить сложность идейного генезиса «Дневника», но это не значит, что Достоевский, испытывая определенные влияния, ограничивался механическими заимствованиями и «Дневник» получился подобным одежде, сшитой из разных кусков материи. «Дневник» — целое, глубоко продуманное произведение. Достоевский творчески перерабатывал то, что получал извне, хотя известная противоречивость и бесконечные поиски выхода из создавшегося положения заставляли его испытывать колебания, что и отразилось на содержании и форме произведения.

Предыстория «Дневника писателя»

При анализе «Дневника» возникает вопрос, имеются ли у Достоевского произведения сходные с «Дневником», или последний был своего рода единственным явлением? С этим вопросом связан второй о жанре. Имеет ли «Дневник» свой особый жанр, или он является случайным собранием статей, воспоминаний, очерков и художественных рассказов? Для разрешения поставленных проблем целесообразно обратиться к творчеству Достоевского. Рассматривая сочинения Достоевского, можно отметить, что контуры «Дневника» намечались уже в фельетонах 1847 года и позже в статьях журналов «Время» и «Эпоха».

Публицистическая заостренность фельетонов и статей, и особая, свойственная Достоевскому, манера связывать частные случаи с общими проблемами, иллюстрируя их художественными описаниями, краткие, но яркие и выразительные характеристики и заключения делали их в высшей степени своеобразными и отличали от его романов.

Вторым произведением, которое можно рассматри-

вать как близкое по жанру «Дневнику», являются «Записки из мертвого дома». В отличие от фельетонов и статей журналов «Время» и «Эпоха», «Записки из мертвого дома» — произведение художественное, но своеобразие и особенности композиции позволяют выделить «Записки» из романов Достоевского.

«Записки» как и «Дневник» бессюжетны. В них, как и в «Дневнике», автор дает полную свободу своим рассуждениям. Он, как главный герой, остается все время на сцене, делая свои замечания. Главным действующим лицом обоих произведений был русский народ.

«Записки из мертвого дома» идейно близки с «Дневником», в них Достоевский замечает: «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее. Стоит только снять наружную, наносную кору, и посмотреть на самое зерно повнимательней, поближе, без предрассудков, — и иной увидит в народе такие вещи, о которых не предугадывал»⁴³.

Достоевский пишет о добродушии и беззлобии народа, его склонности прощать врагов, в случае, если они искренно раскаялись. Он говорит об особенностях русского характера и, исследуя натуру человеческую, приходит к выводу, что условия могут до того ее исказить, что «самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя».

Все перечисленные проблемы обсуждаются в «Дневнике писателя», так что возможно говорить о влиянии «Записок» на «Дневник» и рассматривать «Записки» как произведение, предшествующее «Дневнику».

Близки «Дневнику» по жанру и содержанию «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованные в 1863 году.

«Зимние заметки» особенно близки «Дневнику» своей социальной заостренностью.

Достоевский в то время путешествовал по Европе и его весьма занимал вопрос о будущем мира. Писатель был в Берлине, Дрездене, Кельне, Париже, Лондоне, Люцерне, Женеве, Флоренции. Он видел жизнь различных стран и народов, и пришел к весьма неутешительным выводам о западном строе. По его мнению, на

Западе нет свободы. Быть свободным и делать что угодно можно, когда в кармане миллион, а так как у каждого миллиона нет, то делать что угодно может только человек с миллионом, «а человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно» ⁴⁴.

В Лондоне Достоевского поразило ужасное положение рабочих: «Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме, в которую они брошены своими старшими братьями, ошупью стучатся хоть в какие-нибудь ворота и ищут выхода, чтобы не задохнуться в темном подвале» ⁴⁵.

Вопросы о четвертом сословии и судьбе человечества нашли дальнейшее развитие в «Дневнике писателя».

Все рассмотренные нами произведения были предысторией «Дневника». Творчество Достоевского развивалось в двух направлениях: романы, рассказы, повести — с одной стороны, и статьи, записки, заметки — с другой. Сами названия говорили о различии. Вместо коротких и четких заглавий романов: «Бесы», «Идиот», появлялись целые предложения: «Записки из мертвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях». «Записки», «заметки» — все это показывало непосредственную связь произведений с жизнью и давало автору полную возможность высказывать свои мнения.

Таким образом «Дневник» имеет свою предысторию. Он не случайно вырос на пустом месте, а является своеобразным завершением определенного направления в творчестве Достоевского.

Если роман «Братья Карамазовы» можно рассматривать как вершину одного, то «Дневник» является вершиной и заключением второго.

КОМПОЗИЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

«Дневник писателя» начал издаваться с 1 января 1873 года. Последний номер появился в январе 1881 года.

За это время, исключая перерывы в издании с 1874 г. по 1876 г. и с 1877 г. по 1880 г., было напечатано: 16 выпусков «Дневника» в журнале «Гражданин» и издано 23 номера.

По годам издание «Дневника» распределяется следующим образом: 1873 г. — 16 выпусков, 1876 г. — 11 номеров, (в том числе один двойной), 1877 г. — 10 номеров (в том числе два двойных), 1880 г. 1 номер, 1881 — один номер.

Содержание «Дневника» можно разделить на следующие части: 1) Художественные произведения: «Бобок», «Маленькие картинки», — 1873 г., «Мальчик у Христа на елке», «Столетняя», «Мужик Марей», «Кроткая» — 1876 г., «Сон смешного человека» — 1877 г.

2) Воспоминания: «Старые люди», «Нечто личное» — 1873 г., «Старые воспоминания» — 1877 г., «История глагола «стушеваться» — 1877 г.

3) Литературно-критические статьи: «Подписьма одного лица», «Влас», «Смятенный вид», «По поводу выставки», «Ряженный», «По поводу новой драмы», «Учителю», «Нечто о вранье», «Одна из современных фальшей» — 1873 год, «О Юрии Самарине», «Будущий

роман», «Идеалы растительной стоячей жизни», «Одно слово по поводу моей биографии», «Смерть Жорж Занд» — 1876 год, «Русская сатира», «Новь», «Последние песни», «Один из главнейших современных вопросов», «Об анонимных ругательных письмах», «План обличительной повести из современной жизни», «Разговор с московским знакомым», «Восьмая часть «Анны Карениной», «Сотрясение Левина», «Ложь ложью спасается», «Что значит слово «стрюки»?», «Смерть Некрасова», «Пушкин, Лермонтов и Некрасов», «Поэт и гражданин», «Свидетель в пользу Некрасова» — 1877 год, «Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже «Речи о Пушкине», «Пушкин», «Придирка к случаю» — 1880 год.

4) Публицистические произведения.

Из 1200 страниц, составляющих «Дневник», более 400 страниц занимают рассказы, повести, литературно-критические статьи и воспоминания, т. е. материал, имеющий безусловную художественную ценность. Остальная часть состоит из публицистических статей и художественной хроники.

Проведенное нами деление содержания «Дневника» условно, но оно дает возможность сделать анализ более ясным.

Какую же цель ставил перед собой Достоевский, издавая «Дневник»? «Я пишу мой «Дневник», — заметил он в 1877 году, — т. е. записываю мои впечатления по поводу всего, что наиболее поражает меня в текущих событиях»¹.

«Я ведь издавал мой листок сколько для других, столько и для себя самого, из неудержимой потребности высказаться в наше любопытное и столь характерное время»², — писалось в конце 1877 года. В «Дневнике» Достоевский был предельно искренен. «Я никогда еще не позволял себе, в моих писаниях, довести некоторые мои убеждения до конца, сказать самое последнее слово... И вот я взял да и высказал последнее слово моих убеждений-мечтаний насчет роли и назначения России среди человечества»³.

«Разумеется, — пишет он Соловьеву о статьях «Дневника», — это не какие-нибудь строгие этюды или отчеты, а лишь несколько горячих слов и указаний»⁴.

Главной целью издания является «по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее, по возможности, в текущих представляющихся фактах»⁵. Достоевский подчеркивает, что «Дневник» «не простое политическое обозрение... и не претендует представлять ежемесячно политические статьи, но всегда будет стараться отыскать и указать, по возможности, нашу национальную и народную точку зрения и в текущих политических событиях»⁶. Следовательно, «Дневник» не пестрое собрание заметок, очерков, воспоминаний, рассказов, то-есть какое-то странное смешение различных жанров, а произведение, объединенное общей идеей, которая обуславливала его композицию.

Достоевский в своем специфическом полупублицистическом, полуфилософском и литературно-художественном издании, говорил о чем хотел и как хотел. Конечно, цензурные ограничения не давали ему возможности касаться некоторых тем, но что он мог сделать, то делал. Одержимый любовью к России, русскому народу и мечтой о золотом веке, Достоевский провозгласил, что стыдиться своих убеждений нельзя. Кто хочет сказать слово пусть говорит его, не боясь никаких последствий:

«В этом смысле «Дневник» никогда не сойдет со своей дороги, никогда не станет уступать духу века, силе властвующих и господствующих влияний, если сочтет их несправедливыми, не будет подлаживаться, льстить и хитрить. После целого года нашего издания нам кажется уже позволительно это высказать. Ведь мы очень хорошо и вполне сознательно понимали и в прошлом году, что многим из того, о чем мы писали с жаром и убеждением, мы в сущности вредили только себе, и что гораздо более получили бы, напротив, выгоды, если бы с таким же жаром попали в другой унисон»⁷.

«Дневники», как политико-литературные обозрения были довольно распространены в 70-е годы. Достаточно указать на «Дневник» сотрудника «Отечественных записок» Н. Михайловского, «Русский дневник» Мельникова-Печерского, «Варшавский дневник», издававшийся под редакцией К. Леонтьева. Последний утверждал, что

прогресс 19 века должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к «перерождению человеческих обществ». Должен был исчезнуть либерализм, появиться принудительные формы жизни, возникнуть в какой-то новой форме рабство, возродиться феодализм. Леонтьев был убежден в неизбежной гибели Запада, потому что там у коммунистов «все просто, все ясно, все исполненно особого рода преступной логики и свирепой последовательности. У либералов все смутно, все бледно»⁸.

Что же представлял из себя «Дневник» Достоевского?

В 1873 году писатель принял предложение князя В. Мещерского редактировать журнал «Гражданин», который начал издаваться с 1872 г. Князь Мещерский не обладал ни характером ни даром публициста. Он был консерватором и мечтал о восстановлении крепостного права. Журнал «Гражданин» не пользовался успехом. Отношение к нему со стороны других изданий было скорее пренебрежительное, чем враждебное. Н. Михайловский, рассматривая статью, помещенную в 51 номере «Гражданина» за 1874 год, обращаясь к публике, кратко заметил: «Я не приглашаю вас, читатель заглядывать в «Гражданин» слишком часто: хорошенького понемножку». Можно сказать, что репутация «Гражданина» осталась без изменения и в 80-е годы. Так, брат А. П. Чехова Александр, отвечая на вопрос Антона Павловича не сотрудничает ли он в «Гражданине», писал: «Кто дерзнул сказать тебе, что я работаю в «Гражданине»? И как твоих гигантских мозгов хватило на то, чтобы поверить и задать мне вопрос? Разве ты не знаешь, что почтеннее писать в кабаках кляузы, нежели работать в сем органе»⁹.

В таком журнале появился в 1873 году «Дневник» Достоевского. Но это совсем не значило, что Достоевский разделял взгляды Мещерского. Он мечтал о золотом веке для всего человечества, а Мещерский рекомендовал правительству организовать «наблюдения» за студентами. «Семь строк, — писал Достоевский Мещерскому, — о надзоре или, как вы выражаетесь о труде надзора правительства, я выкинул радикально. У меня есть репутация литератора и сверх того дети. Губить себя я

и с намерен. Кроме того, ваша мысль глубоко противна моим убеждениям и волнует сердце»¹⁰. В письме от 20 июля 1873 года. Достоевский жалуется жене на грубость тона полученного им от Мещерского письма. «Черт его дери. Сегодня же отвечу ему так резко, что оставит впредь охоту читать наставления»¹¹.

В свою очередь, Мещерского раздражала деятельность Достоевского. Среди жесточайшей журнальной полемики Достоевский с большой симпатией относился к народникам. Так, упоминая о Н. М. Михайловском, Достоевский пишет, что хотя он не знает Михайловского лично, все же «всею душою убежден, что это один из самых искренних публицистов какие только могут быть в Петербурге»¹².

В статье Михайловского, посвященной роману «Бесы», Достоевского поразило заявление критика о том, что «социализм в России был бы непременно консервативный». Речь о социализме шла после событий Парижской коммуны, так что на деле Михайловский говорил о коммунизме и диктатуре, которая для него была так же неприемлема, как и для Достоевского. Последний разделял этот взгляд, но у него мелькнуло подозрение, что говоря так, Михайловский был уверен, что Достоевский консерватор во чтобы то нистало. Редактор «Гражданина» забывает о князе Мещерском, о вражде к нигилистам. Без промедления следует ясный и четкий ответ: «Смею уверить г. Н. М., что «лик мира сего» мне самому даже очень не нравится». Как видно, Достоевский, печатая свой «Дневник» в реакционном журнале, не разделял взгляды издателя и в 1874 году оставил «Гражданин». Следовательно, говоря о направлении «Дневника» нужно соблюдать большую осторожность и не торопиться заносить его в число журналов правого направления.

Рассматривая композицию «Дневника», необходимо выяснить взгляды Достоевского на искусство и действительность. В письме к Н. Страхову от 26 февраля 1869 года Достоевский заметил, что у него «свой особенный взгляд на действительность». То что большинство называет почти фантастическим, для него составляет самую сущность явлений. Так в каждой газете имеются све-

дения о самых действительных фактах и самых мудреных, которые кажутся для многих писателей фантастичными, так что они проходят мимо них: «А между тем они действительность, потому что они факты. Кто же будет их замечать, их разъяснять и записывать? Они поминутны и ежедневны, а не исключительны... Мы всю действительность так пропустим мимо носа. Кто же будет отмечать факты и углубляться в них»¹³.

В письме к Х. Алчевской, от 9 апреля 1876 г., Достоевский, отвечая на упрек в том, что он в «Дневнике» «разменивается на мелочи» пишет, что, по его мнению, писатель должен знать «до малейшей точности изображаемую действительность... Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем, для меня, например, молодое поколение и вместе с тем современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего еще 20 лет назад»¹⁴.

Для Достоевского важны были жизненные факты, но это не значит, что он был натуралистом и ограничивался описанием явлений. Основываясь на фактах, он пытался проникнуть в их суть, сделать обобщения, прийти к определенным выводам и заключениям. Достоевский стремился к созданию литературного произведения, которое было бы тесно связано с текущей действительностью; поиски новых форм отразились в его романах. Так Лиза Дроздова («Бесы») решила издать особую книгу, основанную на газетном материале. В книге должно было отразиться лицо России:

«Книга должна быть одна, даже не очень толстая... ясная потому, что главное в плане и характере представления фактов. Конечно, не все собирать и перепечатывать... Можно многое выпустить и ограничиться лишь выбором происшествий более или менее выражающих нравственную личную жизнь народа в данный момент... Из всего выбирать только то, что рисует эпоху, все войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслью, освещающею все целое, всю со-

вокупность... Это была бы, так сказать, картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за целый год» 15.

Итак, отобранный материал, освещенный под определенным углом зрения, должен был составить ту книгу, которая была бы одним целым.

Роман «Бесы» начал печататься в «Русском вестнике» в 1870 г., а в 1873 году Достоевский приступает к изданию «Дневника». Трудно поверить, что Лиза Дроздова излагает в романе свои мысли, а не идеи автора. В романе «Подросток» (1875 г.) Достоевский снова возвращается к обсуждению интересовавшей его проблемы. Героиня романа генеральша Ахмакова в разговоре с Аркадием Долгорукиком вспоминает о том, как они раньше читали русские газеты, чтобы изучать факты. По целым часам «говорили про одни только цифры, считали и примеривали, заботились о том сколько школ у нас, куда направляется просвещение... считали убийства и уголовные дела, сравнивали с хорошими известиями... хотелось узнать, куда это все стремится и что с нами самими будет» 16.

Близки к приведенным цитатам замечания Достоевского о композиции «Дневника». По замыслу автора, «Дневник» должен был быть похож на фельетон, но «с тою разницею, что фельетон за месяц естественно не может быть похож на фельетон за неделю» 17. «Дневник» не был «отчетом о событии и новостях», а говорил о том, «что из него (события Д. Г.) останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу себя связывать давaniem отчета. Я не летописец. Это напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, т. е. отчет о том, что наиболее меня заинтересовало» 18.

В объявлении об издании «Дневника» Достоевский пишет, что каждый выпуск будет состоять из одного или одного с половиной печатного листа, и, хотя по форме будет похож на еженедельную газету, все-же газетой не будет. Из всех 12 номеров «составится целое, книга, написанная одним пером. Это будет дневник в буквальном смысле слова» 19.

«Дневник» был книгой, написанной «одним пером», но состоял из различных по жанру и содержанию статей

и рассказов. Отличительной чертой «Дневника», как и романов Достоевского, было обилие идей и образов, на которое жаловался Достоевский Н. Страхову, замечая, что он страдал и страдает от неумения совладать с образами и идеями. Потому что «множество отдельных романов и повестей разом втискивались в один, так что ни меры ни гармонии»²⁰. В цитируемом письме Достоевский говорит о трудности передать читателям свои художественные замыслы, раскрыть свою душу. Он сообщает Страхову, что часто, увлекаясь «поэтическим порывом», берется за выражение идеи, которая не по его силам. Под «поэтическим порывом» Достоевский понимал тот момент, когда замысел будущего произведения являлся ему ясно и отчетливо, а под «выражением идеи» — воплощение замысла в словесной форме. Если учесть ту массу образов, идей и сюжетов, которые бесконечной вереницей проносились в голове Достоевского, то делается понятным как трудно было писателю делать выбор и воплощать в словах почти неуловимые переходы чувств и переживаний героев.

Отрицательно отразился на композиции и содержанию небольшой размер издания. Часто Достоевскому приходилось писать не на те темы, которые он «излюбил», а на второстепенные, так как первые требовали много места и в «Дневнике» было бы «неразнообразно мало статей, и вот пишешь не то, что хотел».

Упорно и настойчиво работал Достоевский над формой «Дневника». В 1876 году в письме к Алчевской он пишет, что еще «не успел уяснить себе форму «Дневника»²¹. — и сомневается в том, что ему когда-нибудь удастся найти эту форму. В 1877 году, сообщая С. Яновскому о проекте какого-то нового издания, в которое должен был войти и «Дневник», Достоевский замечает, что «Дневник» войдет в это издание, как самостоятельная часть: он «сам собою так сложился, что изменить его форму, хоть сколько нибудь невозможно»²².

В двух письмах на протяжении двух лет Достоевский дает два отзыва о композиции «Дневника». В первом он пишет, что форма «Дневника» еще не сложилась, а через год сообщает, что «Дневник» «сам собою так сложился, что изменить его форму невозможно».

В этих двух отзывах, по существу, нет противоречия. Общая композиция «Дневника», вернее идея о специфике композиции, была ясна Достоевскому, но воплощение ее в жизнь, создание новых жанров, разработка этих жанров продолжалась все время. Поставив перед собой цель «уяснение нашей национальной духовной самостоятельности», Достоевский последовательно рассматривал разные стороны русской и международной жизни: интеллигенция и ее задачи, народное образование, суд, развитие русской литературы, Европа и Россия, католицизм и православие, будущее России и мира, задачи России на Востоке и на Западе, восточный вопрос, панславизм, русская женщина, Россия и Германия, «Что такое для нас Азия?» и масса других проблем составляли содержание «Дневника».

В области литературы писателя так же интересовало все, что относилось к России и русским. С этой точки зрения он рассматривает роман Л. Толстого, критикует и высмеивает Тургенева, прославляет Пушкина, анализирует стихи Некрасова.

Изучение многообразных сторон русской жизни давало писателю возможность собрать огромное количество интересовавших его фактов, познакомиться с жизнью народа и, главным образом, изучить взгляды различных групп русской интеллигенции. «Дневник» способствовал расширению связей Достоевского. В письме к Л. Ожоговой от 17 декабря 1877 года он заметил, что несмотря на трудности, «Дневник» доставил ему много счастливых минут, потому что дал возможность узнать «как сочувствует общество его деятельности».

Издавая «Дневник», «я научился многому, чего прежде и не знал и никогда не мог думать, что в России такое множество лиц, сочувствующих вполне тому, во что я верую»²³. Достоевский пытался сделать свой «Дневник» настоящим дневником, но пришел к выводу, что «настоящий дневник почти невозможен». Дело здесь не только в невозможности, как пишет К. Мочульский «одним ударом уничтожить обособленность человеческих душ» (К. Мочульский «Достоевский» УМСА, 1946 г.), но скорее в цензурном гнете. Цензура не баловала Достоевского. В 1876 году ему предлагалось

печатать статьи под личную ответственность, в 1877 году была запрещена статья «Старина о «Петрашевцах». За день до смерти, по свидетельству А. Г. Достоевской, Федор Михайлович волновался и с нетерпением ждал известия из цензурного комитета: он боялся, что цензура запретит статью в очередном номере «Дневника».

Писатель получал массу писем от читателей, т. е. от людей «всех возможных существующих направлений». Ему хотелось, основываясь на этих письмах, выяснить «возможна ли общая платформа между представителями различных течений интеллигенции. Но обдумав статью, он увидел, что ее «со всею искренностью написать нельзя», потому что цензура не пропустит. Поэтому Достоевский писал, что он «Дневником» «мало доволен, хотелось бы в сто раз больше сказать».

Отмеченная нами связь писателя с читателями оказала определенное воздействие на композицию всего произведения. Статьи «Дневника» вызывали отклики и Достоевский писал: «Я считаю, многочисленных корреспондентов моих, моими сотрудниками. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которой все обращались ко мне»²⁴.

В «Дневнике» чувствуется дыхание эпохи. Цитаты из писем читателей, отрывки из разговоров, воспоминания о дискуссиях, газетные сообщения широким потоком вливались в произведение.

Своеобразие содержания «Дневника» требовало своеобразной формы, что и отразилось в упорной работе писателя над композицией «Дневника» и в создании особых жанров. Чтобы пояснить нашу мысль рассмотрим одну из статей «Дневника», помещенную во втором номере журнала «Гражданин» за 1873 год. Статья называется «Среда». По теме она весьма злободневна. Достоевский обсуждает работу суда после реформы. Крестьяне — заседатели выносили очень много оправдательных приговоров. Писатель пытался выяснить причину этого мягкосердечия. Анализируя факты, он приходит к выводу, что «мания оправдания во что бы то ни стало» охватила не только крестьян, но и представителей других классов.

Кажется, что «Среда» обыкновенная публицистиче-

ская статья. Ее начало довольно обычно. С третьей страницы Достоевский вводит двух оппонентов, которые начинают спорить. И этот прием ненов. Им часто пользовался Белинский, прибегал к нему Герцен и другие писатели. В спор незаметно втягивается читатель. Проблема расширяется. Чтобы понять «жалостливость» русского народа, нужно понять русский народ. Почему русские всех оправдывают, сваливая ответственность на среду? Может быть потому, что по существу своему они склонны к этому учению? Поставив вопрос на принципиальную высоту, Достоевский вдруг оставляет спор и выступает как оратор и проповедник. «Нет, тут с народом пока еще фортель, а не «философия среды». Тут есть еще одна ошибка, один обман»²⁵. «Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виноват... Я бы мог представить и примеры тому, но отложим их пока... Я был на каторге и видел преступников... с виду это был страшный и жестокий народ»²⁶. «Не хотел бы я, чтобы слова мои были приняты за жестокость... Самоочищение, страдание, — легче, говорю вам, чем та участь, которую вы делаете многим из них»²⁷.

Ораторская речь с обращениями, вопросами, отрицаниями постепенно переходит в проповедь, поучение и, порою, в саркастическое обличение. Достоевский с возмущением говорит о том, что за границей он встречал много русских эмигрантов и жалел о них как о погибших для России людях, но после чтения русских газет, иногда «ей Богу, господи, я невольно мирился с абсентизмом и абсентистами. Сердце поднималось до боли. Читаешь. — там оправдали жену, убившую мужа. Преступление явное, доказанное, она сознается сама: «Нет, не виновата». Там молодой человек крадет деньги... И хоть бы все эти случаи оправдывались состраданием, то-то и есть, что не понимал я причин оправдания, путался... В эти злые минуты мне представлялась иногда Россия какой-то трясинной, болотом на котором кто-то затеял построить дворец. Снаружи почва как бы и твердая, гладкая, а между тем это вроде поверхности какого-нибудь горохового киселя, ступите и так и скользнете вниз в самую бездну»²⁸.

Изложение ведется в виде публицистической про-

поведи. Нервный и горячий тон показывают субъективность автора. От частного к общему. На основе анализа определенный вывод, а в заключение художественный пример для подкрепления высказанного положения. Вот схема построения статьи.

Достоевский выступает против учения о «среде». Он доказывает, что оправдывать влюбленного за то, что он украл деньги, «чтобы угодить любовнице глупо». И вообще думать, что раз общество несовершенно, так и люди несовершенно и на основании этого прощать преступления нельзя. Как видно, учение о среде Достоевский рассматривает довольно односторонне, сводя дело к случаям вроде покражи денег для любовницы. Он пытается обосновать свои взгляды на преступление с точки зрения религиозной морали. Преступление — несчастье, преступник — несчастный. Он, может быть, и не хуже других, но он согрешил и должен понести наказание. Достоевский утверждает, что взгляд на преступника как на несчастного человека принадлежит к числу «сокрытых в русском народе идей... идея это чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось»²⁹.

Жалость — хорошее чувство, но не абстрактная жалость, или жалость к обидчику, а жалость к обиженному. В приговорах русских судов Достоевский не видит этой жалости, а только «мрак, в котором живет какой-то сумасшедший».

Бывший петрашевец, проводивший долгие годы на каторге, был чужд жалости к обидчикам. Теоретические рассуждения статьи обрываются. Писатель обращается к судебной хронике и рассказывает о том, как мужик долгие годы увечил жену, обращался с ней хуже чем с собакой и вот в отчаянии, решившись на самоубийство, почти обезумевшая она идет жаловаться в сельский суд. Там ее отпускают, равнодушно сказав, чтобы они жили в согласии: «Да разве это жалость? — спрашивает Достоевский. — Это какие-то тупые слова проснувшегося от запоя пьяницы, который едва различает, что вы стоите перед ним, глупо и беспредметно машет на вас рукой, чтобы вы не мешали, у которого еще чад и безумие в голове»³⁰. Дальше буквально в четырех строках сообщается история этой женщины, повесившейся от зверских

побоев мужа на глазах десятилетней дочери. Заметив, что эта история всем известна, так что писать об этом нет смысла, Достоевский добавляет: «Но мне долго еще мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь». Тут начинается замечательное художественное воспроизведение характеров действующих лиц, объяснение побудительных мотивов их действий, предугадывание, что могло бы выйти при других обстоятельствах, т. е. при другой среде, из героини. Противореча себе, Достоевский заявляет, что социальные условия определяют развитие человека: «Неужели вы не поверите, что эта женщина могла бы быть, в другой обстановке, какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста... могло быть в зародыше у ней нечто очень благородное в душе... любящее, даже возвышенное сердце, характер, исполненный оригинальной красоты. Уж одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показывает ее в таком тихом, кротком, терпеливом, любящем свете» 31.

С возмущением Достоевский говорит об избиениях и диких мучениях, которым подвергалась эта женщина и о переживаниях дочери, наблюдавшей как мучается подвешенная отцом за ноги мать. Картина, нарисованная Достоевским, получилась потрясающая. Мать вешается на глазах дочери, которая кричит: «Мама, на что ты давишься!». Девочка, после того как мать повесилась, несколько раз подходила к ней из своего угла.

Эпизод уголовной хроники в свете психологического реализма Достоевского получил необычайную выразительность. Забывая свою теорию о необходимости и спасительности страданий, Достоевский доказывает, что сострадание и жалость к мучителям — идиотизм. Он требует сурового наказания для мужа, приговоренного только к 8 месяцам тюрьмы. Писателя беспокоит судьба ребенка. Отец вернется из тюрьмы и возьмет дочь, «будет кого за ноги вешать» — иронически замечает Достоевский.

«Достоин снисхождения!» И ведь этот приговор дан зазнамо. Знали ведь, что ожидает ребенка. К кому, к чему снисхождение? Чувствуешь себя как в каком-то вихре: захватило вас и вертит, и вертит» 32., — пишет он в заключении.

Рассматривая эту статью, трудно определить ее жанр. С одной стороны, ее можно отнести к судебной хронике. Темой ее является уголовное дело, следовательно можно говорить о злободневности статьи. В ней обсуждается ряд социальных вопросов, следовательно статья публицистична. Это подтверждает и сама манера обсуждения. Но все же наше определение будет неполным. В статье обсуждаются и философские проблемы, следовательно она и философская, но в таком случае куда же отнести замечательные художественные и психологические зарисовки автора? Приходится признать статью и художественной. Итак, для определения жанра произведения необходимо или собрать несколько прилагательных, или ограничиться замечанием, что особенности статьи объясняются своеобразием композиции «Дневника». Публицистика Достоевского была сплавлена в одно целое с художественными, философскими и психологическими элементами.

Некоторые вопросы, волновавшие Достоевского, имели временный интерес и были вызваны к жизни эпохой 70-х годов, но не в этом сила «Дневника». В нем обсуждались проблемы, имевшие общечеловеческое значение. Достоевский был убежден, что цель России и русского народа — достижение всемирного братства, что будущее Европы в руках России, следовательно дела Европы и мира были делами России. В этом направлении Достоевский шел дальше Гоголя. Последний разговаривал с Россией, Достоевский адресовал свой «Дневник» «городу и миру». Он был уверен в том, что «всему миру готовится великое обновление через русскую мысль... и это совершится в какое-нибудь столетие»³³.

В «Дневнике» нашли свое отражение панславистские взгляды Достоевского, мечты о будущем человечества, проповедь необходимости страдания и в то же время призыв с оружием в руках бороться с теми, кто причиняет страдания.

Писатель анализирует положение различных общественных групп в России, наблюдает за вызванными освобождением крестьян изменениями, осуждает католичество. Он мечтает о завоевании Константинополя, критикует революционеров, их методы борьбы и с яростью

нападает на бужуазию. «Дневник» был тесно связан с общественной жизнью страны. Острота проблем 70-х годов обусловила его публицистичность. Темперамент Достоевского и его идейная одержимость отразились в эмоциональной взволнованности и гражданском пафосе произведения.

Публицистические статьи «Дневника»

Публицистика «Дневника» сложна и своеобразна. Сам автор чувствовал это, замечая: «По свойству натуры моей начну с конца, а не с начала, разом выставлю всю мою мысль. Никогда то я не умел писать постепенно, подходить подходами и выставлять идею лишь тогда, когда уж успею ее всю разжевать предварительно и доказать по возможности. Терпения нехватало, характер препятствовал»³⁴.

Что же из себя представляли публицистические статьи Достоевского? Для разрешения этого вопроса рассмотрим некоторые из них, предварительно сделав несколько замечаний об общей композиции номеров. Месячное издание «Дневника» состояло обычно из 46 страниц, но, как видно, Достоевский не особенно строго придерживался определенной нормы. Часто в номерах было по 38, 37 или 35 страниц. Каждый номер обычно подразделялся на две части (две главы). В свою очередь, каждая глава делилась на две, три, четыре, пять и даже шесть небольших статей, иногда связанных единством темы. Так, например, в февральском номере «Дневника» за 1876 г. в главе второй — было: 1 «По поводу дела Кронеберга», 2 «Нечто об адвокатах вообще и в особенности», 3 «Речь г. Спасовича. Ловкие приемы», 4 «Ягодки». 5 «Геркулесовы столпы», 6 «Семья и наши святыни». «Заключительное слово об одной юной школе». Иногда главы состояли из различных самостоятельных статей, так глава 3 «Дневника» за 1876 год, январь, была посвящена следующим темам: 1. «Российское общество покровительства животным», «Фельдъегерь», «Зелено вино». «Суд разврата и Воробьев». «С конца или с начала?». 2. «Спиритизм». «Нечто о чертях». «Чрезвычайная хит-

рость чертей, если только это черти». 3. «Одно слово по поводу моей биографии». 4. «Одна турецкая пословица».

Можно отметить, что в большинстве случаев, содержание статей в главах было связано одной идеей и часто одна статья служила художественной иллюстрацией для другой. Например, в февральском номере «Дневника», за 1876 год, рассуждая о «необходимом контакте с народом», Достоевский начинает третью часть первой главы следующим вступлением: «Но все эти *profession's de foi*, я думаю, очень скучно читать, а потому расскажу один анекдот, впрочем даже и не анекдот, так, одно лишь, далекое воспоминание, которое мне, почему-то, очень хочется рассказать именно здесь и теперь, в заключение нашего трактата о народе»³⁵, — и дальше он сообщает историю о мужике Марее.

Заголовки статей отличаются большим разнообразием и оригинальностью. Первая глава в январском номере «Дневника» за 1876 год начинается статьей с довольно длинным названием: «Вместо предисловия о Большой и Малой Медведицах, о молитве великого Гете и вообще о дурных привычках». Наряду с развернутыми названиями встречаются и лаконические, состоящие из одного-двух слов: «За умершего», «Мужик Марей», «Ягодки», «Из частного письма», «Опять о женщинах», «Идеалисты-циники». Часто заглавия статей состояли из вопросительных предложений: «Постыдно ли быть идеалистом?», «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?», «Что на водах помогает: воды или хороший тон?», «Что для нас Азия?» и т. д.

Часто Достоевский отбрасывал вводную часть, и начинал прямо с главного: «Да, в Европе собирается нечто как бы уже неминуемое». Упомянув лишь в нескольких словах о том, что речь идет об отношении Европы к борьбе славян за свою независимость, Достоевский переходит к критике западной цивилизации. Заметив, что рассматриваемый им «страшный факт есть последнее слово цивилизации», Достоевский, для усиления впечатления, прибегает к ораторской обличительной речи, построенной на нарастании градаций. Этой же цели служит преднамеренное восхваление критикуемого явления.

«Вся Европа, по крайней мере, первейшие представители ее, вот те самые люди и нации, которые кричали против невольничества, уничтожили у себя торговлю неграми, уничтожили у себя деспотизм... вдруг все... разом отвертываются от миллионов несчастных существ-христиан, гибнущих, опозоренных, и ждут, ждут с надеждой, с нетерпением — когда передавят их всех, как гадов, как клопов».³⁶

Начав с восхваления достижений европейской цивилизации, Достоевский кончает критикой. Статья походит на обличение. Эмоциональная насыщенность, лирическая взволнованность, приподнятый тон в контрастном сопоставлении с разговорными словами «гады», «клопы», «давить как клопов» усиливают ее действенность. Этой же цели служат иронические сравнения и риторические вопросы.

Дальнейшее обсуждение проблемы продолжается в форме ответов на вопросы. Из ответов видно, что Достоевский был уверен в том, что европейские нации ненавидят славян. «Да, Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, т. е. славяне: ненавистно славянское племя Европе, *les esclaves*, дескать рабы»³⁷. «Где же правда... и где человеколюбие?»³⁸. Не являются ли все высокие истины «упражнением для «высших» чувств..., а чуть настоящее дело — и все по боку, к черту идеалы»³⁹.

Композиционные приемы Достоевского весьма разнообразны. В статье «Полписьма одного лица» он по-новому использует эпистолярный жанр.

Журнал «Гражданин», в котором печатался в 1873 году «Дневник», подвергался резким нападкам со стороны других изданий. Это раздражало Достоевского. Не желая вступать в полемику по существу, возможно потому, что часто он сам не был согласен с издателем, Достоевский все же решил ответить на критику, поместив в 10 номере «Гражданина» рассматриваемую статью. В предисловии к ней сообщается, что она принадлежит перу того самого автора, который уже раз «отличился в «Гражданине» насчет могил», что автор — «человек болезненный» и что некоторые сведения из его биогра-

фии уже были сообщены прежде. Действительно в 6 номере «Гражданина» был помещен рассказ «Бобок», героя которого Достоевский делает автором статьи «Полписьма одного лица». Мастерскими штрихами набрасывается портрет. Мнимый автор, человек «огорченный» и ежедневно себя «огорчающий», с «неимоверной силой гражданской энергии» отзывается на все: «с горечью, с яростью, с ядом и со слезой умиления». «Девяносто процентов на яд и один процент на слезу умиления»⁴⁰. В уста такого типа Достоевский вкладывает свои мысли. При помощи этого композиционного приема, он достигает двух целей: делает публицистическую статью занимательной и получает возможность резко и саркастически критиковать противника.

Перед читателями выступает «огорченный» человек, который в высокопарных напыщенных выражениях почует «невоздержанных» литераторов.

Высокопарный, близкий к классическому слог перстрит простонародными словами и вульгаризмами... «нанятой борзописец», «смрадный успех», «обрызганный слюной и чернилами», «нагишем», «кудлашка», «с пеной ярости вцепились друг другу в волосы», «зловонный», «отупелые рожи», «врешь», «свинья», «напихивать» и т. д.

Статья начинается с союза «и». Возьмем первое предложение: «и неужели в слове «свинья» заключается столь магический и заманчивый смысл, что ты тотчас же и несомненно принимаешь его на свой счет?»⁴¹.

Не менее лаконично и выразительно окончание. Нарисовав картину, как два враждебные друг другу фельетониста дерутся и кричат сиплыми голосами «караул», автор замечает: «Но молчу и поспешаю мимо».

Приподнятость, торжественность и высокопарность слога напоминает стиль «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя. Можно полагать, что Достоевский здесь пародировал Гоголя.

В публицистических статьях Достоевский стремился создать атмосферу полной искренности и доверия, втянуть читателя в свои рассуждения. Он обращался к нему, как к другу, делал его как бы участником и, в конце концов, своим сторонником.

Все это достигалось рядом приемов. Что может быть, например, лиричнее названия статьи: «Мечты и грезы». («Гражданин», номер 21, 1873 г.). Инстинктивно читатель ожидает чего-то связанного с личностью писателя, с его переживаниями. Поэтому первые строки производят огорчающее впечатление своей сухой публицистичностью: «Мы заговорили... о возможности исцеления от язвы всенародного пьянства». Но следующие лирически окрашенные предложения примиряют читателя с началом: «Давно и невольно, — пишет Достоевский, — грусть и сомнение приходят на сердце». Он замечает, что ему хочется помечтать и ссылается на героя «Записок сумасшедшего» Гоголя, который мечтал об испанских делах и которого «все эти события так убили и потрясли».

Это странное смешение стилей, иронические ссылки на Попрещина делают статью интересной и занимательной. «Я признаюсь, — продолжает Достоевский, — что и меня иногда многое потрясает, и право я даже в унынии от моих мечтаний. Я на днях мечтал, например, о положении России, как великой европейской державы»⁴².

После подобного вступления, Достоевский от частной проблемы (пьянство) переходит к общим. Он пишет о слабости России, о ее границах, инородческих племенах, стратегической уязвимости, о необходимости развития образования, новой технике и рассматривает взгляд на Россию западников и славянофилов. Потом обсуждается вопрос о том как найти средства для образования. Оказывается, что половина государственного бюджета оплачивается водкой и тут Достоевский переходит к теме статьи. Он полагает, что пьянство — следствие общественного неустройства, заброшенности и невежества народа. Положение в стране рисуется в мрачных красках: «Матери пьют, дети пьют, церкви пустуют, отцы разбойничают». Достоевский выступает в роли обличителя, пропагандиста. Статья заканчивается обращением к интеллигенции и резкой критикой эмигрантов, которые уезжают в Америку, где часто ведут жалкое существование.

Статья «По поводу дела Кронеберга» посвящена

судебному процессу. Отец обвинялся в истязании 7-летней дочери. Достоевский, ограничившись замечанием, что дело всем известно, сообщает какое впечатление оно произвело на него. Оказывается, что прочитав о процессе в вечерней газете, Достоевский тотчас же, несмотря на позднее время, решил съездить к одному высокопоставленному лицу, имевшему какое-то отношение к суду. В 11 часов вечера Достоевский посетил его и узнал об оправдании отца. Для статьи характерны лирические обращения к читателям, трактовка события с точки зрения личного восприятия: «Я был в негодовании», «Я очень рад», «Я главное желаю», «Я не ошибся» и т. д.

Достоевский замечает, что у него остались от этого суда несколько недоумений, которые он и хочет сообщить читателям. Оговорившись, что может быть эти недоумения несерьезны в глазах людей компетентных, он замечает, «но ведь я пишу мой «Дневник» для себя. а мысли эти крепко у меня засели. Впрочем сознаюсь, это даже и не мысли, а так все какие-то чувства»⁴³.

Замечание о «недоумениях», и о том, что они может быть «несерьезные» может рассматриваться как литературный прием. У писателя было определенное мнение о данном процессе. Вводная часть статьи построена с расчетом создать своеобразную атмосферу непредрешенности, неуверенности, полной беспристрастности, чтобы тем сильнее впоследствии поразить противника. Основательность высказанного соображения подтверждает дальнейшее содержание.

В части второй: «Нечто об адвокатах» Достоевский пишет, что он только лишь взял перо, а уже боится и заранее краснеет за наивность своих вопросов и предположений. Более чем сомнительно, чтобы Достоевский переживал подобные чувства: все это как и дальнейшее оправдание существования адвокатуры, лишь особенности его композиционных приемов. Писатель заботливо перечисляет все положительные стороны адвокатуры, как учреждения. Дает примеры ее полезности, ссылается даже на случай из собственной жизни, но все это с определенной целью. Нагромоздив целую пирамиду по-

ложительных примеров, он вдруг одним толчком опрокидывает все свои логические построения, чтобы ярче и рельефнее показать отрицательные стороны и подвести читателя к следующему заключению: «Избежать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского состояния» ⁴⁴. Адвокат не может действовать по совести, не может не играть своею совестью, если б даже и хотел.

Для оживления статей, Достоевский насыщает их цитатами. С тою же целью в них часто включаются интересные воспоминания и ценные высказывания по тем или другим вопросам. Так в анализируемой статье имеется рассуждение на тему: «Что такое талант?», краткое воспоминание о Белинском и характеристика одного из деятелей французской революции 1848 года. Вводные эпизоды не только оживляют содержание, но и служат иллюстрациями для главной мысли.

Статья о деле Кронеберга занимает всю вторую главу и состоит из следующих подразделений: 1. «По поводу дела Кронеберга», 2. «Нечто об адвокатах». «Мои наивные и необразованные предположения. Нечто о талантах вообще и в особенности». 3. «Речь г. Спасовича. «Ловкие приемы», 4. «Ягодки», 5. «Геркулесовы столпы», 6. «Семья и наши святыни. Заключительное слово об одной юной школе». Как видно из названий частей, в них развивается одна тема, но каждая глава строится по принципу усиления. Начиная в спокойном насмешливо-ироническом тоне, Достоевский становится чем дальше, тем серьезнее. Насмешку и иронию сменяет сарказм. Общие рассуждения заменяются анализом фактов и психоанализом переживаний действующих лиц. Полемизируя с видным адвокатом того времени Спасовичем, Достоевский дает замечательные образцы анализа чувств ребенка. Он сам превращается в обвинителя адвоката. Останавливаясь на данных медицинской экспертизы, которые приводил Спасович, (на спине девочки через пять дней были обнаружены только темно-багровые пятна) Достоевский рассказывает как в Сибири наказывали арестантов, у которых так же через пять дней оставались только темно-багровые пятна. После

этого следует прямой вопрос защитнику о том, считает ли он пятнадцатиминутное наказание розгами истязанием и мучительством или нет?

Спасович говорил, что наказанная девочка на другой день играла. Достоевский, хотя и сомневается в этом, но принципиально допускает возможность игры. Он рассказывает о пятилетнем мальчике, который, умирая от скарлатины, просил принести все его игрушки, чтобы он мог, хотя бы посмотреть на них, и говорил о собачке, которую ему купят.

Полемическая острота публицистических статей Достоевского отличалась большой силой и напряженностью. Иногда он шел от частного к общему иногда от общего к частному. Как особенность публицистических статей можно отметить их саркастичность. Примером последней служит ответ Достоевского на вопрос Спасовича о том, кто определит сколько отец может дать ребенку ударов, не повреждая организма? «То-есть, не ломая ему ноги, что ли? А если не ломает ноги, то тут можно все? Seriously вы говорите это г. Спасович? Seriously вы не знаете, где предел этой власти... Если вы не знаете, то я вам скажу... Предел этой власти в том, что нельзя семилетнюю крошку драть девятью рябиновыми «шпицрутенами», и драть четверть часа, не слушая ее криков, «папа, папа!»⁴⁵.

Детские мучения не должны быть прощаемы. Адвокат, защищающий истязателя, достоин презрения. С глубоким и непосредственным чувством жалости и печали говорит Достоевский об истязуемом ребенке. Он спрашивает видел ли адвокат мучения маленьких детей? Видел ли когда ребенок забьется в угол, чтобы его не заметили и плачет там, ломая руки, и ударяя себя крошечным кулачком в грудь? Чем ближе к концу, тем напряженней становится стиль. Перед нами уже не диспут, а горячая отчаянная полемика. Адвокат обвиняет девочку в том, что она будто бы хотела украсть у отца деньги. Достоевский считает это обвинение глупым, заявляя, что если ребенок взял в сундуке кусок сахара, а там лежали банковые билеты, то нельзя на основании этого утверждать, что «от сахара недалеко до банковых билетов». «Зачем ребенку деньги, что она с ними в

Америку убежит или концессию на железную дорогу снимет? Подождите, подождите, обвинители!... это невозможно и невыносимо, это фальшь нестерпимая. И кто мог, кто решился выговорить про нее, что она «крала»⁴⁶.

Стиль делается все более эмоционально насыщенным. Восклицательные предложения следуют одно за другим. Все чаще встречаются прямые обращения к защитнику, требования справедливости и обвинения истязателя. Выступает новая сторона творчества Достоевского — гневный пафос обличения.

Публицистику «Дневника писателя» по содержанию, в основном, можно разделить на две группы: к первой относятся статьи, посвященные различным вопросам внутренней жизни России, ко второй — статьи о взаимоотношениях России с Западом и о будущем мира: «Мечты о Европе», «Мой парадокс», «Самое последнее слово цивилизации», «Piccola bestia», «Три идеи», «Злоба дня в Европе»; «Германский мировой вопрос», «Кто стучится в дверь» и другие. По композиции они мало чем отличаются от статей первой группы, хотя можно отметить, что в них меньше отступлений, воспоминаний и примеров. Больше логических построений, сильнее пафос обличения и критика третьего сословия. Так, например, в статье «Мечты о Европе», Достоевский пишет, что республика, провозглашенная во Франции после войны с Германией, обязана своим существованием мелким собственникам, которые провозгласили ее, чтобы она защищала их от «соперника и врага всей Европы — коммунизма». Статья построена в духе политического трактата. В ней Достоевский анализирует положение, создавшееся во Франции после революции. На основании анализа, он приходит к выводу о неизбежности борьбы между пролетариатом и буржуазией, которая «извратила естественный ход стремлений демократических и обратила их в жажду мести и ненависти». По его мнению, единой Франции не существует. Существуют партии с противоположными интересами. «Олигархи имеют в виду лишь пользу богатых, демократия лишь пользу бедных». Где же выход? Наука, на которую надеются социалисты, не знает во всей глубине «природу

человека», а без этого невозможно «установить новые законы общественного организма».

В статье есть пророческие элементы, но не мистического, а чисто реалистического характера. Основываясь на анализе сложившейся во Франции обстановки, Достоевский полагает, что массы демоса «победят несомненно и если богатые не уступят во время, то выйдут страшные дела»⁴⁷. Он не осуждает демос, полагая, что «нельзя винить нищих: олигархи сами держали их в этой тьме».

Композиция публицистических статей, посвященных европейским проблемам, отличается некоторой дидактичностью, сниженностью тона и афористичностью. Мрачные перспективы, ожидавшие, по мнению Достоевского, Европу отражаются в пессимистических замечаниях типа: «Уже и теперь социализм проел Европу, а к тому времени уже подточит все окончательно. Князь Бисмарк про это знает, но слишком по немецки надеется на кровь и железо. Но что тут сделаешь кровью и железом?»⁴⁸, или: «Есть исторические события, увлекающие все за собою и от которых не избавишься ни волею, ни хитростью, точно так же как не запретишь морскому приливу остановиться и возвратиться вспять»⁴⁹.

Своеобразие публицистических статей не исчерпывается рассмотренными случаями. В сентябрьском номере «Дневника» за 1876 год была напечатана статья «Piccola bestia». Достоевский начинает ее с воспоминания о том, как 7 лет тому назад, во Флоренции к нему в комнату заполз тарантул, называемый *piccola bestia*. Укус тарантула редко бывает смертелен, но, конечно, опасен. Тарантула не могли найти и Достоевский провел тревожную ночь. Свое воспоминание писатель связывает с восточным вопросом. По его мнению, европейские нации ненавидят Россию, не верят ее бескорыстию, думают, что Россия всегда бывает источником всех зол. В статье пародируется речь Биконсфильда, которая прерывается ироническими восклицаниями Достоевского: «Паук, паук *Piccola bestia*, действительно ужасно похож, действительно маленькая мохнатая *bestia*». Из содержания видно, что пауком Достоевский называет самого

Биконсфильда. Для усиления пафоса обличения служит сопоставление двух контрастных картин: роскошная жизнь Биконсфильда и трупы двух болгарских священников, которых башибузуки распяли на крестах. Впечатление усиливается психологическим анализом размышлений Биконсфильда, который оправдывает все зверства турок, полагая, что государство не частное лицо.

Композиционной особенностью всех публицистических статей является обобщающее заключение. Идет ли Достоевский в своем анализе от частного к общему, или от общего к частному, обычно в конце он подводит итоги.

В публицистических статьях Достоевского отразились его проповеднические и пропагандистские стремления. Писатель смотрел на себя как на руководителя общества. Несмотря на критическое отношение к проповеднической деятельности Гоголя, все же роль пророка привлекала Достоевского. Правда, он не решился так смело и с такой невероятной гордостью, как Гоголь, заявить во всеуслышание — «я и Россия». Он не рискнул подобно Гоголю спросить страну: «Русь, чего же ты хочешь от меня?.. Зачем что ни есть в тебе обратило на меня полные ожидания очи?», но судя по отдельным замечаниям, разбросанным в «Дневнике», мечтал о такой роли. Стремление доказать, что он провидец видно везде. То Достоевский выступает в роли толкователя предсказаний из книги Иоанна Лихтенберга за 1528 год, пытаясь объяснить туманные пророчества последнего, то пишет статью, где доказывает, что его предсказания сбываются, как, например: «Кто стучится в дверь, кто войдет?», то утверждает, что все что он написал раньше гадательного подтвердилось фактами «почти точнейшим образом» и что «прорицания», на которые он решился в настоящей статье, к выходу «Дневника» могут оказаться уже совершившимися и поэтому устарелыми, как бы списанными с совершившихся фактов. Ссылаясь на майско-июньский номер «Дневника», Достоевский замечает: «Почти все, что я написал в нем о ближайшем будущем Европы, теперь уже подтвердилось или начинает подтверждаться. Хотя многие называли эти предсказания «исступленным беснованием» и «фантастическими преувеличениями»⁵⁰.

Возникает вопрос был ли Достоевский пророком? Д. Мережковский ответил на этот вопрос положительно. Большинство русских достоеведов послереволюционного периода не считают нужным рассматривать данную проблему, считая ее абсурдной.

Едва ли можно доказать, что Достоевский был пророком, особенно с мистической точки зрения, хотя бы потому, что многие его пророчества сбылись наоборот. Пожаром революции был охвачен не Запад, а Россия. Вызывает сомнение его предсказание о той роли, которую в будущем должно играть православие, как всемирная религия. Но нельзя, основываясь на этом, всецело отрицать способность Достоевского, обладавшего замечательным знанием человеческой психики и хорошо знакомого с различными теориями устройства будущего общества, строить своеобразные гипотезы, которые можно рассматривать, как попытки заглянуть в будущее.

Со стороны композиции статьи Достоевского, посвященные предугадыванию будущего, отличаются приподнятостью тона, некоторой торжественностью и афористичностью: «На Востоке действительно загорелась и засияла необыкновенным и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы»⁵¹. Для усиления впечатления создаются специальные словесные конструкции: «На Востоке загорелась, загорелась действительно и засияла». Эти повторения «загорелась», «засияла», «небывалым», «неслыханным», «мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся». Слова «гореть», «сиять», «небывалая», «неслыханная» и три раза повторенное существительное «идея» как удары молотка вбивали в головы читателей мысли автора.

В ноябрьском номере «Дневника» за 1877 год в статье «Опять в последний раз прорицания» снова отмечалось, что мир стоит накануне «самых величайших и потрясающих событий и переворотов в самой Европе». Достоевский утверждает, что «Европу ждут огромные перевороты, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как бы чем то фантастическим»⁵².

В этой статье Достоевский приходит к выводу о том, что двум великим народам предназначено «изменить лик мира». Эти народы — Россия и Германия.

В статье «Кто стучится?» он уверяет, что восточный вопрос разрешится в борьбе католичества за свое тысячелетнее могущество с православием, что католичество падет и на его место встанет возрожденное восточное христианство, «И пусть это назовут самым гадательным и фантастическим из всех предреканий моих, согласен заранее. Я уверен, что бой кончится в пользу Востока»⁵³.

Как видно из анализа, публицистические статьи «Дневника» отличались большой оригинальностью и своеобразием, они содержат богатейший материал для понимания взглядов писателя, насыщены идеями его волновавшими, проникнуты пафосом обличения, художественными зарисовками, философскими рассуждениями и обращены не только к разуму, но и к чувству, не только к прошлому, но и к будущему.

Публицистические статьи характеризуют писателя как проповедника, трибуна, обличителя и пророка. Они проникнуты той одержимостью, которая характерна для его романов. В них Достоевский выступает как защитник страдающего человечества.

Глава шестая

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Содержание «Дневника» богато и разнообразно. Оно не исчерпывается только публицистическими статьями. Большое место занимают в нем повести, рассказы, критические статьи и особого рода произведения, которые можно назвать художественной публицистикой. Статьи этой группы посвящены злободневным вопросам, но в то же время проникнуты художественными и лирическими элементами. Они имеют огромное значение для понимания взглядов Достоевского и выяснения его творческого процесса. Остановимся на некоторых из них. В январском номере «Дневника» за 1876 год была помещена статья «Елка в клубе». Вместо введения Достоевский замечает, что он не будет писать о елке и танцах. Сразу же выдвигается психологическая тема. Достоевский ставит своей целью проследить, как самые сложные понятия прививаются к ребенку и как они в нем развиваются. Его интересует вопрос каким образом ребенок, не могущий связать двух слов, понимает «самые глубокие жизненные вещи». Сделав несколько интересных замечаний о разных типах детей, Достоевский высказывает соображение о том, что стремление педагогов облегчить детям всякое изучение не всегда полез-

но. Иногда ребенок должен приобретать опыт и знания собственными усилиями. Сплошное «облегчение» приводит к бесцветности и серости.

В разделе четвертом «Золотой век в кармане», который служит продолжением данной статьи, Достоевский обсуждает проблему о человеческой замкнутости, обособленности и одиночестве. Он говорит, как счастливы были бы люди, если бы они могли поверить в положительные стороны своей натуры, сумели бы вызвать в себе ту силу, «которая есть в каждом, но до того глубоко запрятана, что давно уже стала казаться невероятностью». Из содержания видно, что вера Достоевского в человека никогда не умирала. Пусть она подвергалась жестоким испытаниям, все же Достоевский никогда не мог примириться с мыслью, что зло есть нормальное явление жизни.

Очерк «Маленькие картинки», помещенный в 29 номере «Гражданина» за 1873 год показывает, что стремление разгадать человека, проникнуть в его внутренний мир, было всегда присуще Достоевскому. Это стремление часто не зависело от его воли и проявлялось в непрерывных наблюдениях. Достоевский наблюдал за собой, за родными, друзьями, знакомыми и совершенно посторонними людьми. Наблюдал не потому что хотел, а потому что не мог не наблюдать: «Я люблю, — писал он, — бродя по улицам, присматриваться к иным совсем незнакомым прохожим, изучать их лица и угадывать: кто они, как живут, чем занимаются и что особенно их в эту минуту интересует»¹. «Вот замечаю в толпе одинокого мастерового, но с ребенком, с мальчиком, — одинокие оба и вид у них у обоих такой одинокий. Мастеровому лет 30, испитое и нездоровое лицо... немецкий сюртук, истертый по швам, потертые пуговицы и сильно засалившийся воротник сюртука, панталоны «случайные», из третьих рук с толкучего рынка, но все вычищено по возможности. Коленкоровая манишка и галстук, шляпа цилиндр, очень смятая, бороду бреет... Выражение лица мрачно-угрюмое, задумчивое, жестокое, почти злое. Ребенка он держит за руку, и тот колыхается за ним, кое-как перекачиваясь. Это мальчик лет двух с небольшим, очень слабенький, очень бледненький»². Достоевский с исчерпывающей полнотой описывает наруж-

ность и одежду прохожих, но он не ограничивался одними внешними описаниями, а пытался проникнуть во внутренний мир человека, понять его взгляды, цели и стремления. У мастерового и мальчика ведущая черта — одиночество. Чтобы подчеркнуть это, Достоевский в одном предложении три раза употребляет одно и то же слово. «Вот замечаю в толпе одинокого прохожего, но с ребенком, с мальчиком — одинокие оба и вид у них обоих такой одинокий». Далее следует предположение, что у мастерового недавно умерла жена, что живут отец с сыном одни и теперь идут к знакомым в гости. Достоевский характеризует этих воображаемых знакомых, сообщает о чем будет мастеровой с ними разговаривать, как его будут угощать, т. е. воспроизводит быт целой общественной группы. Особое внимание уделяется лицам: «Мастеровому лет 30, испитое и нездоровое лицо». «Выражение лица мрачно-угрюмое, задумчивое, жестокое, почти злое». Достоевский стремился найти соответствующие слова для определения тончайших психологических оттенков. Хотя разница между словами «мрачный» и «угрюмый» не столь уж велика, а слова «жестокый» и «злой» довольно близки по значению, Достоевский употребляет их все.

Произвольные и произвольные наблюдения были начальным моментом творческого процесса. Иногда они утомляли писателя. «Ходишь, ходишь и все этикие пустые картины придумываешь для своего развлечения. Никакого в этом нет толку».

Конечно, «картины» не приносили непосредственной пользы, но они были необходимы. Это была подготовительная черновая работа.

Как же развивался творческий процесс дальше? Возможно ли установить как впечатления окружающей действительности перевоплощались в художественные образы? Статьи «Дневника» дают положительный ответ на эти вопросы. В очерке «Мальчик с ручкой», помещенном в «Дневнике» за 1876 год, сообщается история мальчика, которого Достоевский встретил на прогулке. В страшный мороз, одетый по летнему, ребенок собирал подаяние. В январском номере «Дневника» вслед за очерком «Мальчик с ручкой», Достоевский помещает

художественный рассказ «Мальчик у Христа на елке». В очерке «Мальчик с ручкой», описав жизнь нищего мальчика, Достоевский делает ряд обобщающих замечаний о том, что подобных детей много, живут они плохо, их родители пьянствуют и т. д., но вдруг он обрывает свое повествование фразой: «Но я романист и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось... в каком-то огромном городе и в ужасный мороз»³.

Так начинается рассказ «Мальчик у Христа на елке». В нем проявляется непосредственная связь творчества Достоевского с жизнью. В заключении он пишет: «И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя. А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно»⁴.

В этом небольшом рассказе, на протяжении четырех страниц Достоевский три раза употребляет слово «мерещится». Оно есть во введении, начале и послесловии. Интересен выбор слова. Достоевскому было очень хорошо известно слово «казаться», но он выбрал менее распространенное «мерещиться». В чем же разница? Слово «казаться» характеризует ошибочное представление, тогда как «мерещиться» имеет более глубокое значение и смысл. Сказать «мне мерещилось» — значит подчеркнуть, что я что-то видел довольно ясно, хотя и знаю, что это обман зрения. У Достоевского слово «мерещиться» обозначало заключительный период творческого процесса. Сначала впечатления действительности группировались вокруг каких-то идей. Затем наступал момент воплощения. Так основой для создания рассказа «Мальчик у Христа на елке» послужили многочисленные наблюдения над детьми бедноты Петербурга. Потом эти наблюдения складывались в картины и Достоевскому начинало «мерещиться». Как видно, его творческий процесс состоял из следующих стадий: 1. Преднамеренные и непреднамеренные наблюдения, 2. Объединение деталей вокруг идеи, владевшей писателем, 3. Появление «картины» и работа над произведением.

На первой стадии, по замечанию Достоевского, писатель даже не создатель, а создает «жизнь, могучая сущность жизни». Эта стадия являлась самой важной. После явления «картины» оставалась как бы механическая обработка: «Это получив алмаз обделать и оправить его. Тут поэт почти только что ювелир»⁵.

В тех случаях, когда «картина» не являлась Достоевский не мог творить и мучился. «Вы не знаете, что такое значит сочинять? — спрашивал он А. Майкова. — Слава Богу, вы этого не знаете! Вы на заказ и на аршин кажется не писывали и не испытывали адского мучения, когда в голове и душе мелькает много зачатий художественных мыслей. Но ведь только мелькает, а нужно полное воплощение, которое приходит нечаянно и вдруг (почеркнуто нами Д. Г.), но рассчитывать нельзя, когда именно оно произойдет, и затем уже, получив в сердце полный образ, можно приступить к художественному выполнению»⁶. Работая над образом, Достоевский считал недостаточным только верно изобразить все характерные свойства героя: «Надо осветить его собственным художническим взглядом. Настоящему художнику ни за что нельзя оставаться наравне с изображаемым им лицом, довольствуясь одною его реальною правдой: правды впечатления не выйдет»⁷. Следовательно, образ должен быть типичен. Язык действующих лиц художественных произведений тоже должен быть типичным. Часто писатель насыщает речь своих героев огромным количеством характерных для данной группы населения слов «эссенций». Такая работа «малярная». Нельзя «эссенции» употреблять механически. Нужно пользоваться ими «с оглядкой, сообразно с эпохой, с местом, с развитием лица и соблюдая пропорцию»⁸.

Художнику нужно иметь чувство меры и уметь видеть жизненные изменения. Большинство из писателей начинает замечать явления действительности, когда те проходят и образы вырождаются в другие сообразно с ходом эпохи и ее развития. Этим писателям кажется, что исчезающий тип нов, «так что они всегда старое подают нам на стол за новое» и только «гениальный писатель или уж очень сильный талант угадывает тип

современно и подает его своевременно»⁹. По мнению Достоевского, задачей искусства являются «не случайности быта, а общая их идея, зорко угаданная и верно снятая со всего многообразия однородных жизненных явлений»¹⁰.

Большое внимание в «Дневнике» уделялось вопросам семьи, воспитания детей, детской беспризорности и преступности. Достоевский был хорошо знаком с жизнью городской бедноты и вопрос о детях малообеспеченных групп населения волновал его особенно сильно. Детская беспризорность ведет к преступности, которую Достоевский рассматривал как следствие ненормальности общественных отношений. С целью наблюдения за детьми-преступниками, он посещает детскую колонию и пишет о своих впечатлениях в статье: «Колония малолетних преступников». В конце статьи Достоевский рассказывает об одном бедном чиновнике, которой жил во время крепостного права и так ненавидел последнее, что путем строжайшей экономии собирал деньги и выкупал крепостных людей на свободу. За всю свою жизнь чиновник смог выкупить всего три или четыре человека. Когда же он умер, то семья осталась без средств. Этот человек, по мнению Достоевского, был идеалистом 40-х годов «смешной неумелый, ибо думал, что одним мельчайшим частным случаем можно побороть беду».

Спрашивается, какое отношение имел этот эпизод к статье о колонии? Достоевский сам понимал отсутствие сюжетной связи, замечая, что помещает этот анекдот «кажется совсем не идущий к делу лишь потому, что это факт» и что хорошо, если бы воспитатели в колонии были подобны этому чиновнику. Достоевский пишет, что он любит подобные комические типы «маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу, не дожидаясь общего подъема и почина»¹¹.

В последней фразе сказалось влияние идей юности. Достоевский сомневается в том, что отдельные люди могут помочь «общему делу не дожидаясь общего почина». «Общее дело», «общий подъем» эти выражения

взяты из политического словаря петрашевцев, которые, обсуждая вопросы освобождения крестьян, уничтожения монархии и проведения ряда реформ учитывали опыт декабристов и понимали, что без «общего подъема» достичь чего-либо существенного невозможно. Не с этой ли точки зрения весьма пессимистически взглянул на детскую колонию Достоевский? Если общественные условия благоприятствуют развитию преступности среди детей, что может сделать одна, содержащая на средства благотворительности, колония? Чтобы дети не совершали преступлений, нужно создать нормальные условия. Об этих условиях Достоевский пишет в августовском номере «Дневника» за 1876 г.

Композиция статьи своеобразна. Автор передает читателям замечания какого-то своего знакомого. Оговоровшись, что этот знакомый «парадоксалист» и что с его взглядами он «не совсем согласен», Достоевский излагает эти взгляды. Нельзя отрицать, что такой «знакомый» мог быть, но едва ли возможно согласиться с тем, что статья «Земля и дети» есть плод рассуждений «парадоксалиста», а не самого Достоевского. Мысли и идеи статьи есть мысли и идеи автора «Дневника». Примечание «не совсем согласен» в высшей степени абстрактно. Видно, что это просто определенный прием, которым автор пользуется, чтобы снять с себя ответственность за высказываемые соображения. В тех случаях, когда Достоевский действительно был с чем-нибудь не согласен, он умел ясно и четко определить свою позицию.

Композиционно статья «Земля и дети» оформлена как рассуждение. Содержание ее сводится к следующему. Во Франции у миллионов рабочих нет земли. Поэтому дети рождаются в городах в подвалах. Дети должны родиться на земле. Каждый рабочий должен иметь клочок земли, где могут жить его жена и дети. При этих условиях дети будут расти в нормальных условиях. «Дети людей, должны родиться на земле, а не на мостовой», — повторяет несколько раз Достоевский. «Родиться и в с х о д и т ь нация должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут: а европейские пролетарии теперь все сплошь мостовая»¹².

Проблемам воспитания посвящены статьи июльско-августовского номера «Дневника». В первой: «Русский или французский язык» Достоевский критикует русских, говорящих на французском языке. Его возмущает, что живые люди в цвете сил и здоровья, решаются говорить языком «тощим, чахлым, болезненным». Язык, выученный от бонн, является «не натуральным, а фантастическим и сумасшедшим». Выученный язык как бы краденый, «на этом краденном языке ничего нельзя создать».

Стремление писателя сделать статью понятной для широких читательских кругов, отразилось на ее форме. Достоевский пишет, что ему хотелось бы, чтобы «каждая маменька» могла прочитать его рассуждения. Он создает образ маменьки, с которой и начинает спор: «Я спросил бы маменьку знает ли она, что такое язык?»¹³. Сарказм Достоевского и критика бестолкового воспитания детей высших классов находят выражение в иронических восклицаниях типа: «Маменьке скучно все это слушать, маменька в негодовании махает рукой и с насмешкой отвертывается».

В майском номере «Дневника» за 1877 г. Достоевский в главе: «Прежние земледельцы — будущие дипломаты» снова обращается к данной теме. Образ маменьки собирателен. В нем были изображены косные круги высшего дворянского и бюрократического мира России с их презрением ко всему русскому и преклонением перед иностранным.

Проблеме воспитания была посвящена статья в июльском выпуске «Дневника»: «Дело родителей Джунковских с родными детьми». Обвиняемые были оправданы, потому что избиения не подходили под статьи уголовного кодекса об истязаниях. Достоевский раздражается саркастической речью по поводу законов уголовного кодекса, в котором «определения жестоких истязаний до того жестоки, что решительно похожи на истязания болгар башибузуками, и если не кол и ремни из спины, то разломанные ребра, руки, ноги»¹⁴.

В статье дан анализ причин, обусловивших появление типа родителей подобных Джунковским. После отмены крепостного права многие дворяне сочли себя

обиженными и эту обиду вымещали на детях. Страх перед жизнью вызвал эгоистическое желание уйти от нее. Бездействие породило лень, а та всегда ведет к зверству. Достоевский доказывает, что зверство может быть и не от жестокости, а от лени. Статья заканчивается разделом: «Фантастическая речь председателя суда». В композиционном отношении эта «речь» показывает склонность Достоевского к ораторским жанрам, широко использованных петрашевцами: «Речь на обеде в честь Фурье» Ханыкова, «Речь о задачах общественных наук» Н. Кашкина, «Речь о Фурье» Ахшарумова и т. д. Дело, конечно, не только в сходстве жанра. «Речь» Достоевского насыщена гражданским пафосом собраний петрашевцев: «Я говорю от лица общества, государства и отечества» — заявляет Достоевский, обращаясь не только к родителям Джунковским, но ко всем гражданам страны.

К художественной публицистике мы относим первую главу майского номера «Дневника» за 1876 год, посвященную делу Каировой и несколько статей в октябрьском и декабрьском выпусках «Дневника» о деле Корниловой. В статьях особый интерес представляют исследования о взаимоотношениях сознательного и подсознательного человеческой психики и выяснение тех состояний, которые Достоевский назвал «сумасшествием без сумасшествия».

В первом судебном процессе обвинялась любовница, пытавшаяся убить жену любимого ею человека. Во втором — мачеха, выбросившая падчерицу из окна четырехэтажного дома.

Достоевского всегда интересовала проблема убийства. Он полагал, что убийство — тяжелое и сложное дело, если убивает не профессиональный бандит. В статье дается анализ состояния преступника перед приведением замысла в исполнение: «этой решительной нерешительности», когда человек как бы теряет контроль над собой и сам не ведает что творит и в то же время мыслит. В данном случае состояние «сумасшествия без сумасшествия» овладело подсудимой, когда она с бритвой в руках вошла в комнату соперницы.

В статье резко критикуются адвокаты и вопросы председателя суда, на которые должны были отвечать присяжные. По мнению Достоевского, на такой вопрос как «нанесла ли убийца жертве раны с целью лишить ту жизни и убила бы ее, если бы не была остановлена»? можно ответить только имея «сверхестественное божеское всеведение». Убийца могла, полоснув жертву бритвой, убежать прочь, или начать резать себя, или зверски изрезать жертву на куски. Все это могла сделать та же самая женщина при той же самой обстановке.

Большой остротой отличается критика адвоката. Достоевский прибегает к сатире, его сатирические приемы отличаются разнообразием. Часто и охотно он прибегает к пародии, ведя повествование в саркастически-ироническом тоне. Защитник Каировой Утин просил у суда оправдания своей клиентке на том основании, что рана, нанесенная ею сопернице была неопасна и та «не потерпела». В ответ на это Достоевский пишет, что жертва вынесла: «Несколько минут (слишком много минут) смертного страха. Знаете ли вы что такое смертный страх? — спрашивает он адвоката. Кто не был близко у смерти, тому трудно понять это...» Жертва проснулась ночью, разбуженная бритвой убийцы. Увидела над собой яростное лицо... и пережила дикие, невозможные минуты... да ведь это невыносимо, это горячечный кошмар, только на яву. Это почти все равно, что смертный приговор привязанному у столба к расстрелянию и когда на привязанного уже надвинут мешок» 15.

Картина, нарисованная Достоевским, ярка и выразительна. По всей вероятности, в ней отразились его личные переживания в ожидании расстрела. Статья заканчивается саркастическим примером. Мачеха выбросила падчерицу из окна четырехэтажного дома. Девочка случайно не разбилась»: «Неужели девочка ничего не перенесла? — спрашивает Достоевский? Он рисует картину будущего суда над мачехой, когда адвокат будет доказывать, что тут и бедность и безвыходность положения. «Она (преступница) простодушная, невинная, выходя думала, как неспытная девочка (при нашем воспитании особенно!!!), что замужем одни только радости.... гг. присяжные, она естественно должна была вознена-

видеть ребенка... не помня себя, она схватывает девочку и... гг. присяжные кто бы из вас не сделал того же самого? Кто бы из вас не вышвырнул из окна ребенка»¹⁶.

В майском номере «Дневника» Достоевский предсказывал как будет оправдана мачеха. Его предсказания не сбылись. Суд приговорил мачеху к двум годам восьми месяцам каторги, тогда Достоевский выступил на защиту осужденной. При детальном ознакомлении с делом он опять столкнулся с теми странными малоисследованными явлениями человеческой психики, которые связаны с деятельностью подсознательной стихии. Преступница была беременна, но доктор, исследовавший ее, пришел к заключению, что преступление было совершенно сознательно. С этого утверждения начинает свою статью Достоевский. Он доказывает, что сделать что-либо бессознательно можно только в бреду или в состоянии белой горячки. Все остальные поступки совершаются сознательно. Даже сумасшедшие действуют сознательно и могут дать отчет в своих действиях и доказать их целесообразность. Сознание сохраняется, но иногда людей охватывают влечения, которым не может противиться их воля. Подобные состояния часто испытывают беременные женщины. В это время они могут совершать самые фантастические поступки. Мачеха, выбросившая из окна падчерицу, заметила, что она только «пожелала злого», а потом действовала уже как бы по чужой воле.

Под влиянием статьи Достоевского, дело было пересмотрено и преступница, признавшаяся в том, что она сознательно и преднамеренно совершила преступление, была оправдана. Это вызвало появление ядовитой заметки в «Северном Вестнике», где отмечалось, что только обладая силой воображения Достоевского, можно вполне войти в положение женщины и понять влияние аффектов беременности. Автор заявлял, что Достоевский слишком впечатлителен и что его особенно привлекают «болезненные проявления воли, к которым он имеет определенную склонность». Хотя обвинение в «слабости к болезненным проявлениям воли» и задело Достоевского, все же, отвечая критику, он заметил, что ему действительно иногда удавалось в романах и повестях «обли-

чать иных людей, считающих себя здоровыми, и доказывать им, что они больны»¹⁷. «Больны своим здоровьем, непомерной уверенностью в своей нормальности», а Корнилова, во время совершения преступления, была во власти темных и могучих сил подсознательного.

Довольно широко используется в «Дневнике» эпистолярный жанр. Во многом это было predetermined перепиской Достоевского. Он получал очень большое количество писем от читателей и часто обсуждал их содержание на страницах своего журнала. Читателей «Дневника» Достоевский считал своими помощниками. В объявлении о перерыве в издании в декабре 1877 г. он пишет, что через год читатели вместе с ним «послужат доброму делу». «Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которой все обращались ко мне»¹⁸.

Кто же были многочисленные корреспонденты Достоевского, состоявшие одновременно и его подписчиками, т. е. что за аудитория была у писателя? По свидетельству А. Скабичевского, у Достоевского в 1876 г. было 1982 подписчика, кроме того каждый номер «Дневника» в розничной продаже расходился в 2000-2500 экземплярах. Некоторые номера требовали 2-го и 3-его издания. В 1877 году число подписчиков возросло до 3000 и столько же номеров расходилось в розничной продаже. Номер, выпущенный в 1880 году, был напечатан в 4000 экземплярах и разошелся в несколько дней, второе издание в 2000 экземплярах так же разошлось без остатка. Номер «Дневника» за 1881 г. печатался в 8000 экземплярах. Все номера были распроданы. Так же быстро было распродано и второе издание в 6000 экземплярах. Как видно, популярность «Дневника» непрерывно росла и, если б Достоевский не прервал в 1877 году издание, то число подписчиков увеличилось бы за это время в несколько раз.

Кто же были подписчики «Дневника»? Подписывалась на «Дневник» и читала его, в основном, русская интеллигенция. Заглядывали в «Дневник» и патриотически настроенные своеобразные русские националисты, народники, стремившиеся, служа России послужить всему человечеству, указать новый путь спасения всему миру.

Они думали это сделать путем революции, Достоевский с помощью религии, но преклонение перед народом было то же самое, одинаково враждебное отношение к Западу и буржуазии.

Переписка с корреспондентами заходила иногда так далеко и касалась таких тем, что находившийся под надзором полиции Достоевский не только не мог отвечать на вопросы из-за сложности проблем («тут нужно писать статьи, целые книги даже, а не письма»), но и по соображениям политического характера. «Об иных темах решительно нельзя переписываться», — многозначительно замечает он.

Создалась очень интересная ситуация. Читатели восторженно принимали критические высказывания Достоевского, касавшиеся несовершенств и неустроенности общественной жизни и его ярые обличения врагов русского народа. Религиозные же идеалы писателя и теория нравственного самоусовершенствования (которую, кстати сказать, он не мог никогда последовательно провести даже в своих статьях) мало интересовали народников и интеллигенцию. Они были благодарны Достоевскому за то, что он делал для них, а последний метался не в силах разрешить своих противоречий.

Переписка с читателями была важна для всего творчества Достоевского. Письма давали материал для «Дневника» и романов, письма помогали изучать жизнь страны, знакомили Достоевского с настроениями различных групп русского общества. Из писем он вывел много наблюдений «все об общих наших темах, наблюдений интересных и важных», на основании которых можно сделать «несколько особых отметок о нашем русском умственном теперешнем настроении», «установить, что занимает ведущие слои интеллигенции в данный момент, и на что направлены ее усилия». Достоевский собирался специально написать статью о получаемых письмах, но чувствовал, что это невозможно по цензурным условиям. Он заметил, что из нескольких сотен писем, полученных им в течение года, больше сотни было неподписанных, но из них только два ругательных, зато много несогласных в убеждениях. Если бы убеждения не касались политических вопросов, о которых было опасно говорить, то ав-

торы, конечно, подписали бы письма. К подобным корреспондентам Достоевский относился с большим уважением. У него было слишком много точек соприкосновения с народниками. Зато там, где его критиковали с личной точки зрения беспринципные люди, Достоевский яростно оборонялся. На помощь ему приходило творческое воображение и саркастическая ирония. Он создал образ автора анонимных писем, автора-клеветника и неудачника. По мнению Достоевского, подобные люди были выходцы из рядов разорившегося дворянства. Они смогли появиться только «в наше время, столь неустойчивое, столь переходное, столь исполненное перемен». Это сыновья промотавшихся отцов, которые после реформы оказались не у дел и проживали свои состояния ни о чем не заботясь, рассуждая, что «после нас хоть потоп». В наследство детям они оставили нищету и завет подлости. Показав условия, которые создавали клеветников, Достоевский приходит к выводу, что ненормальное воспитание и уродливые общественные отношения создают людей с непомерным самолюбием, лишенных твердых моральных принципов готовых на всякую подлость для достижения своих целей.

Критические статьи «Дневника»

Рассматривая критические статьи Достоевского, необходимо иметь в виду своеобразие его эстетических взглядов. Теоретически он выступал против всякого «направления» в искусстве, требовал свободы художественного творчества, заявляя, что он «неисправимый идеалист», но на практике, одержимый своими любимыми идеями, поступал наоборот, так, например, высоко оценивая роман Л. Толстого «Анна Каренина», Достоевский в то же время беспощадно критикует всю восьмую часть, потому, что для него было неприемлемо отношение Толстого к войне с Турцией.

Эстетические взгляды Достоевского будут рассмотрены в следующей главе, пока же отметим, что они не отличались оригинальностью, а скорее противоречивостью. Эти противоречия отразились в критических

статьях. Вопреки своей теории «независимости искусства», Достоевский тесно связывает творчество с жизнью и показывает зависимость искусства от жизни. С этой точки зрения, интересна статья «По поводу новой драмы», помещенная в 25 номере журнала «Гражданин» за 1873 г. Драма называлась: «Пить до дна не видать добра». Автор, Кишенский, показал в ней как пьянство разрушает крестьянскую семью, деревню и деревенское самоуправление. Достоевский в своей статье расширяет проблему. Дело не только в водке, говорит он, а в экономическом и нравственном потрясении, которое вызвала реформа. Разорение и разложение деревни обусловлено экономическими причинами. После реформы мрачные стороны прошлого не умерли, а как бы усилились. Все оказалось переходным и шатающимся. В этой атмосфере появились типы, изображенные в драме. На смену старым угнетателям пришли новые. Крестьяне стали рабами «золотого мешка». Все что осталось «твердого и краеугольного в народном русском строе» разлагается под влиянием капитала.

Близок по идейной направленности с анализируемой статьей очерк, посвященный Ж. Занд. («Смерть Жорж Занд», «Дневник», июнь, 1876 г.). Творчество писательницы Достоевский связывает с эпохой разочарований, наступившей после великой французской революции, когда «передовые умы слишком поняли, что обновился лишь деспотизм, что новые победители мира (буржуа) оказались еще может хуже прежних деспотов (дворян) и что «свобода, равенство и братство» оказались лишь громкими фразами»¹⁹.

В эту минуту уныния и разброда явились люди, которые заявили, что дело не остановилось, что ничего не достигнуто политической сменой победителей и звали продолжать борьбу за «радикальное и социальное обновление человечества». Достоевский пишет, что это движение продолжается до сих пор и не думает останавливаться: «Я вовсе не намерен говорить здесь ни за, ни против его», — замечает он. Несмотря на осторожную оговорку, можно думать, что симпатии Достоевского были на стороне движения.

Интересной по композиции и содержанию является

статья декабрьского номера «Дневника», 1877 г., посвященная смерти Некрасова. В ней Достоевский выступает скорее как художник, чем критик. Статья начинается с воспоминания Достоевского о последнем посещении Некрасова. Потом дается портрет умершего: «Страшно изможденное страданием и искаженное лицо его как-то особенно поражало». Выходя из комнаты, Достоевский слышал, как псалтирщик прочел над покойником: «Несть человек иже не согрешит». Эти слова являются как бы эпиграфом. Дальше идут воспоминания, но статью нельзя рассматривать только как воспоминание. Это лишь композиционный прием. От воспоминаний Достоевский переходит к установлению исторической точки зрения на творчество Некрасова. Он ставит поэта за Пушкиным и Лермонтовым. Правильному пониманию трагедии Некрасова помогло не только личное знакомство, но, главным образом, исторический подход и психологический метод анализа. Достоевский сумел вскрыть причины, обусловившие «двойственность» Некрасова, доказать его искренность и показать «бессмертную красоту» его стихов. Трагедия Некрасова, по мнению Достоевского, заключалась в том, что он, написав: «Уведи меня в стан, погибающих за великое дело любви», — сам не пошел туда.

Небольшие части, на которые делится статья, посвящены выяснению разных сторон жизни и деятельности поэта. Несмотря на самостоятельность все они идейно связаны.

Первый подзаголовок: «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле». 2. «Пушкин, Лермонтов и Некрасов», 3. «Поэт и гражданин». «Общие толки о Некрасове, как о человеке». 4. «Свидетель в пользу Некрасова».

Четвертая часть начинается с цитаты из Шекспира: «Что ему Гекуба?». «Вопрос предстоит прямой: был ли наш Некрасов такой же самый актер?» — спрашивает Достоевский.

По его мнению, Некрасов является «примером того, до каких противоречий и до каких раздвоений в области нравственной и в области убеждений может доходить русский человек в наше печальное переходное

время»²⁰. Основываясь на психологическом анализе, Достоевский приходит к выводу, что у Некрасова «было раненое сердце... и не закрывавшаяся рана эта была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает, от насилия, от жестокости, необузданной «воли»²¹.

Большое внимание уделяется в «Дневнике» А. С. Пушкину. Ему была посвящена «Речь» на открытии памятника, о нем пишет Достоевский в статье «Пушкин, Лермонтов и Некрасов», кроме того множество различных замечаний и характеристик творчества великого поэта имеется в других статьях. Высказывания Достоевского дают представление об огромном влиянии на него творчества Пушкина.

В статье «Ложь ложью спасается» Достоевский, анализируя образ Дон Кихота, пытается ответить на вопрос почему «самый фантастический из людей, до помешательства уверовавший в самую фантастическую мечту, какую лишь можно вообразить, вдруг впадает в сомнение и недоумение, почти поколебавшее всю его веру?». Оказывается, сомнение у Дон Кихота вызвала способность рыцаря за один час уничтожить сотысячную армию. «Фантастический человек вдруг затосковал о реализме». Как спасти мечту? Ее можно спасти только новой ложью.

Вывод, к которому приходит Достоевский, мало утешителен. Человек — раб своей мечты и никогда добровольно с ней не расстанется, если же поймет, что его «идеал не идеален», то он выдумает новую мечту, новую ложь, чтобы разрешить сомнение.

Часто критические статьи осложняются публицистическими элементами, как, например, статья: «Идеалы растительной стоячей жизни», напечатанная в апрельском номере «Дневника» за 1876 год. В ней Достоевский сводит счеты с литератором и публицистом правого направления В. Г. Авсеенко, который поместил в журнале «Русский Мир» резкий отзыв о романе «Подросток». Отзыв назывался: «Очерки текущей литературы» и был снабжен ядовитым подзаголовком: «Чем отличается роман Достоевского, написанный для журнала «Отечественные Записки», от других его романов, написанных

для «Русского Вестника». Подзаголовок показывал, что критика уловила изменение во взглядах Достоевского эпохи второй половины 70-х годов.

Действительно, роман «Подросток», напечатанный в 1875 году в «Отечественных Записках» Некрасова, резко отличался по идейной направленности от «Преступления и наказания» и «Бесов», напечатанных в консервативном «Русском Вестнике» Каткова.

Авсеенко рассматривал роман «Подросток» с «эстетической» точки зрения. Он нашёл в романе «крайний натурализм и отсутствие художественности». По его мнению, Достоевский изображал «грязь и нечистые явления без соблюдения границ приличия и вкуса». «Если считать ядовитыми для общества сладострастные изображения французских романистов, то еще более ядовитую нужно считать литературу, которая держит читателя в смрадной атмосфере подполья» 22.

Чтобы понять всю силу удара нужно помнить отношение Достоевского к натурализму. В письме к А. Г. Достоевской от 15 июня 1876 года из Эмса он пишет о том, что взял из библиотеки Золя, потому что последние годы пренебрегал европейской литературой и «едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Золя, как про знаменитость, светило реализма» 23. При таком положении, критика Авсеенко была для Достоевского в высшей степени оскорбительна и он решил дать ответ. Личные мотивы играли здесь второстепенную роль. Достоевскому вообще были чужды, враждебны и неприемлемы взгляды Авсеенко. Достоевский замечает, что отвечать Авсеенко нет смысла, потому что тот сам не понимает, что он пишет, а если б и понимал, то вышло бы еще хуже: «он несколько лет пишет статьи, но надежды на то, что напишет что-либо дельное нет». «Я очень долго не понимал г. Авсеенко, — т. е., не статей его, я статей его всегда не понимали, да и нечего в них понимать или не понимать» 24.

Несмотря на отрицательные отзывы Достоевского, статьи Авсеенко представляют известный интерес, хотя и отличаются противоречивостью. В 1873 году в очерке «Практический нигилизм» Авсеенко правильно отметил

способность русской литературы брать свое содержание в наблюдениях над общественной жизнью. По его мнению, «русский роман еще со времен Пушкина постоянно стремился войти в самую тесную связь с ежедневной действительностью. Русские художники в отличие от западных прибегают не к фантазии, а к наблюдательности и анализу. Материал свой они берут из заурядной будничной жизни. Цель русских писателей заинтересовать внимание читателя неподкрашенным воспроизведением ежедневной действительности, тонкостью психологического анализа, обращенного на характеры по большей части заурядные»²⁵.

Все сказанное не противоречило принципам гоголевской школы, но в 1874 г. Авсеенко выступил с обвинениями против Гоголя, который будто бы заставил писателей небрежно относиться к содержанию произведений, что обусловило бедность содержания всей литературы 40-х годов. Достоевский в ответе Авсеенко заметил, что заявление последнего неверно и странно. Литература, которая дала полное собрание сочинений Гоголя, произведения Гончарова и Тургенева не может назваться «бедной содержанием». Достоевский встал на защиту натуральной школы. Особенно раздражали его нападки Авсеенко на Н. Островского. Авсеенко писал, что Островский сузил задачу комедии, копировал «пьяный или безграмотный жаргон», воспроизводил «дикие ухватки, грубых и оскорбительных для человеческого чувства типов». Сценой завладел «грубый, нечистоплотный и отталкивающий жанр».

Авсеенко обвинял Гоголя в стремлении к художественности за счет содержания. Достоевский на конкретных примерах разъяснял, что форма и содержание неразрывно связаны друг с другом. Авсеенко выступал с точки зрения эстетической критики, Достоевский, как сторонник гоголевской школы. Разница во взглядах между Достоевским и Авсеенко не ограничивалась литературными вопросами, она была глубже. Авсеенко пренебрежительно относился к русскому народу. У него было, по мнению Достоевского, «остервенелое отвращение от народа». В статье Достоевского содержится резкая критика крепостнически настроенных групп дво-

рянства и Запада, где «всякого пролетария, всякого ничего не имеющего работника — до сих пор считают за собаку и каналью».

Статья «Ряженный», напечатанная в номере 18 «Гражданина» за 1873 год, является образцом литературной полемики. Лесков, под псевдонимом «Псаломщик» и «свящ. Касторский» написал две ругательные заметки о Достоевском. Обе отличались грубостью тона. В одной обличалось «невежество» Достоевского в суждениях об одежде певчих, в другой: «Холостные понятия о женатом монахе», его «незнание» церковных правил. На обе заметки Достоевский отвечал весьма резко. Он подозревал, кто был их автор и не стеснялся в выражениях. В статье много простонародных слов и вульгаризмов: «натрубил», «звону-то, звону-то», «выскочил, намахал руками, и ничего не вышло», «вы рассчитали без хозяина», «вы подтасовали дело... я ловлю вас на плутне», «я имею средства вас успокоить», «вы возвращаете глазами», «Бог знает с чего вскочат люди» и т. д.

Художественные произведения «Дневника»

Художественные произведения «Дневника» делятся на две группы: к первой относятся повести, рассказы, очерки, ко второй — воспоминания. В хронологическом порядке художественные произведения располагаются следующим образом: 1873 год: «Бобок», «Маленькие картинки», 1876 г.: «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя», «Кроткая», 1877 г.: «Сон смешного человека». В наш список не включаются два произведения: «Маленькие картинки» (не смешивать с «Маленькими картинками», напечатанными в номере 29 «Гражданина» за 1873 год) и «Последняя страничка». («Из дачных прогулок Кузьмы Пруtkова и его друга»). Первое было помещено в сборнике «Складчина», изданном в 1874 г., а второе в номерах 23-25 журнала «Гражданин» за 1878 г. В это время «Дневник» не издавался. Поэтому, несмотря на то, что впоследствии оба очерка были включены в тома 9 и 11 «Дневника» их нельзя рассматривать как произведения «Дневника».

К воспоминаниям относятся: 1873 г.: «Старые люди», «Нечто личное», 1877 г.: «Старые воспоминания», «История глагола стусhevаться».

Говоря о художественных произведениях «Дневника», необходимо иметь в виду замечание Достоевского о том, что повести и рассказы «Дневника» «преимущественно о событиях действительных»²⁶. В основу повести «Кроткая» было положено самоубийство швеи, которая не могла найти себе работы «для пропитания» и выбросилась из окошка четвертого этажа, прижимая к груди икону, и самоубийство дочери Герцена. («Два самоубийства»). Последнее вызвало много толков своей беспричинностью. Молодая девушка без всякого видимого повода намочила в хлороформе вату обвязала себе ею лицо и умерла, оставив ничего не объясняющую странную записку. Достоевский заметил, что в этом самоубийстве «все и снаружи и внутри — загадка». Загадку он постарался разгадать, чтобы на чем-нибудь «остановиться и успокоиться». Цель разгадать человека Достоевский поставил перед собой еще в юности. Этой задаче, по его мнению, и должно было служить искусство. Хотя самоубийство дочери Герцена было вторым событием, давшим толчок творческому воображению Достоевского, особенно сильно поразило его самоубийство швеи. В нем он увидел «что-то кроткое и смиренное». Тут не было озлобления, ропота или осуждения. Просто стало «нельзя жить», «Бог не захотел» и умерла помолвившись. По поводу этого самоубийства, Достоевский замечает, что об иных случаях, как с виду они не просты, долго нельзя забыть и перестать думать они «мерещатся». «Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль». В каком значении употреблял Достоевский слово «мерещиться» уже говорилось.

Повесть «Кроткая» занимает всю главу ноябрьского номера «Дневника» за 1876 год. Подзаголовком к ней являются слова «фантастический рассказ». При сравнении «фантастических» рассказов Достоевского с фантастическими рассказами Гоголя, Марлинского или Погорельского, становится ясным, что его фантастика не имеет ничего общего с романтической фантастикой последних. Слово «фантастический» Достоевский употреби-

ляет совершенно в другом значении. Его фантастика, с общепринятой точки зрения, едва ли фантастична. Для него фантастическое, значит жизненное, слишком действительное, слишком реальное, воплощенное в особую форму. «Истинные происшествия, описанные со всей исключительностью их случайности, — почти всегда носят на себе характер фантастический». Рассказ «Кроткая» состоит как бы из записи разговора самого с собой мужа, у которого несколько часов назад покончила самоубийством жена.

В предисловии Достоевский пишет: «Я озаглавил рассказ фантастическим, тогда как считаю его сам в высшей степени реальным. Фантастическое тут есть в самой форме рассказа» 27.

Какую же цель преследовал Достоевский, обращаясь к «фантастичности», т. е. к жизненной исключительности, как бы к натурализму, против которого он так решительно выступал, утверждая, что задачи искусства не исключительность, а «общая идея их», угаданная художником. По сути здесь нет отступлений от приведенной точки зрения. Фантастической является форма рассказов. Содержание их, несмотря на исключительность событий, не может быть сведено к натуралистическим описаниям, так как в них преобладает творческий элемент. Рассказ «Кроткая» основан на реальном происшествии, но в нем нет ни слова о швее и ее трагедии. Все сходство между швеей и героиней рассказа заключается в том, что они обе выбросились из окна. Следовательно, говорить о натуралистичности содержания нельзя. Отличительной чертой реализма Достоевского было умение, основываясь на жизненных происшествиях («Кроткая»), или на общих наблюдениях («Сон смешного человека»), создавать замечательные, по силе психологического анализа, произведения, в которых он вплотную подходил к грани, отделяющей искусство от жизни. В этом и заключалась «фантастичность» анализируемых рассказов.

Вопрос о форме занимал Достоевского всю жизнь. Форма была его больным местом. Огромное количество идей осложняли его творческую работу. Современные критики не раз указывали на перегруженность романов

Достоевского. Почти в каждом из них были как бы соединены несколько сюжетов. За «неумелую» композицию романов упрекал Достоевского Страхов. Скабичевский писал, что в произведениях Достоевского «нет изящной стройности, классической закономерности, отделанности и отчеканенности». Наоборот, его романы «поражают своей неуклюжестью, растянутостью, отсутствием строгой отделки. В них нет очаровательных описаний природы... Они бедны пластичностью, в них нет развернутого портрета. Герои многословны и говорят языком автора, сюжеты сложны и запутанны»²⁸. Правда, Скабичевский находил в романах Достоевского много других положительных черт, но последнего все это мало устраивало. В письме к А. Майкову от 11 октября 1867 года Достоевский сетовал на свою «широкость», сообщая, что при работе над романом «Идиот» в течение двух недель думал о плане и каждый день придумывал по шести планов. В 1867 г. он писал жене из Хомбурга («Письма», т. 2, стр. 10), что не имеет дара «формы» и «жеста», в чем с горечью упрекал его покойный брат Михаил. Достоевский утверждал, что в данном случае он разделял черту характерную для всех русских, которые в отличие от западных народов настолько богато одарены, что часто не могут себя выразить. Страдая от необычайного богатства творческой фантазии, Достоевский пытался найти новые формы и с этой целью производил в «Дневнике» различные опыты. В этих попытках он был не одинок. В предисловии к «Кроткой» имеется ссылка на «Последний день осужденного» В. Гюго. Это произведение было близко к той форме, над которой работал Достоевский, но у Гюго он считал тяжкой то, что осужденный пишет свои записки и может писать их до самой последней минуты.

Достоевский считал, что «фантастическая», т. е. связанная со всеми исключительностями и случайностями жизни, форма произведет более сильное впечатление на читателей. Главное действующее лицо повести «Кроткая» начинает свою исповедь со слов: «Господа, я далеко не литератор... да и пусть, а расскажу как сам понимаю»²⁹. «Я не литератор, литератором быть не хочу, и тащить внутренность души моей... на литера-

турный рынок почел бы неприличным»³⁰, — заявляет герой романа «Подросток» Аркадий Долгорукий.

Проблема, поставленная Гоголем в повести «Портрет» о границе между искусством и жизнью, занимала Достоевского. Склонный по натуре доходить во всем до предела и переходить за черту в рассказе «Кроткая» он подошел вплотную к этому пределу.

Идейным содержанием рассказа является проблема вечного одиночества человека: «Косность! О, природа! Люди на земле одни — вот беда! Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля»³¹.

Несмотря на пессимистическое заключение, нельзя сказать, чтобы Достоевский остановился на этом. Одиночество не всеильно. Оно может и должно быть побеждено любовью.

В апрельском номере «Дневника» за 1877 год был напечатан второй фантастический рассказ: «Сон смешного человека». Идея рассказа — вера в возможность устройства счастливой жизни для всех на земле. В рассказе отразилась тоска Достоевского по мировой гармонии, которая, как он думал, могла быть достигнута при помощи жертвенного служения людей друг другу. Достоевский пытался найти путь для воплощения в жизнь своей мечты о «золотом веке». Он призывал людей к борьбе за лучшее будущее. В образе героя рассказа писатель критиковал отрыв от жизни русских интеллигентов, их бездеятельность, склонность к бесконечному самоанализу, боязнь живого дела и нежелание трудиться для других. Едва ли можно согласиться с утверждением А. Долинина о том, что «Сон смешного человека» «напоминает по фантастическому плану Тургеневские «Призраки»³², скорее, как отмечалось нами, он напоминает «Путешествие по вселенной» Д. Ахшарумова. За это предположение говорит и идейная направленность рассказа, так как в нем обсуждается проблема, волновавшая Достоевского еще в юности.

Обращаясь к другим произведениям «Дневника», можно отметить, что очерк «Столетняя» был художественным домыслом и развитием одного жизненного факта.

Большим своеобразием отличался рассказ «Бобок», напечатанный в номере 6 «Гражданина» за 1873 год, т. е. в то время, когда Достоевский редактировал этот журнал и был в близких отношениях с князем Мещерским и его кругом.

Подзаголовок: «Записки одного лица» напоминает «Записки сумасшедшего» Гоголя. Герой Достоевского, так же как и герой Гоголя, страдает психическим расстройством. Заметив в предисловии, что рассказ принадлежит другому лицу, Достоевский создает образ литератора-неудачника. Склонность героя к пьянству показана вопросом к нему какого-то собеседника: «Будешь ли ты когда-нибудь трезв?» Психическое расстройство выявляется надписью к портрету: «Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо» и речью, состоящей из коротких «рубленных» предложений. Рассказчик, по собственному признанию, «видит и слышит какие-то странные вещи».

Все действующие лица этого произведения говорят индивидуализированным языком. Так лавочник употребляет характерные для этого сословия слова и фразы: «во гресях», «барынька ты моя», «деется», «пищи не принимал», «одно лишь мое естество», «лежу здесь по собственному капиталу, судя по цене-с». Брезгливым и высокомерным тоном разговаривает с лавочником дама высшего света. Сюсюкающим голосом капризно и повелительно задает свои вопросы тайный советник Тарасевич. С апломбом говорит генерал-майор Первоедов. Лстыиво употребляя «с» обращается к нему надворный советник Лебезятников.

Последний имеет свою генеалогию. В романе «Преступление и наказание» был выведен глуповатый молодой человек, проповедовавший эмансипацию женщин в самом пошлом смысле этого слова. Думается, что создавая образ надворного советника в рассказе «Бобок», Достоевский намеренно дал своему герою фамилию Лебезятникова из «Преступления и наказания». Этим он хотел подчеркнуть, что подобного рода «нигилисты» зачастую весьма успешно делали служебную карьеру, т. е. отличались на деле полной беспринципностью.

Содержание произведения несложно, но оно дает

богатый материал для понимания взглядов Достоевского этой эпохи. Писатель был всецело на стороне своего резонера и последнего можно рассматривать, как выразителя мыслей автора. Рассказ был напечатан в журнале «Гражданин», который подвергался ожесточенным и резким нападкам. С критики журналистов и начинается полупомешанный литератор. Неоднократно осуждал грубость критиков и сам Достоевский: «Полписьма одного лица», «Две заметки редактора». Кроме того, Достоевский всегда решительно выступал против натурализма и безыдейности. Герой рассказа «Бобок» сообщает, что живописец написал его портрет из-за двух «симметрических бородавок на лбу. Идеи то нет, так они теперь на феноменах выезжают. Ну, и как же у него на портрете удались мои бородавки, — живые! Это они реализмом зовут»³³.

Отразилась на содержании произведения склонность Достоевского к изображению общественных конфликтов. Он показывает, что общество без высших принципов, основанное на купле и продаже — обречено на гибель. Оно гниет и это гниение ничем не может быть остановлено. Все действующие лица рассказа, за исключением одного, принадлежат к высшему кругу: генерал-майор Первоедов (на фамилии сказалась классическая тенденция: первый ест), тайный советник Тарасевич, граф Клиневич и развратная барыня высшего света.

Чем же отличились эти люди? Тарасевич растратил 400 тысяч казенных денег и всю жизнь развратничал, генерала Первоедова лакей вытащил из под одной супружеской кровати, светская барыня занималась развращением подростков, граф Клиневич сам выразительно заявил о себе: «Я только негодяй». Все они очнулись после смерти в могилах. У них осталось еще три месяца времени какой-то особой жизни и Клиневич предлагает провести это время «как можно приятнее... устроиться на новых основаниях и ничего не стыдиться». «Не лгать для смеху» и рассказывать свои истории. Вверху «все было связано гнилыми веревками. Долой веревки... заголимся и обнажимся... проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде». Все, за исключением генерала, восторженно принимают это предложение.

Представители высшего общества вызывают резкое осуждение литератора-неудачника: «Разврат в таком месте, разврат последних упований, разврат дряблых и гниющих трупов и даже, не щадя последних мгновений сознания! Нет, этого я не могу допустить» ³⁴.

Можно думать, что в этих словах отразилось мнение самого Достоевского.

В конце литератор обещался опять посетить кладбище и послушать мертвецов из других более дешевых разрядов могил, чтобы найти что либо «утешительное», но продолжения не последовало. По всей вероятности, Достоевский должен был оставить эту тему из-за чрезвычайной остроты.

Можно думать, что генезис рассказа связан с идейной атмосферой кружка петрашевцев. В «Заметках о цивилизации» в 1848 г. петрашевец Момбели писал о тяжелой жизни низших классов в то время, когда «небольшая каста привилегированных счастливцев, нахально смеясь над бедствиями ближних, истощается в изобретении низкого разврата, прикрашенного утонченной роскошью» ³⁵.

Рассказ «Бобок» представляет особый интерес для разрешения вопроса о языке Достоевского. При чтении его романов трудно определить, чьим языком говорят герои. Современный Достоевскому критик Скабичевский утверждал, что действующие лица произведений писателя говорят языком автора и что Достоевский не обладал способностью создать для них яркий и выразительный язык. Имеются и другие мнения, но проблему нельзя считать решенной и только анализ произведений «Дневника» дает возможность сделать обоснованные выводы.

Речь действующих лиц романов Достоевского обычно отличается однообразием. Это однообразие отчасти можно объяснить композиционными особенностями романов, в которых повествование ведется от лица рассказчика. Но тоже самое однообразие языка имеется и в романах без рассказчика. Спрашивается, говорят ли действующие лица романов Достоевского языком автора, или писатель создал для них особый язык? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо

охарактеризовать язык самого Достоевского, т. е. проанализировать те произведения, в которых писатель выступает от своего имени. С этой точки зрения особый интерес для нас имеет «Дневник писателя». В статьях, написанных в разное время, по разным поводам, часто в пылу гнева и раздражения, Достоевский использовал слова, типичные для его речи. Словарный состав произведений «Дневника» сильно отличается от словарного состава романов. Вместо сложных предложений с деэпричастными оборотами и даже анахронизмами, как например, в романе «Подросток»: «Не утерпев, я сел записывать эту историю моих первых шагов на жизненном поприще» или «Бесах»: «Приступая к описанию недавних и столь странных событий, происшедших в нашем доселе ничем не отличавшемся городе, я принужден, по неумению моему, начать несколько издавлек, а именно некоторыми биографическими подробностями».

В статьях «Дневника» мы находим слова и предложения другого типа. В «Дневнике», обсуждая интересовавшие его вопросы, Достоевский выступает от своего имени.

Следовательно, язык статей «Дневника» есть язык самого Достоевского. Этот язык отличается: выразительностью, конкретностью и гибкостью. Предложения, в большинстве случаев, кратки и сжаты. Иногда Достоевский говорит афоризмами. В статьях встречается много народных слов, пословиц, поговорок и вульгаризмов: «заместо», «своровать», «с соплей на носу», «переходили», «нагишем», «куда больше», «ссадить бока», «тузить в загорбок», «сбаловаться», «выпучить глаза», «ни верю ни на грош», «на грош амуниции, на рубль амбиции», «заставь иного Богу молиться, так он весь лоб разобьет», «молодец против овец, а против молодца сам овца», «лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет», «жулики», «фортель», «вот осадила то милая», «жрать, спать да гадить», «тут ему лафа».

В статьях «Дневника» Достоевский выступает как типичный разночинец. Ему чужда стилистическая строгость и сдержанность Тургенева. Он далек от спокойного неторопливого повествования Гончарова. У него

мало общего с Л. Толстым, даже в психологических описаниях. Для речи Достоевского характерны отрывистые и резкие фразы, взволнованность и приподнятость тона, эмоциональная насыщенность, раздражительность, ирония, сарказм и гневный пафос обличения: «Вы после всего, что натрубили, довольствуетесь вялой догадкой... А звону-то, звону-то»³⁶, — пишет Достоевский в статье «Ряженный». Или, «Выскочил, намахал руками, и ничего не вышло», «не вам надуть старого литератора». «Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают»³⁷.

Довольно часто в статьях «Дневника» встречаются лирические отступления: «Уже давно и неволью грусть и сомнения приходят на сердце»³⁸. «Хочется воздуху, воли, свободы»³⁹.

При сравнении языка статей Достоевского с языком его романов, становится ясным, что герои его романов не говорят языком автора. Для них Достоевский создал особый язык, но почему же этот язык так однообразен? Обладал ли Достоевский способностью индивидуализировать и типизировать речь своих героев? Понимал ли он значение этой типизации? Как видно из «Дневника», (статья «Ряженный») Достоевский теоретически хорошо понимал значение индивидуализации речи действующих лиц литературных произведений, но доказывает ли это, что он сам был способен создать типичную речь для героев своих романов? Можно думать, что в тех случаях, когда он находил это необходимым, он индивидуализировал речь своих героев. Как отмечалось, в рассказе «Бобок» повествование ведется от лица литератора-неудачника. Достоевский создает этот образ и наделяет типичным языком: «В печати надё все благородное, идеалов надо... Какой теперь Вольтер! Нынче дубина, а не Вольтер! Последние зубы друг другу повыбили»⁴⁰.

В рассказе «Бобок», кроме литератора, выведено еще несколько действующих лиц. Все они говорят индивидуализированным языком.

В статье «Полписьма одного лица», литератор-неудачник в высокопарном и торжественном тоне поучает «невоздержанных публицистов». «Второе, что замечу

тебе, о друг мой фельетонист, — вещает он, — ты пишешь в столбцы свои столько генералов, акционеро-
в, князей, в тебе и в острых словах твоих имеющих нуж-
ду»⁴¹. Высокопарный слог пестрит простонародными
словами и вульгаризмами: «нанятой борзописец», «смад-
ный успех», «нагишем», «кудлашка», «с пеной ярости»,
«вцепились друг другу в волосы», «зловонный», «отупе-
лые рожи», «врешь», «свинья» и т. д.

Из проведенного анализа видно, что Достоевский
обладал способностью индивидуализировать речь дей-
ствующих лиц своих произведений. Почему же так
однообразен язык героев его романов? Можно думать,
что писатель сделал его таким с определенной целью.
Достоевский сосредоточивал внимание читателей на ана-
лизе психологических переживаний героев. Он стремил-
ся показать людей, находящихся во власти определен-
ных идей, людей, одержимых этими идеями. Чтобы
справиться с поставленными задачами, Достоевский
сокращал все то, что могло отвлечь внимание читателей
от поставленных проблем. Он сводит до минимума опи-
сания природы и с этой же целью создает особый язык
для своих героев.

Язык «Дневника» должен стать объектом самосто-
ятельного исследования, здесь же целесообразно огра-
ничиться несколькими замечаниями. «Дневник» написан
ясным, четким и красочным языком. Диалогическая
форма еще более усиливает эту четкость. Есть в «Днев-
нике» и стилизация под речь описываемых лиц: «про-
падай, дескать, все на свете, был бы я и животы мои
целы», «всего нашего капитала лишиться» и т. д.

С большим вниманием изучал Достоевский речь
различных групп населения. В номере 29 «Дневника» за
1873 г., он пишет, что однажды он шел с шестью пьяны-
ми мастеровыми, которые вели разговор, употребляя
только одно нелексическое односложное слово. При
помощи этого слова каждый смог выразить свою мысль.
Достоевский не удержался и упрекнул рабочих за то,
что они «всего только десять шагов прошли, и шесть
раз имя рек повторили!» На что получил ответ от
одного из них: «А ты что же сам то седьмой раз его поми-
наешь?»⁴².

Это незначительное происшествие дает толчок мыслям Достоевского. Он приходит к выводу, что существует особый язык: целый, удобный и оригинальный «приспособленный к пьяному или даже к хмельному состоянию». Достоевский утверждает, что он говорит это не в шутку и пытается обосновать свои догадки.

К художественным произведениям «Дневника» относится очерк «Маленькие картинки». В нем большое внимание уделяется быту. Это как бы зарисовки с натуры из жизни Петербурга. Достоевский экономен и лаконичен в описаниях. Вместо всякого введения статья начинается со строки: «Лето, каникулы, пыль и жар, жар и пыль». Через страничку опять: «Пыль и жар, удивительные запахи, взрытая мостовая и перестраивающиеся дома». Следующая страница опять начинается с фразы: «Пыль и жар...» Повторение одного и того же предложения усиливает впечатление. Мы видим Петербург летом. Пейзаж Достоевского отличается краткостью. Главное внимание уделяется людям.

Тесно связаны с общим содержанием «Дневника» «Воспоминания», имеющие как историческое, так и художественное значение. Они проливают свет на отношения Достоевского с Герценом, Белинским, Некрасовым и характеризуют его юношеские взгляды. В то же время в них имеется ряд ярких сцен и портретов, сделанных рукою мастера.

«Воспоминания» подтверждают нашу мысль о том, что идеи юности никогда не умирали в душе Достоевского. В статье «Фельдъегерь», («Дневник», 1876 г., январь) сообщая о происшествии, которое он видел в 1837 году (избиение ямщика фельдъегерем), Достоевский ядовито высмеивает «Общество покровительства животных», которое требовало, чтобы бродячих собак «умерщвляли хлороформом, в то время когда у нас люди мрут с голоду». В начале Достоевский иронически выступает защитником «благотворительного общества», доказывая, что цели «общества» вековые, так что не могут считаться с такими случайностями, как «смерть людей от голода». От иронии Достоевский переходит к сарказму и гневному пафосу обличения. Он советует

«обществу» больше обращать внимания на «временное и случайное», т. е. на положение народа.

Вывод, к которому приходит писатель, интересен для понимания его взглядов эпохи 70-х годов. Обращение ямщика с лошадьми было бесчеловечно. Но оно было вызвано тем, что сидевший в телеге фельдъегерь все время, не переставая, бил его в затылок. Кто из членов «общества» решился бы «привлечь к ответственности этого мужика за бесчеловечное обращение с лошадаками?» — иронически спрашивает Достоевский. «Здесь каждый удар по скоту выскакивал от удара по человеку». Для улучшения положения животных нужно очеловечить людей и уничтожить условия дающие одному человеку право избивать другого.

К «Воспоминаниям» относятся статьи: «Старые воспоминания», помещенные в «Дневнике» за 1877 год и «История глагола стушеваться». В первом произведении Достоевский рассказывает о знакомстве с Некрасовым и Белинским. О тех минутах, которые он запомнил на всю жизнь и считал лучшими в жизни.

Статья «История глагола «стушеваться» посвящена этому слову. Достоевский доказывал, что глагол «стушеваться» изобретен учащимися инженерного училища, но что он первый ввел его во всеобщее употребление.

Заканчивая анализ произведений «Дневника», необходимо отметить их афористичность, которая, по всей вероятности, обуславливалась стремлением Достоевского выразить свои мысли как можно более ярко. Афоризмы выбраны нами и изданы в брошюре под названием:

«Афоризмы и высказывания М. Ф. Достоевского».

Афористичность придает особую законченность и выразительность мыслям писателя. Чтобы дать о ней некоторое представление приводим несколько афоризмов:

«Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа», т. 11, ст. 462.

«Мне всегда, например, казалось, что величайшее счастье — это знать, по крайней мере, отчего несчастлив», т. 10, 284.

«Лучше уж ошибка в милосердии, чем в казни», т. 10, 340.

«Современный дипломат есть «великий зверь» на малые дела», т. 11, 173.

«Можно многое не сознать, а лишь чувствовать. Можно очень многое знать бессознательно», т. 9, ст. 209.

«Солнце показалось на Востоке, и для человечества с Востока начнется новый день», т. 11, ст. 56.

«Позорное и порочное несет само в себе смерть, и рано ли, поздно ли, само собою казнит себя», т. 11, ст. 115.

«Любовь есть труд, даже и любви надобно учиться, верите ли вы тому?», т. 11, ст. 235.

«Лганье перед самим собой у нас еще глубже укоренилось, чем перед другими», т. 9, ст. 453.

«Прежде, чем проповедовать людям: «как им быть» — покажите это на себе. Исполните на себе сами и все за вами пойдут», т. 11, стр. 72.

«То, что может казаться теперь прочным, то, может быть, всего только еще фантазия», т. 11, ст. 189.

«Спасение животишек» есть самая бессильная и последняя из всех идей, единящих человечество», т. 11, ст. 494.

«Лучше верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная, что допущилось злодейство», т. 11, ст. 53.

«Что в том благосостоянии, которое достигается ценою неправды и сдирания кож? Что правда для человека как лица, то пусть останется правдой и для всей нации», т. 11 ст. 54)

«Какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье», т. 11, ст. 462.

«Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество, или даже просто отстаивая интересы своего отечества», т. 10, ст. 154.

«Стыдиться своих убеждений нельзя, а теперь и не надо, и кто имеет сказать слово, тот пусть и говорит, не боясь, что его не послушают, не боясь даже и того, что над ним насмеются и что он не произведет никакого впечатления на ум своих современников», т. 11, ст. 4.

«Для хорошего дела всегда есть время», т. 11, ст. 39.

«Люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу

верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей», т. 11, ст. 140.

«Не лучше ли исправить, найти и восстановить человека, чем прямо снять с него голову. Резать головы легко по букве закона, но разобраться по правде, по-человечески, по-отечески, всегда трудно», т. 11, ст. 412.

«Любить общечеловека, значит наверно уже презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека», т. 9, ст. 203.

«Истина лежит перед людьми по сто лет на столе и они ее не берут, а гоняются за придуманным, именно потому, что ее то и считают фантастичным и утопичным», т. 9, ст. 323.

«Ложь, прнятая за правду, имеет всегда самый опасный вид», т. 9, ст. 332.

«Миру в высшей степени необходимо иметь перед собой как можно более людей, которых можно уважать», т. 9, ст. 374.

«В угоду общественному давлению, молодой поэт давит в себе натуральную потребность излиться в собственных образах, боится, что осудят за «пустое любопытство», давит, стирает образы, которые сами просятся из души его, оставляет их без развития и внимания и вытягивает из себя с болезненными судорогами тему, удовлетворяющую общему мундирному либерализму и социальному мнению», т. 9, ст. 259.

«Сколько я заметил по разговорам с иными из наших крупнейших художников — идеального они боятся вроде нечистой силы», т. 9, ст. 262.

«Надо побольше смелости нашим художникам, побольше самостоятельности мысли, и может быть, побольше образования», т. 9, ст. 262.

«Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать», т. 9, ст. 80.

«Мы, русские — народ молодой: мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет, но большому кораблю большое и плавание», т. 10, ст. 88.

«Всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского», т. 10, ст. 204.

ПРОБЛЕМАТИКА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Эстетические взгляды Достоевского

В «Дневнике» отразились размышления Достоевского о религии, морали, политике, литературе, социализме, капитализме, войне, католицизме, атеизме, «лучших людях» и, главное, о будущем России и человечества.

Некоторые проблемы занимали его всю жизнь. К ним относились вопросы творчества, которые представляют особый интерес, так как дают возможность выяснить эстетические взгляды писателя. В молодости Достоевский был настроен романтически. Настоящее не удовлетворяло юношу, он чувствовал себя пленником и рвался на свободу. «Скорее к пристани, скорей на свободу! Свобода и призвание великое дело. Мне снится и грезится оно... Как-то расширяется душа, чтобы понять великость жизни»¹.

В 1844 году Достоевский бросает службу, горя желанием посвятить все свои силы литературе. Он много работает, знакомится с Белинским, Некрасовым, Тургеневым и переживает определенный перелом: «Брат, в отношении литературы я не тот, что был тому назад два года», — пишет он Михаилу Михайловичу. — «Тогда было ребячество, вздор. Два года изучения много принесли и много унесли»².

Жестокий удар романтической настроенности молодого писателя нанесла окружающая его действительность.

Он нуждался, писал, чтобы заработать деньги и часто не получал их. «Напечатают денег не дадут», — жалуется Достоевский. — «Это какая-то олигархия... А на что мне слава, когда я пишу без хлеба»³.

Будущее представляется ему в черных красках: «Только что прочел в «Инвалиде» о немецких поэтах, умерших с голоду и в сумасшедшем доме. Их было штук двадцать и какие имена! Мне до сих пор как-то страшно, нужно быть шарлатаном»⁴.

Пытаясь разобраться в происходящем, Достоевский читал статьи Белинского. Эстетические взгляды последнего оказали на него определенное воздействие и Достоевский выступил со своим первым романом «Бедные люди» под знаменем натуральной школы. В развернувшейся ожесточенной борьбе между натуральной школой и романтиками, Достоевский встал на сторону первой. В «Объявлении» об издании альманаха «Зубоскал», напечатанном в ноябрьском номере «Отечественных Записок» за 1845 г., и в четырех фельетонах, опубликованных в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1847 г. Достоевский, повторяя Белинского, требует от литературы сближения с жизнью и правдивого изображения действительности.

Оказало определенное влияние на формирование эстетических взглядов Достоевского революционное общество Петрашевского, членом которого он был с 1847 года. Петрашевцы полагали, что действительность выше мечты, писатели должны изображать жизнь с целью исправления ее. Время настало изменить и переделать. «глупую, бестолковую и пустую жизнь, в которой ненормальные общественные отношения обезобразили и исковеркали страсти и измучили людей, сделав их придавленными и больными». Петрашевцы стремились эту «жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья»⁵. Они обсуждали проблему человека и недопустимости людских страданий. Обе эти проблемы отразились в творчестве Достоевского.

Как отмечалось, на двух собраниях общества был ожесточенный спор между Петрашевским и Толем с одной стороны, и Достоевским и Дуровым — с другой.

Петрашевский упрекал Достоевского и Дурова за то, что они недостаточно глубоко изучают действительность, не отличают в должной мере существенное от несущественного и поэтому отражают в своих произведениях не главные жизненные вопросы, а мелочные. Достоевский доказывал, что «искусство не нуждается в направлении, что искусство само себе цель, автор должен только хлопотать о художественности, а идея придет сама собой, ибо она необходимое условие художественности». Писатель должен брать свои образы из действительности, но он должен осмыслить и типизировать эту действительность.

Кажется, что здесь Достоевский выражает противоположный взгляд и сближается со сторонниками теории «искусство для искусства», но это только кажется. В действительности творчество Достоевского этого периода показывает, что писатель продолжает развивать линию «Бедных людей»: рассказы «Ползунков», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Белые ночи» — 1848 г. и повесть «Неточка Незванова» — 1849 г. проникнуты тенденциями, характерными для произведений писателей натуральной школы. Достоевский возражал против утилитарного отношения к искусству, он критиковал мелочную опеку над писателем, требовал свободы творчества, но в то же время полагал, что писатель должен брать свои образы из действительности, типизируя эту действительность.

Каторга заставила Достоевского пересмотреть многие прежние взгляды. Он понял ограниченность и недостатки теорий социалистов-утопистов, хорошо познакомился с преступным миром, но это совсем не значило, что Достоевский отрекся от всего, чему он поклонялся прежде и превратился в сторонника теории «искусство для искусства». В 60-е годы, после возвращения с каторги, в объявлении об издании журнала «Время» Достоевский пишет: «Мы живем в эпоху в высшей степени замечательную и критическую. Не станем указывать... на те новые идеи и потребности русского общества, так единодушно заявленные, на великий крестьянский вопрос... Все это только явления и признаки того огромного переворота, которому предстоит

совершиться»⁶. Важнейшим вопросом, который будет обсуждаться в журнале будет «вопрос об улучшении крестьянского быта. Теперь уже не тысячи, а многие миллионы русских войдут в русскую жизнь, внесут в нее свои свежие непочатые силы и скажут свое новое слово»⁷.

После выпуска первого номера Достоевский в заслугу своему журналу ставил то, что он «отзывается на потребности общества» и обещал в дальнейшем «обращать внимание на все современные явления жизни». Далее Достоевский пишет, что «литература есть одно из главных проявлений русской сознательной жизни»⁸. В объявлении об издании журнала на 1863 год, говоря о дальнейших планах работы, Достоевский заметил: «Для каждого ясно, что не за искусство для искусства мы стоим». Это замечание было верным. Журнал братьев Достоевских занимался разрешением злободневных общественных вопросов, так как по мысли Достоевского, страна нуждалась «в честном, прямом и, главное, верном слове о нашем народе», потому что «вопрос о народе в настоящее время есть вопрос о жизни»⁹. Достоевский требовал от образованных классов сближения с народом, а для того, чтобы это сближение произошло, необходимо «распространить в народе грамотность... позаботиться об его умственном развитии, облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок»¹⁰.

В 1863 году в статье «Необходимое объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» Достоевский дает следующую характеристику одному из вождей противного лагеря. «Добролюбов был человек глубокоубежденный, проникнутый святою праведной мыслью и великий борец за правду»¹¹. «Критикуя некоторые его взгляды мы всегда признавали в нем талант и, кроме того, во многом соглашались с ним»¹².

В заметке о романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» Достоевский в высшей степени своеобразно характеризует писателя. Гюго для него «великий поэт и гражданин». Основная мысль творчества Гюго есть «основная мысль всего искусства 19 столетия... Это мысль христианская и высоконравственная... восстанов-

ление погибшего человека, задавленного несправедливым гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества... Кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презируемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается, наконец, любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правоты и еще непочатых бесконечных сил своих»¹³. Достоевский отводит искусству служебную роль. Оно должно «восстановить погибшего человека», «оправдать униженных и всеми отринутых».

В журнале «Время» Достоевский публикует ряд статей о русской литературе, имеющих особое значение для выяснения его эстетических взглядов. Статьи писались во время горячих споров между реалистами и сторонниками теории «искусство для искусства».

На чьей же стороне был Достоевский? Как и в 40-е годы он резко критикует утилитарный подход к искусству, борется за свободу писателя, за свободу творчества, но в то же время не менее резко критикует стремление сторонников теории «искусство для искусства» оторвать литературу от жизни. Полемизируя с Добролюбовым, Достоевский пишет о вреде утилитарного подхода к искусству, потому что предвзятое мнение ведет к тенденциозности, нарушая гармонию формы и содержания. Слабое произведение «никогда и не под каким видом не достигает своей цели; мало того: более вредит делу, чем приносит пользы»¹⁴. Поэтому «Первое дело: не стеснять искусство разными целями, не предписывать ему законов, не сбивать его с толку, потому что у него и без того много подводных камней, много соблазнов и уклонений, неразлучных с исторической жизнью человека».¹⁵ Говоря о красоте, Достоевский замечает: «Красота полезна, потому что она красота, потому что в человечестве — всегдашняя потребность красоты и высшего идеала»¹⁶. «Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, — неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете»¹⁷. «Красота вечна. Образ, созданный художни-

ком, становится кумиром без всяких условий». Достоевский полагает, что требование утилитаристов изображать жизнь такой, какой она есть — неверно, потому что человеку недоступна сущность вещей, а воспринимает он действительность так, как она отражается в его сознании. Но, с другой стороны, он возражает против ухода от жизни. Если неправы утилитаристы, требуя от искусства «прямой непосредственной пользы», то неправы и те писатели, которые игнорируют общественные нужды и творят под лозунгом «служенье муз не терпит суеты». «Нам потому иногда кажется, что искусство уклоняется от действительности, что действительно есть сумасшедшие поэты и прозаики, которые прерывают всякое сношение с действительностью, действительно умирают для настоящего, обращаются в каких-то древних греков или средневековых рыцарей и прокисают в средневековых легендах. Такое превращение возможно, но поэт-художник, поступивший таким образом, есть сумасшедший вполне»¹⁸. Искусство связано с жизнью: «Начиная с начала мира до настоящего времени, искусство никогда не оставляло человека, всегда отвечало его потребностям и его идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала, — рождалось с человеком, развивалось рядом с его исторической жизнью»¹⁹. Искусство оказывает определенное влияние на жизнь: «Искусство много может помочь иному делу своим содействием, потому что заключает в себе огромные средства и великие силы»²⁰. «Художественность есть самый лучший, самый убедительный, самый бесспорный и наиболее понятный для массы способ представления в образах именно того самого дела, о котором вы хлопчете»²¹. «Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать»²². «Искусства несовременного, не соответствующего современным потребностям и совсем быть не может. Если оно и есть, то оно не искусство»²³. «Наши поэты и художники действительно могут уклоняться с настоящего пути, или вследствие непонимания своих гражданских обязанностей, или вследствие неимения общественного чутья, или от разрозненности общественных интересов, от незрелости, от непонимания

действительности, от некоторых исторических причин, от не совсем еще сформировавшегося общества»²⁴.

Обращаясь к поздним статьям Достоевского, мы видим, что в 70-е годы его взгляды на литературу мало изменились. Заслуга всей русской литературы оказывается в том, что она преклонилась перед правдой народной. Пушкин велик тем, что у него «повсюду слышится вера в русский характер», его роман «Евгений Онегин» «осязательно-реальный, в нем воплощена настоящая русская жизнь с такой творческой силой и с такой законченностью, какой и не бывало до Пушкина»²⁵. Сам Онегин — «дитя эпохи, это вся эпоха сознательно на себя взглянувшая». В «Онегине» Пушкин явился «великим народным писателем», «в Пушкине есть что-то сроднившееся с народом», «Пушкин любил народ». «У нас все ведь от Пушкина. Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятельности до того беспримечен и удивителен, что объяснить его можно, если не чудом, то необычайною величиною гения»²⁶. В то же время Достоевский требует свободы для писателя и утверждает, что красота вечна.

Из приведенных цитат видно, что и в 70-е годы Достоевский не стал сторонником теории «искусство для искусства». Он полагал, что искусство должно быть тесно связано с жизнью, задачей искусства должно быть «не описание случайностей жизни, а общая их идея зорко угаданная и верно снятая со всего многообразия жизненных явлений»²⁷. Здесь Достоевский выступает против натурализма. Писатель должен уметь типизировать и находить главное в жизненных явлениях. Творчество самого Достоевского было тесно связано с жизнью. Современная писателю критика хорошо поняла это. «От лиц Достоевского веет только правдой собственного сердца автора, его пламенеющей искренностью»²⁸. «По другим писателям можно изучать нормальную жизнь, по Достоевскому только ее психопатию.. а главное, можно изучить самого автора, его идеалы, его собственные горести, борьбу и мечтания»²⁹, — писал К. Леонтьев.

Скабичевский, говоря о противоречиях Достоевского, заметил, что в душе Достоевского «живут двойники.

из которых один нападал на людей своего поколения, изображая их в безобразном виде, в каком не изображали их самые заклятые обличители, а другой гениальный писатель, которого следует поставить не только на одном ряду с первостепенными русскими художниками, но и в числе самых первейших гениев Европы нынешнего столетия»³⁰. П. Ткачев, осуждая Достоевского за «тенденциозное» изображение жизни, в то же время писал «сколько искренности, сколько любви и сколько фанатизма в его привязанности к народу, к России»³¹. П. Никитин полагал, что значение Достоевского как художника «с чисто эстетической точки зрения, очень и очень невелико... У него нет объективности, всегда он что-нибудь да вложит от себя, что-нибудь приукрасит, преувеличит и исказит и его субъективно-пристрастное отношение к наблюдаемым явлениям переходит за пределы всякого благоразумия и приличия»³². По мнению Никитина, талант Достоевского обладает «неблагодарной излишней отзывчивостью, но «с точки зрения общественного интереса произведения Достоевского представляют весьма благодарный и весьма обильный материал. В романах Достоевского затрагиваются обыкновенно такие психологические явления, которые играют весьма видную роль в жизни известных классов... и которые представляют любопытный материал для оценки общественного и умственного состояния этой среды, этих классов»³³. Хотя замечания Никитина односторонни и пристрастны, все же он правильно подметил социальное звучание произведений Достоевского. Творчество последнего всегда было тесно связано с действительностью. Мало того, Достоевский требовал от искусства не только изображения жизни, но и исправления ее. В статье «Единичный случай», описывая похороны доктора, который прожил всю свою жизнь для других. Достоевский замечает: «Я ужасно люблю реализм в искусстве». Дальше он пишет, что у многих современных писателей-реалистов нет «нравственного центра». Что же из себя представлял этот «нравственный центр»? Достоевский рекомендует художникам написать следующую картину. Доктор сидит у бедной еврейки во время родов. «Невозможная, смрадная нище-

та бедной еврейской хаты, на кривом столе догорает оплывшая салльная свеча, окно обледелое, сквозь него брезжит рассвет нового трудового дня для бедных людей». Нет пеленок и доктор снимает и разрывает свою рубаху, чтобы завернуть ребенка. «Бывает этакая бедность.., клянусь вам, бывает, чистейший реализм. Реализм, так сказать, доходящий до фантастичности»³⁴, — замечает Достоевский. Казалось бы, что такую картину можно назвать натуралистической, но против натурализма и восстает Достоевский. Он требует, чтобы в картине был «нравственный центр». Художник должен так расположить все предметы и даже переставить их, чтобы «этой забавной перетасовкой сразу оцарапать вам сердце»³⁵.

Следовательно, в основу произведения искусства должна быть положена определенная идея, а основой искусства является жизнь. Достоевский возражает против распространенного взгляда на однообразие действительности. Для него жизнь фантастичнее и богаче искусства. Действительность бывает невероятна. Самое пылкое воображение не может представить тех «невозможностей», которые действительность представляет каждый день «тысячами в виде самых обыкновенных вещей». Жизненные происшествия отличаются иногда такой исключительностью, что если романист попытается изобразить нечто подобное, то критик докажет ему, что он бредит и что подобных происшествий никогда не могло быть в жизни.

В статье «Два самоубийства» Достоевский передает свой разговор с Салтыковым-Щедриным, которого так же интересовала проблема о взаимоотношениях искусства с действительностью. Сатирик утверждал, что соревнование между жизнью и искусством всегда оканчивается поражением последнего: «Вот вы думаете, что достигли в произведении самого комического в известном явлении жизни, поймали самую уродливую его сторону — ничуть. Действительность тотчас же представит вам в этом же роде такой фазис, какой вы еще не предполагали, и превышающий все, что могло создать ваше собственное воображение»³⁶. Это свойство действительности вызывало мысли о бесполезности

искусства при таком видимом его бессилии. Если в каждом факте жизни заключается глубина «какой нет, может быть, у Шекспира» зачем же писать романы? Но тут возникал вопрос, кто может увидеть эти факты, взять из них типичное, отбросив исключительное? Оказывается на это способен только гениально-одаренный человек.

Рассматривая взаимоотношения формы и содержания, Достоевский приходит к выводу, что значение произведения зависит не только от формы, но и от содержания. Огромная популярность Ж. Занд объяснялась тем, что она появилась с новыми взглядами в то время, когда общество жаждало их. Значение Некрасова было в том, что он «заклучил ряд поэтов, пришедших с новым словом». Достоевский полагает, что содержание важнее формы. В статье «Смерть Некрасова», он пишет, что Тютчев был «обширнее и художественнее Некрасова, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места, в литературе нашей, которое бесспорно останется за Некрасовым»³⁷. Но содержание не должно быть тенденциозным и натуралистическим. В заметке о картине Репина «Бурлаки», Достоевский отмечает, как достижение, то, что Репин не ставил своей целью проведение определенной тенденции за счет художественности. Поэтому впечатление от картины получилось более сильное и она в более резкой форме выразила мысль о тяжелом положении бурлаков. Достоевский требовал от искусства не фотографирования действительности, а нахождения «идеального». Слово «идеальное» писатель повторяет довольно часто. В статье: «По поводу выставки», он упрекает художников за то, что они «боятся идеального вроде нечистой силы», тогда как «идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность»³⁸.

Слово «идеальное» имеет у Достоевского особое значение, которое необходимо разъяснить. Он пишет о художнике портретисте, который, работая над портретом, старается найти «главную идею физиономии», потому, что «человек не всегда сам бывает на себя похож». Художник тут должен больше «доверяться

своей идее, чем предстоящей действительности». Под «идеей» Достоевский подразумевал способность писателя улавливать своеобразное, характерное, следовательно типичное. «Идея», «идеальное», включает в себя так же и идеологический элемент. Писатель видит жизнь под определенным углом зрения, потому, что «мы видим действительность всегда почти так, как хотим ее видеть, как сами, предвзято, желаем растолковать ее себе. Если же подчас вдруг разберем, и в видимом увидим не то, что хотели видеть, а то что есть в самом деле, то прямо принимаем то, что увидели за чудо... и поверим скорее чуду и невозможности, чем действительности, чем истине, которую не желаем видеть»³⁹. Достоевский подчеркивает субъективность восприятия действительности художником. Материал, который берется из жизни, творчески перерабатывается писателем. Чем шире его ум, чем сильнее способность находить типичное, потому что жизненные происшествия, несмотря на весь их реализм, могут быть не типичными, а исключительными, тем художественнее будет произведение. Чем одареннее писатель, тем большей глубины в изображении жизни он добивается.

Рассматривая роман Толстого «Анна Каренина», Достоевский отметил способность Толстого понять и показать «вековечную жизненную правду», которая «есть правда жизненная, самая реальная и самая неминуемая, в которую надо верить»⁴⁰.

Способность находить и изображать эту «правду», т. е. показывать происхождение и развитие глубочайших психических переживаний человека в момент жизненных катастроф, составляла одну из важнейших черт творчества Достоевского. Он писал, что «для поэта могут быть и другие задачи, кроме бытовой стороны, есть общие, вечные и, кажется, во веки неисследимые глубины духа и характера человеческого»⁴¹.

Достоевский пытается проникнуть в область подсознательного, проследить за влиянием, которое оно оказывает на сознательную жизнь человека. Это не значило, как утверждал П. Никитин, что Достоевский был «не в состоянии создать целостного, всесторонне, гармонически развитого художественного характера,

потому что все его герои... люди безумия, а от столкновения безумных людей ничего другого и произойти не может, кроме вещей диких, нелепых, безумных. Как в их внутреннем мире, так и в их жизни, все поражает нас своею странностью, беспорядочностью, несообразностью своей неожиданностью. События следуют одно за другим без всякой, повидимому, внутренней необходимости: элемент случайного является преобладающим элементом»⁴². Никитин писал, что особенность таланта Достоевского состоит в том, что «он всегда склонен исключительное, аномальное, временное, переходящее, случайное, возводить в нечто постоянное, нормальное, преобладающее»⁴³. Приведенные цитаты показывают, что Никитин не понял своеобразие психологического реализма Достоевского и постарался объяснить особенности его творчества склонностью к «анормальному». Нельзя рассматривать действующих лиц романов Достоевского как ненормальных. В большинстве, они такие же люди, как и другие, но находятся во власти мощных страстей или идей. Подобные состояния могут быть в жизни каждого человека.

В области анализа подсознательного Достоевский достиг большой глубины. Во многом это было обусловлено его способностью не только понимать, но и переживать различные, часто противоположные, чувства. Еще К. Головин находил своеобразие творческого метода Достоевского в том, что тот «никогда не воплощает себя в одном из своих героев всецело. Каждому из них он попеременно сообщает искру собственного духа, поочередно заставляя их говорить его словами... Натура его, как музыкальный инструмент, готова отзываться на каждое чувство, струн у него хватило бы на целую симфонию»⁴⁴.

Критика упрекала Достоевского за то, что он изображал «ненастоящую жизнь». Достоевский отвергал это обвинение, замечая, что в русском обществе после огромных потрясений, вызванных реформами 60-х годов, все находится в брожении, поэтому трудно изобразить что-либо законченное. В «Дневнике» за 1877 г. он писал, что русская литература отстает от жизни, в ней описан только уголок русской действительности. Кто же

будет историком других сторон жизни? «В этом хаосе... нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса? Главное как будто всем еще вовсе не до того, что это как бы еще рано для самых великих наших художников. У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть необходимое, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметил и кто их укажет? 45. Следовательно, задачей писателя, по мнению Достоевского, должно было быть изображение современной жизни. Достоевский пишет, что литература отстает от жизни и не откликается на события действительности: «Наши художники (как и всякая ординарность) начинают отчетливо замечать явления действительности... и обрабатывать данный тип в искусстве уже тогда, когда большею частью он проходит и исчезает» 46.

Свое творчество Достоевский подчинил указанным задачам. В романе «Братья Карамазовы» обсуждается проблема «случайного семейства», в основу «Подростка» положен процесс Долгушина, в «Бесах», отразился нечаевский процесс, в «Преступлении и наказании» критикуется теория «разумного эгоизма». В письмах Достоевский часто сообщает друзьям о целях, которые он преследует в своих произведениях. Критика отмечала как тесно связаны романы Достоевского с действительностью. Так Авсеенко, рассматривая «Подросток» с эстетической точки зрения, нашел в нем «крайний натурализм и отсутствие художественности».

Как видно, эстетика Достоевского была неприемлема для Авсеенко. Психологический реализм Достоевского для него был «смрадной атмосферой подполья», а Достоевский, не обращая внимания на подобного рода критические статьи, стремился еще теснее связать литературу с жизнью. Особый интерес в этом отношении представляют его «фантастические рассказы», анализ которых дан в предыдущей главе. В них Достоевский пытался как бы соединить литературу с действительностью.

Все сказанное характеризует эстетические взгляды

Достоевского и дает возможность сделать следующий вывод. Несмотря на противоречия, Достоевский в своем творчестве никогда не следовал принципам теории «искусство для искусства», считая, что искусство тесно связано с жизнью и зависит от последней, что писатель не должен быть бесстрастным, наблюдателем, а проводит в своих произведениях определенные взгляды и идеи.

Социализм, религия, атеизм, самоубийство

Все перечисленные проблемы тесно связаны друг с другом. С социализмом Достоевский соединял католицизм. Он утверждал, что «римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение... и бывшее главной причиной материализма и атеизма Европы... естественно породило в Европе и социализм, который пытается разрешить судьбы человеческие без Христа»⁴⁷. Следовательно, без католицизма не было бы и социализма.

Теория Достоевского не отличалась убедительностью. Население мира состоит не только из православных и католиков. Количество одних только буддистов намного превосходит число тех и других вместе взятых, а кроме буддийской существуют и другие религии. Что же должно было случиться с народами нехристианскими? Если у них также мог развиваться социализм, так причем же здесь католицизм? А если нет, так это не могло быть объяснено тем, что они православные. На эти вопросы Достоевский не мог дать ответа, но социализму, как одному из возможных путей развития человечества, в «Дневнике» уделяется много внимания. Достоевский различал две стадии в развитии социализма: первая — это социализм «теоретический», мечтательный, основанный на «нравственном принципе», т. е. тот самый социализм, которым он увлекался в молодости. Вторая стадия — социализм практический, прошедший через такие испытания, как Парижская коммуна, социализм атеистический, стремящийся установить новый

строй жизни, устроить рай на земле без Христа. Против этого социализма Достоевский энергично боролся. Он полагал, что изменением одних экономических условий ничего нельзя достигнуть, потому что люди останутся все те же, а с «недоделанными» людьми нельзя ничего создать нового. Здесь Достоевский не был особенно последователен. Часто, на практике, он требовал изменения экономических условий.

Критикуя антирелигиозность социализма, Достоевский относился весьма скептически к научному обоснованию возможности построения нового строя, полагая, что наука настолько еще несовершенна и слаба, что трудно допустить, чтобы она могла установить новые законы общественного развития. Человек не имеет инстинктов, свойственных насекомым, поэтому он не может создать безошибочно «нечто вроде человеческого муравейника». Отвергнув формулу данную Богом: «Возлюби ближнего как самого себя», люди приходят ко второй возможности разрешения вопроса, т. е. организации будущего строя ценою огромных жертв. Следовательно, только православие могло указать правильный путь человечеству.

Невольно возникает вопрос, чем же было православие для Достоевского? Не смотрел ли он на православие, как на средство связи русских с другими славянскими племенами? Не полагал ли он, что православие ценно потому, что избавляет Россию от западного пути развития? И, в конце концов, был ли сам Достоевский верующим человеком? По этим вопросам нет единства мнений среди исследователей жизни и творчества писателя. Посмотрим, что говорит об этом сам Достоевский. В известном письме к Фонвизиной от 20 февраля 1854 г., он пишет: «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой доски. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем больше во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен» ⁴⁸.

Достоевский сообщает, что в такие минуты он сложил себе символ веры, который очень прост: нет

ничего «прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа. Если б мне доказали, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться с Христом, нежели с истиной»⁴⁹. Кажется, что последнее замечание говорит о фанатичной вере, но это не совсем так, необходимо учесть оговорку, что так Достоевский верит только в особые минуты.

Насколько глубока была вера Достоевского? В юности он был религиозен. Из книг в его душе укоренились два-три эмоционально сильных впечатления. Так, например, его поразила личность Христа и история о многострадальном Иове, но нельзя, основываясь на этом, сказать, что вера Достоевского в юности была очень глубокой. Так в письме к брату от 30 сентября 1844 г., характеризуя своего опекуна, Достоевский в невероятно грубом словосочетании упоминает о вере в Бога. Причем он пишет об этом не в припадке гнева, а так между прочим, но это не значит, что Достоевский был атеист. В «Дневнике» он упоминает, что еще Белинский заметил его любовь к Христу. Здесь характерно то, что упоминается Христос, а не религия. Следовательно, у нас нет свидетельств, подтверждающих особую религиозность Достоевского в юности, а вера Достоевского после каторги вызвала сомнение у таких представителей христианства, как К. Леонтьев и Д. Мережковский. Леонтьев не признавал православие Достоевского христианским и, повидимому, сомневался в его религиозности. После выхода в свет романа «Братья Карамазовы», Леонтьев писал: «У нас истинно православных художественных произведений вовсе нет. Считать православным романом «Братьев Карамазовых» могут только те, которые мало знакомы с истинным православием, с христианством св. отцов и старцев афонских и оптинских»⁵⁰. По мнению Леонтьева, выходило, что Достоевский, живший продолжительное время в Оптинской обители и изучавший жизнь монахов и старцев, был «мало знаком с истинным православием». Леонтьев утверждал, что даже творчество Золя ближе к «духу истинного монашества, чем поверхностное и сентиментальное сочинительство Достоевского в «Бра-

тях Карамазовых». Достоевский по своей лирической субъективной натуре вообразил, что он представляет нам реальное православие и русское монашество... тогда как, в самом деле, для Достоевского его мечты о небесном Иерусалиме на этой земле были дороже, как жизненной правды, так и истинных церковных нравов»⁵¹.

Леонтьев подметил противоречивость Достоевского. Не Иван Карамазов отвергал билет на вход в рай, а сам автор, которого больше беспокоит вопрос об устройстве рая на земле, чем рай на небе. Достоевский относится с большим равнодушием к судьбе человека после смерти, и стремится только верить в бессмертие души. Леонтьев критикует непоследовательность Достоевского. В статье о «Всемирной любви», анализируя «Пушкинскую речь» Достоевского, он заявляет, что Достоевский борется за какую-то счастливую жизнь для всего человечества, забывая о неизбежном пришествии Антихриста и о том, что «Христос пророчествовал не гармонию всеобщую, не всеобщий мир, а всеобщее разрушение... пророчество всеобщего примирения людей во Христе не есть православное пророчество, а какое-то общегуманитарное. Церковь этого мира не обещает»⁵².

Достоевский мечтал о свободе и равенстве, а Леонтьев заявлял, что и на «небе нет и не будет равенства ни в наградах, ни в наказаниях — и на земле всеобщая равноправная свобода есть ничто иное, как уготовление пути антихристу»⁵³. С точки зрения Леонтьева, хотя Достоевский и исполнял церковные обряды, т. е. «говел и причащался», это еще не доказывало, что он «чувствовал и думал о вере совершенно правильно».

Более критически к вере Достоевского относится Д. Мережковский, который в своей известной книге «Толстой и Достоевский», заявил, что религиозное сознание Достоевского «смешивало две полярно противоположные мысли и плутало между двумя Христами, которые оба были неистинными». Мережковский говорит, что «религиозная мысль Достоевского блуждает, теряется в страшной путанице, в безысходных противоречиях»⁵⁴. Он подозревает, что Великий Инквизитор есть двойник Достоевского, «пополам с которым он и

расколел образ единого православного Христа». Мережковскому, не без основания, кажется, что Достоевский может оказаться «опаснейшим еретиком и отступником от православной церкви», намного опаснее и мятежнее Л. Толстого и Ницше». Мережковский подозревает, что Достоевский не верит в чудо и называет его православие «частным, личным, не историческим, не народным, без веры в чудесное».

В конце длительного анализа Мережковский приходит к выводу, что разъяснить свои религиозные взгляды Достоевский до конца жизни не мог, потому что «слишком боялся, как бы не пришлось и ему сказать в тайне совести своей, подобно Шатову: «Я верую в Россию, я верую в ее православие, а в Бога.., в Бога я буду веровать»⁵⁵.

Пламенный поклонник Достоевского В. Розанов, довольно резко заметил, что «лепет Достоевского о каком-то им открываемом «подлинном христианстве», «чистом православии», — как будто в тысячу лет оно не выразило и не определило себя — есть в сущности реакция к старому и «славному» славянству, немножко распущенному, стихийному, доброму»⁵⁶. «Достоевский говорит, что для веры в Бога надо иметь почву под собою, почву нации, семьи, отечества. Для веры в какого Бога? В «Велеса» — конечно. А для христианина христианство вне-земно, вне-отечественно, вне-семейно»⁵⁷.

Достоевского совершенно не утешает мысль, что пострадавшие на земле получают награду на небе. Он восстает против оправдания страдания детей какими бы то ни было причинами. Розанов в своей книге «Легенда о Великом Инквизиторе» пишет, что «беспорочность детей и, следовательно, невинность их есть явление только кажущееся: в них уже скрыта порочность отцов их, и с нею их виновность»⁵⁸. По мнению Розанова, Достоевский только потому так резко и бескомпромиссно выступал против страдания детей, что возможность такого объяснения, т. е. страдание детей, как расплата за грехи отцов, не приходила ему в голову. Едва ли можно согласиться с этим мнением. Мысль об ответственности детей за грехи отцов не является открытием Розанова. Она была положена в основу романа

Гофмана «Элексир дьявола», который был хорошо известен Достоевскому, но все же он не изменил своего отношения к проблеме.

Н. Лосский посвятил религиозным взглядам Достоевского специальную книгу: «Достоевский и его христианское мировоззрение», в ней большое внимание уделено идейным исканиям Достоевского, но выводы о религиозных взглядах Достоевского отличаются расплывчатостью. Как, например, понять замечание о том, что «за исключением краткого периода влияния Белинского, религиозность Достоевского всегда была, как в детстве, конкретной и никогда не падала на степень абстрактного протестантского спиритуализма»⁵⁹. Неясно в чем выражалась «конкретность» религиозности Достоевского? Непонятно причем здесь «абстрактный протестантский спиритуализм»? Утверждение автора о том, что православие Достоевского связано с любовью к русскому народу, мало что дает для разъяснения религиозности Достоевского. Тем более, что дальше Лосский признает, что «философски выработанной теодици у Достоевского не было и многие проблемы остались у него не разрешенными до конца жизни»⁶⁰.

Таким образом, вопрос о религиозности Достоевского нельзя считать выясненным. Обращаясь к свидетельствам самого писателя, можно думать, что сомнения в существовании Бога мучили его всю жизнь. В письме к А. Майкову от 25 марта 1870 г., сообщая о замысле романа «Житие великого грешника», он пишет: «Главный вопрос, который проводится во всех частях — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — это существование Божие»⁶¹.

В своей записной книжке Достоевский замечал, что его «дразнили необразованною и ретроградною верою в Бога», но что «этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в Инквизиторе... Не как дурак же (фанатик) я верую в Бога... их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я»⁶². «И в Европе такой силы атеистических возражений нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнения моя осанна прошла»⁶³.

Итак, Достоевский прошел через большие сомнения, он отрицал Бога, но потом уверовал. Когда же все это было? Достоевский ссылается на эпоху работы над романом «Братья Карамазовы», который был начат в 1878 г. и кончен в 1879 г. Как видно, сомнения мучили писателя буквально всю жизнь.

За пять месяцев до смерти в августовском номере «Дневника» Достоевский, говоря о христианстве русского народа, замечает, что русский народ во время вековых своих страданий навеки принял Христа в свою душу, а сам писатель «принял вновь от народа Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился, в свою очередь, в «европейского либерала». В обоих случаях речь идет не о христианстве, а о Христе, образ которого, как отмечалось, запечатлелся в памяти Достоевского с детства. В «Дневнике» за 1876 год, характеризуя веру русского народа, писатель смешивает понятие «христианство» с «крестьянством». По его определению, православие не одна только церковь, это «живое чувство». Он утверждает, что «в русском христианстве, по-настоящему и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ»⁶⁴.

Все эти определения, с канонической точки зрения, едва ли верны. Утверждение, что церковь существует в русском народе и, что русский народ образует церковь, что и составляет «наш русский социализм»⁶⁵, — слишком вольно. В статье «Дневника» «Первый корень» Достоевский буквально накануне смерти доказывает, что цель церкви или русского социализма: «всемирная и вселенская Церковь, осуществленная на земле», а «наш русский социализм есть всеобщее единение во имя Христово». Читая эти строки, становится понятным, почему Достоевский за два дня до смерти так беспокоился, что цензура не пропустит январский номер «Дневника». В нем шла речь об основании новой «крестьянской» религии с братским единением всех людей и с устройством рая на земле. В заключение можно сказать, что Мережковский вполне справедливо отметил желание Достоевского верить в Бога при отсутствии этой веры.

Самоубийство

Проблема самоубийства всегда привлекала внимание Достоевского. Почти в каждом из его романов кто-нибудь из действующих лиц кончает с собой. В «Преступлении и наказании» стреляется Свидригайлов, в «Бесах» вешается Ставрогин и стреляется Кириллов, в «Подростке» стреляется Крафт.

Интерес Достоевского к самоубийству объяснялся, с одной стороны, его стремлением понять то особое психическое состояние, в котором находились самоубийцы, с другой — тем, что в эпоху 70-х годов самоубийство было слишком заурядным явлением.

Экономическое потрясение послереформенного периода, наплыв новых идей и понятий часто оказывались не по плечу современникам. Средством разрешить, для многих неразрешимые противоречия, было самоубийство. Достоевский не мог пройти мимо этого явления. В «Дневнике» за 1876 год в статье «Приговор» он пытался объяснить самоубийства, которые не были вызваны экономическими причинами. Статья представляет из себя, как бы рассуждения одного самоубийцы — материалиста, который полагает, что если нет бессмертия, то нет никакого смысла бороться за лучшее будущее и... жить.

Часто самоубийства вызываются идеями, которые падают на человека как огромный камень и придавливают его... «и вот он под ними корчится, а освободиться не умеет. Иной соглашается жить и придавленный, другой не согласен и убивает себя».

В статье «Одна несоответственная идея» Достоевский пишет, что самоубийство может быть вызвано убогим мировоззрением, которое своей прямолинейностью и упрощенностью не может заменить полную красок и звуков живую жизнь. Статья отличается лиризмом. Гибли русские люди. Достоевский жаловался, что самоубийств такое количество, что о них уже и не пишут. Он решил сам обратиться к молодежи: «Милые, добрые, честные, куда же это вы уходите, отчего вам

так мила стала эта темная глухая могила? Смотрите, на небе яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали не живши» 66.

Статья заканчивается бодрым, радостным гимном жизни и осуждением «жалкого и уродливого» современного племени: «Нет, устать, возненавидеть жизнь, возненавидеть значит и всех, о нет, нет, пройдет это жалкое, уродливое, недоношенное племя, племя корчащихся под свалившимися на них камнями, засветит как солнце новая великая мысль и укрепится шатающийся ум и скажут все: «Жизнь хороша, а мы были гадки» 67.

Анализ проблемы самоубийства дает возможность установить, что писатель отрицательно относился к склонным к самоубийству людям. Он жалел их, но они были ему чужды.

Проблема «случайного семейства»

Большое внимание в «Дневнике» уделяется вопросам воспитания молодого поколения. С этим связывалась проблема семьи, образования женщин и лучших людей нации. Достоевский критиковал те семьи, в которых было «недовольство, нетерпение, грубость невежества», где серьезное образование заменялось «нахальным отрицанием с чужого голоса», а мысли о материальном обеспечении господствовали над всякой высшей идеей. В таких семействах дети воспитываются в отрыве от почвы, они не знакомы с правдой, равнодушны к отечеству или же просто не уважают его. Такие семьи Достоевский называет «случайными». По его мнению, для детей необходимы «святые и драгоценные» воспоминания, которые они должны получить в детстве на всю жизнь, так как без этих воспоминаний прекратилась бы «живая» жизнь. Что такое «живая жизнь», о которой столь часто упоминается в «Дневнике»? На этот вопрос отвечает сам писатель замечанием, что «без святого и драгоценного, унесенного в жизнь, из воспоминаний детства, не может и жить человек» 68, а «самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства». Человек, который в детстве полу-

чил «святые и драгоценные» принципы, никогда не сможет жить только для себя, а жизнь для блага нации, для блага человечества и была, по мнению Достоевского, «живой жизнью».

Какие же причины обусловили разложение многих дворянских семей? Достоевский пишет, что многие отцы утратили те высшие идеи, в которые они могли верить сами и научить верить своих детей. Только высшие идеи связывают семью и общество в одно целое. Без них начинается разложение и жизнь по принципу «после нас хоть потоп». Утрата идей была вызвана переходным и разлагающим состоянием общества, порождающим лень и апатию потому, «что лишь очень немногие, в такие эпохи, могут ясно видеть перед собой и не сбиваться с дороги».

Ключом к понимаю «путающихся и сбивающихся с дороги людей», изображенных в романах Достоевского, являются статьи «Дневника» о «случайном семействе».

Тесно связан с проблемой семьи был «женский вопрос». Несмотря на сопротивление правительства, женщины стремились к учению. Не имея возможности получить высшее образование в России, они уезжали за границу. Достоевский выступил на защиту женщин. В статьях: «Несомненный демократизм», «Женщины» он дал высокую оценку русской женщине. Женщины более бескорыстны, чем мужчины. Русская женщина отличается серьезностью, терпением, целомудрием и мужеством. Писатель требовал открытия для женщин дверей университетов. Это требование он проводил в жизнь довольно настойчиво. В статье «Опять о женщинах», общая о 18 летней девушке, которая поехала в Сербию, чтобы ухаживать за ранеными, Достоевский пишет о необходимости высшего образования для женщин. В статье «Несомненный удел будущей русской женщины» Достоевский пишет, что он преклоняется перед «новыми русскими женщинами, а не перед старыми барынями». Он требует от правительства полного уравнивания женщин в правах с мужчинами и утверждает, что «в русской земле много великих сердцем женщин, готовых на общественный труд и на самоотвержение». «Вековые предрассудки должны пасть и «варварская Россия» должна показать на какое место она ставит свою женщину».

Лучшие люди

Лучшие люди — это те представители «живой жизни», о которых мечтал Достоевский. Они всегда были и будут в народе. «Лучшие люди, — эта тема стоит того, чтоб сказать о ней несколько слов. Это те люди, без которых не живет и не стоит никакое общество»⁶⁹.

Во второй половине 19 века развивалось третье сословие, которое разлагающе влияло на население. Достоевский, так же как и писатели народники, не находят ни одной положительной черты у представителей третьего сословия. Купец — развращенный до последней степени человек. Его Бог — деньги, за них он готов на всё. Хотя Достоевский говорит, что как исключение бывают и хорошие купцы и фабриканты, он беспощаден ко всей группе. Западный путь развития был неприемлем для писателя, а то, что было хорошего в старом «разбилось и износилось, новое еще летает в фантазиях, а в действительности и в очах наших появилось нечто отвратительное с неслыханным еще на Руси развитием». Достоевского беспокоит мысль, что может противопоставить народ идущему на него чудовищу в виде «золотого мешка»? «Свою нужду, свои лохмотья, свои подати и неурожай, свои пороки, сивуху, порки»?⁷⁰. Но лучшие люди не пропали. К ним принадлежат те, «кто не преклонился перед материальным соблазном, кто ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей... жертвуя жизнью»⁷¹.

К лучшим людям Достоевский относил мелких тружеников, работавших для блага человечества, как, например, бедняка чиновника, откладывавшего гроши из своего нищенского жалования и выкупавшего на свободу крепостных, унтер-офицера, Фому Данилова, предпочевшего мучительную смерть отречению от веры и измене родине, старого доктора, бесплатно лечившего больных и заслужившего любовь населения всего города. Этим людям с их любовью, верой и идейной одушевленностью принадлежит будущее, они, по мнению Достоевского, «победители мира», им должна «принадлежать земля».

Из среды лучших людей выходят высшие типы, которые ничего общего не имеют со сверхчеловеком Ницше или с человеком-зверем Золя. «Высшие типы царят на земле, и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей» ⁷². «Высшие типы» — это синтез «лучших людей». Под «высшими типами» Достоевский подразумевал гениально-одаренных деятелей на благо человечества.

Таким образом, проблема положительного героя находит свое разрешение в «Дневнике».

В «Записках из подполья» Достоевский пришел к выводу, что человек по натуре зол, но этот вывод нельзя считать окончательным, так как писатель не мог на этом успокоиться. В романе «Идиот», он показал положительного героя, но князь Мышкин был исключением. Не типичны были Алеша и старец Зосима («Братья Карамазовы») и только в «Дневнике» мы находим типичных положительных героев, находим ответ на вопрос об отношении Достоевского к человеку. Раз существуют «лучшие люди», человек не может быть по натуре злым.

Мысль о лучших людях и необходимости для человека жертвенного труда на благо других развивается и в статье «Спиритизм» («Дневник» за 1876 г.). Формулируя идею, положенную в основу «Великого Инквизитора», Достоевский замечает: «Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль нетрудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на даровщинку и что счастье не в счастье, а лишь в его достижении» ⁷³. Далее он пишет, что самая высшая идея это погибнуть, отстаивая своих братьев и свою родину, так как кровь «пролитая за великое дело любви» много значит. Цитата «за великое дело любви» взята из поэмы Некрасова «Рыцарь на час». Она говорит не только о большой близости Достоевского в 70-е годы с Некрасовым, но и о его противоречиях. Теория «нравственного самоусовершенствования» с ее призывом к «непротивлению злу насилием» в данном случае отбрасывалась как ненужный хлам. Высшая доблесть человека в том, чтобы с оружием в руках биться с поробо-

тителями, и, если ему суждено погибнуть, то он должен погибнуть вместе с теми, которые борются «за великое дело любви».

Перечисленными проблемами не исчерпывается содержание «Дневника писателя», оно гораздо богаче. Большое внимание в нем уделяется вопросам суда, народам, живущим в России и идейным влияниям. Достоевский утверждает, что идеи распространяются по каким-то нам еще неизвестным законам, что они летают по воздуху и заразительны.

Рассматривая вопросы этики, Достоевский замечает, что, если что-либо является предосудительным для одного лица, то должно быть предосудительным и для нации. В основу дипломатических отношений должны быть положены такие же принципы, как между отдельными честными людьми, а каждый человек должен исповедовать то, во что он верит, не обращая внимания на насмешки других. Настоящий деятель не должен повторять, что «один в поле не воин», а верить, что и один в поле воин и идти своей дорогой, хотя бы целый мир был против.

В «Дневнике» много внимания уделялось России, славянству и будущему человечества, но эти проблемы будут рассмотрены в следующей главе.

«РОССИЯ И РУССКИЕ ПО «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ»

России и русским в «Дневнике» уделено особое внимание. Это объясняется следующими причинами: русская действительность была основой всего творчества Достоевского и только русский народ, по его мнению, мог выполнить великую задачу объединения всего человечества.

Интересные замечания о значении русской действительности для творчества Достоевского имеются в его письмах.

Двадцать восьмого августа 1876 года он сообщает А. Майкову, что попал на чужую сторону, где нет русских людей, русских книг, русских мыслей. «Жизнь без родины — страданье... мне Россия нужна для моего писанья и труда нужна, (не говорю уж об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды, сил и средств лишаешься»¹.

«Мне непременно надобно воротиться в Россию; здесь же я потеряю возможность даже писать, не имея под руками всегдашнего и необходимого материала для письма, т. е. русской действительности, дающей мысли и русских людей»², — пишет он С. Ивановой.

«Нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом, а для работы моей это всегда было необходимо», — пишет Достоевский А. Майкову. «Здесь я тупею и ограничиваюсь от России и отстаю. Русского воздуха нет и людей нет. Я не понимаю, наконец, совсем русских эмигрантов. Это сумасшедшие»³.

В декабрьском номере «Дневника» за 1877 год в статье, посвященной Некрасову, рассматривая вопрос об идейной основе всего творчества последнего, Достоевский заметил, что «поэт не мог найти то, перед чем бы он мог преклониться среди людей его круга. Он отталкивался от них и шел к обиженным и оскорбленным, терпящим и простодушным. В любви к народу он находил незыблемый и святой исход всему, что его мучило. Любовь к народу была как бы исходом его собственной скорби по самом себе»⁴.

Все сказанное о Некрасове можно считать исповедью Достоевского. Он сам не нашел пред чем бы мог преклониться среди окружавших его людей. Видел моральное разложение дворянства, понимал слабость интеллигенции и, в этих условиях, все свои надежды и упования возлагал на народ, который был для него оздоравливающим началом и в личном плане. Без веры в народ навряд смог бы Достоевский сохранить силы для создания своих произведений и выйти невредимым из страшного мира своих «двойников». Самоанализ, стремление вскрыть взаимоотношение между сознательным и подсознательным, огромная глубина изображения внутреннего мира людей, идущих в неизвестное и обреченных на гибель, тяжело действовали на психику Достоевского. Современная писателю критика чутко подметила это. Н. Михайловский в статье: «Жестокий талант» обвинял Достоевского в том, что он сознательно мучил читателей, но Михайловский, не учел, что при этом Достоевский мучился и сам, чувствуя себя больным писателем больного поколения. Выходом из тупика был народ. Только в нем находил Достоевский то, о чем он мечтал: отсутствие дуализма, твердую веру, ясный взгляд на жизнь, смелость, силу и отвагу дерзания.

Что же представлял из себя этот народ? Отличительной особенностью русского характера Достоевский считал его полярность: «Это, прежде всего, забвение всякой мерки во всем... Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну, и, в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее»⁵. К особенностям русского ха-

рактера он относил: простодушие, честность, искренность, широкий ум. Все эти качества гармонически соединяются в русском человеке. В нем нет наивного глупого довольства собой. У русского человека в душе живет стремление к правде, которое нельзя уничтожить ни давлением, ни унижением, ни развратом. Русский человек стремится к братскому единению с другими и откликается на чужие страдания, делясь последним с ближними.

Понимание чужих страданий и собственных недостатков, умение критически относиться к себе, широкая гуманность предопределили, по мнению Достоевского, особый взгляд русских на преступника как на несчастного и на преступление, как на несчастье. К отличительным чертам характера русского народа Достоевский относит, с одной стороны, развитие государственного начала до деспотизма, с другой — крайнее свободолюбие до анархии и бунта. Русский народ отличается прирожденной религиозностью и, хотя плохо знает евангелие, но он носит Христа в своем сердце: «Христос — есть, может быть, единственная любовь русского народа, и он любит его до страдания». В судьбах настоящих и будущих православного христианства «заключена вся идея народа русского, в его служении Христу и жажде подвига за Христа». По мнению Достоевского, Россия для того лишь и существует, чтобы служить Христу и защищать от неверных мировое православие.

Приведенные замечания бездоказательны и спорны. Представители каждой религии утверждают, что только их религия истинная. Да к тому же, сама мысль о «неверных» расплывчата. Религиозные взгляды Достоевского, как отмечалось, вызвали ожесточенную критику. К. Леонтьев писал, что утверждение Достоевского о том, что «в русском христианстве есть только одно человеколюбие, один Христов образ, противоречит истинному православию».

Между теоретическими высказываниями Достоевского о народе и практическим показом жизни народа было расхождение. Часто настоящее положение народа изображалось в «Дневнике» в безотрадных красках. Грязь, грубость, эгоизм, унижение слабых, руга-

тельства, бедность, пороки, — все это искажало образ «народа-богоносца». Достоевский объяснял неприглядные явления историческими причинами. В «Дневнике» за 1876 г. в статье «О любви к народу» он пишет, что во время своей исторической жизни народ был «развращаем и мучим». «Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи брильянты» 6.

«Крепостники плюют на народ со всей откровенностью... они сыплют на него удивительные обвинения: связанного двести лет сряду дразнят пассивностью; бедностью, с которого драли оброк, обвиняют в нечистоплотности, ненаученного ничему обвиняют в ненаученности, а битого палками — в грубости нравов» 7.

«Великий народ наш был взращен как зверь», вытерпел страшные невыносимые мучения и, если он «груб и безобразен и грешен», то все же в нем таятся огромные положительные силы. Надо принимать во внимание не ту степень падения, на которую народ способен, так-как это обусловлено прошлым, это «тина веков», она пройдет, а нужно учитывать ту высоту духа, на которую он может подняться. Идеалы народа положительные и, когда «переменятся обстоятельства, разврат соскочит с народа».

Ненавистная Достоевскому теория об экономических причинах, изгоняемая им в дверь, влезала в окно. Для того, чтобы русский народ мог освободиться от «тины веков» нужно было изменить существующие условия его жизни: улучшить его положение и дать образование. «Грамотность прежде всего, грамотность и образование усиленные, — вот единственное спасение, единственный передовой шаг» 8. Правда, цитируемые строки были написаны в 1861 году, но взгляды Достоевского по этому вопросу не изменились. В «Дневнике» за 1876 г. он пишет, что «никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу жить и мыслить иначе как с верой, что все наши 90 миллионов русских (или там сколько их наро-

дятся) будут все когда-нибудь образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и твердо верую, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, чем где бы то ни было»⁹.

По мнению Достоевского, национальной идеей русских является общечеловеческое всемирное единение.

Достоевский, вопреки славянофилам, осуждает древнюю Россию за то, что она была замкнута и изолирована, следовательно, неправа. Нации должны жить не только для себя, но и для человечества.

Идея Достоевского о великом всемирном братском единении людей, является ведущей идеей всей его творческой деятельности. Нельзя не признать ее величия, но характеризуя русских, писатель допустил преувеличения. Трудно согласиться с тем, что только русские из всех народов «полны христианской высочайшей мысли, которую не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противоречащим самому себе лютеранством»¹⁰, — и что только русские обладают истинным Христом.

Россия и Европа

Достоевский всегда тесно связывал судьбу России с судьбой Европы. Следовательно, говоря о России, необходимо остановиться на ее взаимоотношениях с Европой. Взгляды Достоевского на Европу отличались большим постоянством. Еще в журнале «Время» за 1861 год, он заметил, что Европа не знает России и знала ее до настоящего времени только по тяжелой необходимости. Для Европы Россия — одна из загадок Сфинкса. По мнению Достоевского, скорее изобретется жизненный эликсир, чем постигнется Западом «русский дух, характер и его направление. В этом отношении даже луна теперь исследована подробнее, чем Россия». Европейцы знают, что в России есть места, где «езды на собаках, что, кроме собак, в России есть и люди очень странные, на всех похожие, и в то же время, как будто ни на кого не похожие, как будто европейцы, а между тем как будто

и варвары. Знают, что народ наш довольно смысленный, но не имеет гения, очень красив, живет в деревянных избушках, но не способен к высшему развитию по причине морозов, а русский солдат — совершенная механика, сделан из дерева, ходит на пружинах, не мыслит и не чувствует и поэтому довольно стоек в сражениях»¹¹. Европейцы ненавидят Россию и не имеют ни малейшего понятия о ней. Когда дело коснется России, то «точно горячешный человек в темноту забормочет черт знает что такое!». Хотя Европа живет с Россией уже 200 лет, она относится к России подозрительно, смотрит на Россию «как на роковую загадку, Бог знает откуда явившуюся, и которую надо, однако же разрешить».

В «Дневнике» за 1877 г. Достоевский пишет, что Европа русских не признает своими «презирает втайне и явно: считает низшими себе как людей, как породу». Это отношение Достоевский объясняет тем, что Россия виновата перед Европой уже тем, что «она Россия, а русские тем, что они русские, т. е. славяне: ненавистно славянское племя Европе». Ненависть вызывается различиями. В русском характере выступает способность «всепримиримости, всечеловечности». Русский человек может до тонкости понять любого европейца, любого европейского писателя, европейцу же трудно понять русского и даже выучиться русскому языку. Еще труднее для него постигнуть внутренний мир русского человека. Непонятное вызывает недоверие и неприязнь. Поэтому русские еще долгое время будут одиноки среди европейских народов. Многое в России настолько отличается от Европы, что русские, по сравнению с европейцами, «почти как на луне сидят».

Как же относился Достоевский к Европе? В «Дневнике» за 1877 год он пишет: «Нам от Европы никак нельзя отказаться, Европа нам второе отечество... Европа нам почти так же всем дорога, как России»¹². Достоевский не сомневался в том, что будущее Европы принадлежит России. Его больше занимал вопрос о том, «что будет тогда делать Россия в Европе? Какую роль играть в ней? Готова ли она к этой роли»¹³. Достоевский беспокоился за будущее Европы, так как в ней «подкопано гражданское основание всех наций». Конвент, уни-

чтожив крупную собственность, предал Францию «безграничному владычеству буржуазии». Последняя ожесточила пролетариат «извратила естественный ход стремлений демократических и обратила их в жажду мести и ненависти». Это положение привело к разложению Франции изнутри. Сохранился призрак целостности. Единение исчезло. «Олигархи имеют в виду лишь пользу богатых, демократия лишь пользу бедных, а об общественной пользе и о будущем всей Франции никто теперь не заботится» 14.

Достоевский был уверен, что гибель Европы неизбежна и исторически обусловлена, но не радовался этому, как славянофилы, полагавшие, что «туда ей (Европе) и дорога», а объяснял все историческими причинами. Европа должна погибнуть потому, что не «может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственно цели и слагались до сих пор все гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы» 15. Пролетариат при первых потрясениях, которые будут вызваны любой войной, не будет «по прежнему терпеливо ждать, умирая с голоду». Он бросится на Европу и уничтожит все старое и волны разобьются лишь «о берег России».

Доказывая неизбежность гибели Европы, Достоевский должен был ответить на вопрос, почему же все это ожидает Европу, а не Россию? В России так же развивалась промышленность, а вместе с ней пролетариат, который находился не в лучшем положении, чем на Западе. Следовательно, были те же самые противоречия и вопрос был только во времени. На Западе катастрофа могла быть раньше, а в России позже. С этим согласиться Достоевский не мог. Он создает теорию о том, что гибель Запада обусловлена его католицизмом. Вопрос с социальной почвы переносится на религиозную. Обычно нападения Достоевского на католицизм рассматриваются с каких угодно позиций только не с этой. В действительности же существует тесная связь между проблемами. Достоевский пытался доказать, что в России невозможен материалистический социализм по-

тому, что она православная, следовательно за возникновение социализма ответствен католицизм.

Нет смысла критиковать это давно опровергнутое историей утверждение. Оно имеет интерес как иллюстрация противоречий, мучивших Достоевского, но нельзя все сводить к одним противоречиям. Писатель не был слепым ненавистником Запада, а ненавидел существовавший в нем общественный строй и мечтал о братском единении всех народов, которое должны были, по его мнению, осуществить славяне.

Достоевский и Славянство

Достоевский был не только гениальным писателем, но и мыслителем, которого глубоко волновала судьба России и судьба человечества.

Тот строй, при котором «миллионы людей, прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме... ищут выхода, чтобы не задохнуться»¹⁶, был неприемлем для Достоевского. «Я никогда не мог понять мысли, — замечает он, — что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами остаться во мраке»¹⁷. Он мечтал о «всечеловеческом единении», когда народы будут жить без войн, помогая друг другу.

В мечтах Достоевского отразились не только его надежды на лучшее будущее, но и гнев на тот общественный порядок, при котором «великий народ русский был взращен как зверь, претерпел мучения такие..., каких ни один народ в мире не вытерпел бы»¹⁸, отразилось негодование писателя за «униженного человека», которому «страшно много на земле терпеть, страшно много бед».

Достоевский стремился найти выход из создавшегося положения. Он полагал, что человечество сможет пойти по новому пути, если найдется народ способный объединить всех и послужить всем. Этим народом, по его мнению, были славяне. Самым могучим из славянских народов был русский. Следовательно, говоря об

отношении Достоевского к славянству, целесообразно иметь полное представление о его взглядах на Россию и русских.

Достоевского часто называют националистом и сверхнационалистом. В этом есть доля правды. Он был патриотически настроен с юности, с годами его любовь к России и русским усилилась до крайности. В письме к А. Майкову от 18. 1. 1856 г., говоря о своем отношении к России, Достоевский замечает: «Идеи меняются, сердце остается одно... Я всегда был истинно-русский — говорю вам откровенно»¹⁹.

Почему же Достоевский так любил Россию? Почему он утверждал, что «русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества»? Был ли он просто сверхнационалист? На эти вопросы мы найдем ответ, рассматривая его высказывания о России и русских.

Сравнивая русских с европейцами, Достоевский приходит к выводу, что «в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, в нем, по преимуществу, выступает способность высоко-синтетическая, способность всепримиряемости, всечеловечности.. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности»²⁰. К положительным чертам русского народа Достоевский относил: способность самокритики, реализм, отсутствие самовозвышения, свободу духа, огромную решительность, сильную волю, способность выполнять свои решения, не отступая ни перед чем, и дар понимать все другие национальности. Русские стойки в своих идеях и умеют дать отпор всему, что им противоречит. Они твердо верят в существование правды-справедливости, понимают чужие страдания и стремятся помочь людям в беде. Говоря о русском народе, необходимо отметить, что к русским Достоевский причислял украинцев и белоруссов, полагая, что в процессе вековой борьбы с общим врагом, все три племени настолько сжились, настолько смеша-

лись, что должны без всяких различий иметь одинаковые права и обязанности.

Характеризуя русских, Достоевский считает одной из главных черт этого народа: «Необыкновенное общечеловеческое стремление, неслыханное и беспрецедентное между народами». «Русские приняли в себя общечеловеческое начало и даже сознали, что они назначены судьбою для общечеловеческого мирового соединения». Последнее утверждение неоднократно повторяется Достоевским. «Величайшее из величайших назначений, уже созданных русскими в своем будущем есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству»²¹. «Национальная идея русская, есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение»²². «Мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там еще не слыхали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе никто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей»²³, потому что, «русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»²⁴. «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей всечеловеком, если хотите»²⁵.

«Я верю, что будущие, грядущие русские люди, поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значит: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а, в конце концов, может быть, и изречь окончательное Слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия

всех племен по Христову Евангельскому закону» 26. «Для настоящего русского Европа и удел всего великого Арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» 27.

В противоположность славянофилам, Достоевский не замыкался в национальной ограниченности, замечая, что русским нельзя отказываться от Европы, так как «Европа наше второе отечество, Европа нам почти так же в сем дорога, как Россия: в ней есть Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама» 28.

Как видно, Достоевский был уверен, в том, что выполнить великую миссию братского объединения всех народов могли только русские. Первым шагом выполнения этой миссии, по его мнению, должна была быть помощь в освобождении славянам.

В конце 14 века турки завоевали Болгарию, Сербию, Боснию, а впоследствии Хорватию. Словакия, Чехия, Словения, Далмация находились под австрийским гнетом.

Славянские народы упорно боролись за свою независимость. В этой многовековой кровавой борьбе выявилась одна интересная черта: славяне хотели свободы не только для себя, но для всего человечества. С этой точки зрения интересен манифест Пражского всеславянского конгресса, который состоялся в 1848 году в Праге. На конгрессе присутствовало 350 делегатов и были представлены все славянские народы, за исключением Болгарии, делегаты которой не были выпущены из страны.

На конгрессе обсуждалась проблема объединения славян. В Манифесте конгресса было отмечено, что славяне не стремятся к завоеваниям и угнетению других наций, но что они любят свободу не меньше других и не склонны быть рабами. Конгресс, провозглашая необходимость объединения славян, ставил вопрос о братском объединении народов. Манифест конгресса был не только адресован славянам, но и народам Европы. Славяне,

которых многие считали низшей расой, оказались первыми, провозгласившими необходимость объединения человечества, необходимость мира и дружеского сотрудничества между народами. Конгресс показал славянство как прогрессивную и передовую нацию, которая начала борьбу за общечеловеческое единение.

Славяне в борьбе за свободу возлагали все свои надежды на русский народ, который самоотверженно и бескорыстно помогал им. Россия вступала в многочисленные и тяжелые войны с Турцией, спасая восставших славян от поголовного уничтожения. Так 20 апреля 1875 года вспыхнуло восстание в ряде болгарских сел, но у восставших не было достаточно оружия и восстание, несмотря на отчаянное сопротивление, было подавлено. Начались кровавые расправы.

Достоевский, как друг славянских народов, выступил на защиту славян. В статьях «Дневника»: «Война. Мы всех сильнее», «Не всегда война бич, а иногда спасение» и других, он призывал русский народ помочь славянам, критикуя противников вооруженного выступления: «Все это казенные фразы, все это только набор самых ничтожных высоких слов для известной цели. Биржевики, например, чрезвычайно любят теперь толковать о гуманности». «Война может быть и должна быть осуждена, если она ведется «не из-за великой и справедливой цели, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам, из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков»²⁹.

Достоевский осудил не только турок, истреблявших болгар, но и те европейские нации, которые молчаливо допустили это страшное истребление. Он требовал объявления Россией войны Турции, призывал русский народ выступить на защиту болгар и сербов, приветствовал русских добровольцев, которые еще до объявления войны, отправились в Сербию, чтобы сражаться с турками. Достоевский описал те истязания, которым подвергались болгары в то время, когда: «Вся Европа... вот те самые люди и нации, которые кричали против невольничества, уничтожили торговлю неграми, уничтожили у себя деспотизм, провозгласили права человечества... вот

те самые народы и нации вдруг, все (почти все), в данный момент разом отвертываются от миллионов несчастных существ — христиан, человек, братьев своих, гибнущих, опозоренных, и ждут, ждут с надеждой, с нетерпением — когда передавят их всех, как гадов, как клопов, и когда умолкнут, наконец, все эти отчаянные призывные вопли спасти их, вопли — Европе досаждающие, ее тревожащие. Десятки, сотни тысяч христиан избиваются. В глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык: селения истребляются, церкви разбиваются в щепы... А Европа, христианская Европа, великая цивилизация, смотрит с нетерпением, когда же передавят этих клопов»³⁰.

Это происходит потому, что Европа уверена, что Россия, освободив славян, усилится, «низринется варварской ордой на Европу и уничтожит цивилизацию (вот ту самую цивилизацию, которая допускает такие варварства!)».

Статья заканчивается грустным вопросом: «Где же правда, неужели и вправду мир еще так далеко от нее? Когда же пресечется рознь и соберется ли когда человек вместе, и что мешает тому?»

Рассматривая отношение Европы к славянам, Достоевский приходит к выводу, что в случае беды, славяне могут надеяться только на Россию, так как только она способна бескорыстно помочь им. Потому что «выгода России не в захвате славянских провинций, а в искренней и горячей заботе о них и покровительстве им, в братском единстве с ними и в сообщении им духа и взгляда нашего на воссоединение славянского мира». Вся славянская идея для русских есть жертва, «потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем, чтоб, уравнив его с собой в свободе и политической независимости, тем самым основать впрямь великое всеславянское единение... на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире»³¹.

Достоевский указал славянству, что без «единящего огромного своего центра России — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России сла-

вянам, исчезнуть с лица земли вовсе»³². «Не будь России, великого восточного центра и великой влекущей силы, единство славян мигом бы развалилось, рассеялось в клочки и даже так, что самая национальность их исчезла бы в европейском океане, как исчезают несколько отдельных капель воды в море»³³. Россия должна помогать славянам бескорыстно, у нее и «мысли быть не должно никогда, чтобы расширить на счет славян свою территорию, присоединить их к себе, наделать из их земель губерний», но Россия должна «всегда обнажить меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность». Россия должна помогать славянам, для того, чтобы «жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать, в конце концов, великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, вознести, наконец, всех малых сих до себя... вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите,.. выше нет целей, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности... Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству»³⁴. «Служение России славянству теперь еще не окончится, а будет продолжаться в веках».

Достоевский не устает повторять, что славяне должны объединиться для служения человечеству, что придет время, когда «Россия во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству... свое новое и еще неслыханное миром слово, слово это будет сказано во благо и в соединение всего человечества новым братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян»³⁵.

Россия вступила в войну с турками ни для того, чтобы покорять, приобретать и расширять границы за счет славян, она хочет «освободить, восстановить угнетенных и забытых, дать им новую жизнь для блага их и человечества». Помощь славянам в их борьбе за свободу есть нравственный долг России, хотя говорят, что Россия не должна идти на встречу своей явной невыгоде. Но в чем выгода России? Выгода России в том, что если

необходимо, то она должна пойти на «явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости». Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. «Эта идея есть всеединение славян, но всеединение это не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству» 36.

Как видно, для Достоевского объединение славян было первым шагом к объединению народов. С этой точки зрения делается понятным его замечание о том, что на «Востоке загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы» 37.

В статьях, посвященных восточному вопросу, Достоевский выступает не только как друг всех славянских народов, но как гуманист и друг человечества. Он любил славян не как сверхнационалист, а как великий мыслитель, думавший о счастье всего человечества. Но почему же в таком случае, Достоевский заботился об усилении русской армии, требовал завоеваний в Азии, построения стратегических железных дорог? Потому, что в условиях ожесточенной борьбы за рынки и колонии только могущественная Россия, по его мнению, могла освободить славян и выполнить свою мировую миссию.

Конечно, сама по себе концепция о народах-мессиях не нова. Избранным народом считали себя евреи. Гегель полагал, что задача объединения всех наций выпала на долю Германии, но у Достоевского было другое. Он требовал от России и славянства жертвенного служения всему человечеству, мечтал о счастье всего человечества. Во многом Достоевский ошибался: часто смешивал социальные проблемы с религиозными, был несправедлив к некоторым европейским народам, чрезмерно идеализировал русских и преувеличивал значение православия, но все это не должно затенить величия его главной идеи — «единения всечеловеческого».

ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ ДОСТОЕВСКОГО

Речь о Пушкине была произнесена Достоевским в Москве 8-го июня 1880 года на многолюдном заседании «Общества любителей Российской Словесности», посвященном открытию памятника Пушкина. Этой «Речи» Достоевский придавал огромное значение. В ней он провозгласил свои любимые идеи, «Речь» была завещанием Достоевского.

Посвящение «Речи» Пушкину не было случайностью. Достоевский любил поэта и находился под мощным воздействием его творчества и идей. Пушкину было посвящено немало страниц в «Дневнике писателя». Из произведений Пушкина Достоевский брал эпитафии к своим романам и любил заставлять своих героев цитировать стихотворения Пушкина или даже читать их целиком. О преклонении перед Пушкиным говорят и письма Достоевского: «Читал только Пушкина и упивался восторгом, каждый день нахожу что-нибудь новое»¹, — пишет Достоевский своей жене из Эмса в 1874 году. Для него Пушкин был не только великий поэт, но и великий мыслитель, поставивший на разрешение ряд проблем мирового значения. Эти проблемы занимали Достоевского, о них он говорил в своей «Речи».

По свидетельствам современников и самого Достоевского «Пушкинская Речь» имела огромный успех и произвела потрясающее впечатление на слушателей. Незнакомые люди обнимали друг друга, плакали, давали слово быть лучше, некоторые даже падали в обморок. Достоевского засыпали цветами и поднесли ему огромный лавровый венок.

А. Скабичевский заметил, что «Речь» создала такую популярность Достоевскому, какой он не пользовался в продолжении всей его жизни. «Со всех концов Петербурга и краев России к нему беспрерывно приходили с выражениями поклонения, с просьбами о помощи, с вопросами, с жалобами... возражениями против него»².

Скабичевского никак нельзя заподозрить в пристрастном отношении. Всего год назад на страницах газеты «Молва» (№12, 18 октября 1879 г.) он писал: «Есть что-то мрачное, могильное... и прибавим бесплодное в общем характере музыки г. Достоевского за последние годы. Скитом и склепом пахнут рисуемые им образы... это уже не образы, а какие-то призраки, вы чувствуете себя не в обществе живых людей, а в каком-то царстве мертвых»³.

Что же из себя представляла «Пушкинская Речь»? Сказал ли Достоевский «новое слово», или как искусный оратор увлек восторженную аудиторию? В многочисленных статьях, посвященных этому событию, преобладает второй взгляд. Журналисты, признавая огромный успех «Речи», относились весьма критически к ее содержанию. К. Леонтьев, заметил: «Потрудитесь постичь Достоевского в его «Пушкинской речи» об окончательной мировой гармонии? Не о космической, не о мистической всеобщей гармонии он, видимо тут говорит. Нет, ни о какой-то таинственной «новой земле под новым небом» он пророчит, в таком пророчестве о таинственном, эта неясность была бы уместна... Но Достоевский, видимо, пророчит окончательную гармонию социальную, историческую, международную, имеющую водвориться только благодаря некоторому преобладанию русского народа с его «смирением» и вообще с его высшими качествами»⁴.

Леонтьев утверждал, что в «Речи» значительная часть мыслей не особенно нова: «О русском смирении, терпении и любви говорили славянофилы и Тютчев. О «всеобщем мире» и «гармонии» заботились и заботятся, к несчастью, многие у нас и на Западе: В. Гюго, Гарibaldi, Прудон, Кабе, Фурье, Ж. Занд — новым же было в «Речи» Достоевского приложение этого полухристианского, полуутилитарного, всепримиря-

тельного стремления, к многообразному, чувственному, воинственному, демонически-пышному Пушкину» 5. «В «Братьях Карамазовых» мистическое чувство у Достоевского выражено слабо, а чувства гуманный идеализации даже в речах иноков выражаются весьма пламенно и просторно... И вдруг эта речь! Опять эти «народы Европы». Опять это последнее слово «всеобщего примирения»! Этот «всечеловек!» 6.

По мнению Леонтьева, своей «Речью» Достоевский внес «розовый» оттенок в христианство. «В «Речи» не упомянуто о самом существенном о церкви! Пересказано лишнее о какой-то окончательной(?) гармонии» 7. Леонтьева удивляет отношение Достоевского к социализму. «В «Записках из подполья» было правильное, а здесь что?» 8.

Леонтьев понял, что социальные проблемы волновали Достоевского больше, чем религиозные, и что Достоевский мечтал об устройстве рая на земле.

Глеб Успенский сначала дал положительный отзыв о «Речи», но потом пересмотрел свое мнение и критиковал «Речь» с противоположных Леонтьеву позиций. Он упрекал Достоевского за проповедь смирения, за противоречивость, за отсутствие ясных и четких указаний молодому поколению.

В призыве к смирению обвинял Достоевского профессор А. Градовский. Он полагал, что в «Речи» «нет и намек на идеалы общественные», что Достоевский хочет разрешить общественные противоречия при помощи идеи нравственного самоусовершенствования человека. Градовский защищал Алеко и Онегина, которых Достоевский характеризовал, как оторвавшихся от почвы эгоистов. Градовский объяснял появление лишних людей социальными причинами, полагая, что «личная и общественная нравственность не одно и то же» и, что через личное совершенствование отдельных членов общества общественное совершенствование не может быть достигнуто. Он упрекал Достоевского за то, что тот, порицая гордость отдельных людей, призывал к неумеренной гордости целый народ, у которого было слишком много отрицательных черт, обусловленных тяжелым прошлым.

Статьей Градовского не исчерпывалась критическая

литература о «Речи». В восьмом номере «Русского Богатства» за 1880 год появилась статья А. Горшкова под заглавием: «Проповедник нового слова». «Можно ли допустить, — пишет Горшков, — чтобы разумное с виду человеческое существо, да еще одаренное яркой Божьей искрой, могло до такой степени утратить всякое чутье реальной действительности, до того отуманить свое понимание всякими фикциями и фантасмагориями, чтобы заваливающую тряпичку, привязанную к шесту, искренне считать победным стягом человечества, а какую-то абракадабру полуфраз, полумыслей — выдавать за стройное мирозерцание»⁹.

Горшков утверждает, что и раньше Достоевский говорил «афоризмами, пророчествами, считая излишним подкреплять свои излюбленные аксиомы какой-нибудь аргументацией. Ныне он окончательно принимает учительский тон и поет, вопиет, взывает, глаголет — все что хотите, только не говорит и не доказывает. С Пифиями не спорят их или беспрекословно слушаются или смеются. Не будем спорить с Достоевским и мы, а посмеяться посмеемся»¹⁰. По мнению Горшкова, «Речь» представляет из себя сумбур идей. В «мирозерцании Достоевского нет решительно такого центрального пункта, около которого и на основании которого группировались бы его частные воззрения или, вернее сказать, таких пунктов у него несколько и все они основные»¹¹.

Горшков соглашается с отдельными положениями, развиваемыми в «Речи». Для него вполне приемлем взгляд Достоевского на Запад и на возможность гибели существующего там строя. Горшков с любовью относится к русскому народу, но замечает, что кротость народа, о которой говорит Достоевский, есть ничто иное как «метания в безысходной тоске» людей, которые не понимают причин своих страданий и не знают средств, которые дали бы возможность от них избавиться. При подобном положении необходимо помогать народу, а не восхищаться им.

Горшков обвинял Достоевского в поддержке консерваторов: «Вы, г. Достоевский, вы, — понимаете ли вы это! — играете в руку никому другому, как именно этим господам. Ваш талант таскает каштаны для них, ваша энергия служит их целям, ваш наивный фанатизм

им как нельзя более на руку, ваше, наконец, новое слово, могучая поддержка только для их, как мир старых, мерзостных планов»¹².

«Отечественные Записки» откликнулись на «Речь» статью Н. Михайловского, который охарактеризовал «Речь» как «забавную окрошку из парламентаризмов, гражданских теорий, банков, наук и жидов, намелко искрошенных г. Достоевским и бессильно плавающих в миске с русским квасом»¹³. Достоевский ограничивает «всемирность» одним арийским племенем, что вызывает восторг в изданиях подобных газете «Берег», которая высказывает с неудержимым стремлением наложить на него клеймо своего сочувствия»¹⁴.

Михайловский критикует Достоевского за проповедь смирения и нравственного самоусовершенствования, но соглашается с ним в том, что в Европе в ближайшем будущем могут произойти огромные перемены. Как и Достоевский, Михайловский верит, что Россия пойдет особым путем развития, если управление страной будет в руках благонамеренно-настроенной центральной власти и народа.

Критикуя теорию смирения Достоевского, Михайловский советует последнему для пробы поступить в сельские учителя и там поговорить о том, что «не может одна малая часть человечества владеть всем остальным как рабом». «Пусть, — продолжает критик, — попробует он в этом направлении поработать на родной ниве, а мы посмотрим в каком виде он оттуда выскочит... Вот о себе, в себе, под собой... это всякому союзу (врагов народа) наруку»¹⁵.

Михайловский старается разъяснить Достоевскому, что можно отказаться от политической свободы, ради «возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства»¹⁶, но если это невозможно, так лучше конституция, чем произвол.

Статья Михайловского отличается, несмотря на резкость тона, особой серьезностью. Он понимал, что Достоевский все же близок народникам и критиковал его за «недостаточную радикальность». «Достоевский нашу же идею заливает деревянным маслом из лампы, в которую и мухи попали и разная другая нечисть»¹⁷.

С хвалебной статьей о «Речи» Достоевского выступил «Русский Вестник» (1880 г., н. 9), но в ней не было ничего оригинального, так как автор ограничился одними комментариями.

Как видно из приведенных цитат, современные Достоевскому критики живо откликнулись на «Пушкинскую речь». Большинство замечаний, хотя они сделаны людьми, принадлежавшими к разным направлениям, справедливы. Нет смысла отрицать противоречивость Достоевского, но нет смысла, основываясь на этой противоречивости, сводить к нулю все содержание «Речи». В основу ее была положена определенная идея, которая и была воспринята современниками как «новое слово».

Что же из себя представляла «Пушкинская речь»? Позднейшая критика не считала нужным останавливаться на ней, так что целесообразно рассмотреть все заново.

В деталях, содержание «Речи» не отличалось оригинальностью. Сам Достоевский признавал, что он высказал неновые мысли и что обо всем этом уже говорилось. Действительно, у петрашевцев, Гоголя, Белинского и славянофилов можно найти много сходного. Хомяков утверждал, что русские должны сказать миру новое слово, о мировой гармонии писали петрашевцы. Белинский полагал, что русский народ должен «выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание» и что русские «призваны сказать миру свое слово, свою мысль».

Даже заключительные строки «Речи» Достоевского: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну»¹⁸, сходны со строками о Пушкине Белинского: «Много творческих тайн унес с собой в раннюю могилу этот могучий поэтический дух»¹⁹. Но дело не в этом сходстве. Пусть нам известны кирпичи, из которых построено здание, но здание все же остается зданием, а не кирпичами.

«Пушкинская речь» невелика по объему, но сопровождается «Объяснительным словом». В нем Достоевский пишет, что целью его «Речи» было выдвинуть и обосновать следующие четыре пункта:

1. Пушкин образами Онегина и Алеко показал отрыв

интеллигенции от народа и ее беспочвенность, указав, что интеллигентное общество должно объединиться с народом,

2. Пушкин первый «дал художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде»,

3. У Пушкина есть «та особая, характернейшая и не встречаемая, кроме него, нигде и ни у кого способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, перевоплощения почти совершенного»²⁰.

4. Эта способность всецело русская национальная и Пушкин только, как совершенный художник, явился современным ее выразителем.

Достоевский первый обратил внимание на огромную отзывчивость Пушкина или, как назвал ее Тургенев, «силу самобытного присвоения», и показал, что дело тут не в «присвоении», и не в том, что на Пушкина «вливали» те или другие поэты, а в способности Пушкина перевоплощаться. Анализируя творчество Пушкина, можно видеть, что эта способность действительно у него была развита как ни у кого из русских и западных поэтов и писателей. Шекспир, Байрон, Шиллер, Лермонтов, Тютчев и другие имели каждый свое национальное лицо. Для Пушкина не существовало национальных ограничений, оставаясь русским, он, в то же самое время, был гражданином мира.

По мнению Достоевского, русский народ мог понимать все другие национальности и поэтому должен был выступить объединителем всего человечества в великую братскую семью; должен был сказать новое слово всему миру.

Как видно, главным в «Речи» был вопрос о переустройстве жизни на земле на новых началах. Достоевский провозгласил идею о «всеевропейском и всемирном» назначении русского человека. Заявил, что для русского «стать настоящим русским значило стать братом всех людей, *«В с е ч е л о в е к о м»*».

Композиция «Пушкинской речи» отличается большим своеобразием. Достоевский старался сделать свои мысли как можно более доступными. широкому кругу читателей. «Речь» построена по принципу усиления. В

начальных строках, сославшись на Гоголя, Достоевский пишет, что Пушкин был не только явлением чрезвычайным, но и пророческим. «Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое»²¹. Через шесть строчек снова: «Пушкин есть пророчество и указание»²². Через три строчки опять: «Я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его»²³. Частое повторение в разных вариантах одной мысли как удары молота вбивают ее в головы слушателей. Убедившись, что первое, положение обосновано в достаточной степени, Достоевский переходит к развитию темы. Для оживления содержания, он вводит в текст элементы дискуссии, давая возможность оппонентам высказывать их мысли, как, например: «Это нам-то, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?»²⁴. Для усиления воздействия «Речи» на слушателей, Достоевский часто обращается к аудитории с риторическими вопросами: «Согласились ли вы быть архитектором такого здания?», «Можете ли вы допустить?», «Скажите, могла ли решить иначе Татьяна?». Он вовлекает аудиторию в обсуждение проблем, и в конце, четко формулирует свои выводы, как общие с читателями. Например, обсудив отказ Татьяны идти с Онегиным, Достоевский заключает: «Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным». От частного к общему. От критики «ски-тальцев» к положительным образам, от них к характеристике русского народа и его мировых задач.

Стиль «Речи» часто меняется. В тех местах, где говорится о Пушкине, содержание проникнуто лиризмом. Онегин и Алеко описываются иронически. Часто ирония переходит в сарказм. Возвышенный тон сменяется разговорной речью, последняя проповедью. Часто Достоевский для характеристики героев берет цитаты из различных произведений. В сравнительно небольшой «Речи» имеется десять цитат из стихотворений и поэм Пушкина. Усиливали воздействие «Речи» на аудиторию афоризмы. Они делали мысли писателя еще более яркими и четкими. Свои рассуждения Достоевский старался закончить краткими заключениями, как например: «Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа», или «Какое же может быть

счастье, если оно основано на чужом несчастье». Часто Достоевский обращается к повелительной форме: «Смирись, гордый человек, смирись, праздный человек», приводит сравнения, подбирает яркие и выразительные эпитеты: «правда бесспорная и осязательная», «чистая душа», «пострадавшее сердце», «Татьяна — тип твердый», «фантастический и нетерпеливый человек», «осяземо-реальный вид», «сильная и глубокая мысль».

Язык «Пушкинской речи» заслуживает особого внимания. Как искусный мастер, Достоевский использовал всю полноту, все богатство русского лексикона. В «Речи» есть лирические описания: «в глуши, в сердце своей родины», «родная нива», «задушевно»; и сентиментальные выражения типа: «лоно природы», «любезная душа»; и приподнятый стиль: «бессмертная недостижимая поэма», «тип положительный и бессмертный», «великая надежда», «чудесное, неслыханное, невиданное», и ряд простонародных слов и выражений: «крепко стукнулся лбом», «не видать покоя», «взаправду», «почем знать», «глупенькая злость», «ударяются в социализм». Есть в «Речи» и архаизмы: «тлетворный», «ибо», «обагрять», «возопиет», «узришь»...

По форме «Пушкинская Речь» является замечательным образцом ораторского жанра, а ее содержание дает представление о тех идеях, которые владели писателем. «Речь» была попыткой разрешения мировых противоречий. В ней Достоевский призывал русский народ послужить человечеству, в ней отразилась вера писателя в человека и лучшее будущее его ожидающее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанная работа позволяет сделать следующие выводы:

«Дневник писателя» является завершением определенного цикла в развитии творчества Достоевского. Без изучения «Дневника» нельзя получить полного представления о Достоевском, нельзя понять его творчества, хотя бы потому, что оно состоит не только из романов. Анализируя романы, мы познаем одну сторону деятельности писателя, игнорируя другую.

«Дневник» дает возможность изучить и понять Достоевского художника, публициста, философа и общественного деятеля. В «Дневнике» обсуждались важнейшие проблемы, которые потом переносились в его романы. «Дневник» содержит богатейший материал для выяснения эстетических и этических взглядов писателя, «Дневник» дает возможность проследить творческий процесс Достоевского, заглянуть в его творческую лабораторию, понять его «высший реализм».

В «Дневнике» имеются ценные сведения о деятельности Достоевского в революционных кружках. Основываясь на высказываниях самого Достоевского, можно утверждать, что он был активным членом «тайных обществ» и «идеи юности» оказали огромное влияние на все его творчество.

В настоящее время, когда известность Достоевского с каждым годом растет, «Дневник писателя» не может и не должен оставаться в забвении.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Ткачев, П. «Журнальные заметки», «Дело», номер 6, ст. 63, 1877.
2. Скабичевский, А. «История новейшей русской литературы», ст. 18, 1875.
3. E. Carr, "Dostoevsky: a new biography", p. 268.

Глава первая

1. «Показания А. П. Баласогло», ст. 89, «Дело Петрашевцев», т. 2, М-Л, 1941.
2. Герцен, А. И. «Письма с того берега», ст. 12-13, «Избранные философские произведения», т. 2, Огиз, 1946 г.
3. «Литературное наследство», ст. 149, номер 49-50, М: 1946 г., «Архив П. Валуева».
4. Никитенко, А. В. «Дневник», ст. 546, т. 2, ноябрь 13, 1865, Гиз, 1955 г.
5. Там же ст. 471, 20 окт. 1864 г.
6. Там же ст. 46, 22 ноября 1858 г.
7. Никитенко, ст. 145, 25 февраля 1869 г., том 3.
8. Там же, ст. 69, 16 января 1876 г., т. 3.
9. Герцен, А. «Избранные фил. произв.», т. 2, ст. 129, Академия наук СССР, 1946 г.
10. Успенский, Г. «Школа и строгость», ст. 360, «Избранные произ.», Изд. «Московский рабочий» 1952 г.
11. Морозов, И. «Повести моей жизни», ст. 89, т. 1, изд. Академий наук, М-Л, 1947 г.
12. Белинский, В. «О русской повести и повестях Гоголя», ст. 108, том 1, Огиз, Москва, 1948 г.
13. Там же ст. 118.
14. «Объяснение М. В. Петрашевского о системе Фурье», ст. 76, «Дело петрашевцев, т. 1, М-Л, 1937 г.

15. Салтыков, М. «Круглый год», ст. 240, т. 8, Изд. «Правда», М., 1951.
16. Салтыков. «За рубежом», ст. 107, т. 9, М. 1951.
17. Салтыков. «Игрушечного дела людишки», ст. 367, т. 11, Изд. «Правда», М. 1951.
18. Там же ст. 368.
19. Салтыков. «История одного города», ст. 80, «Избранные сочинения», Огиз, М. 1946 г.
20. Там же ст. 80.
21. Салтыков. «История одного города», ст. 84.
22. Салтыков. «Современная идиллия», ст. 188, т. 10.
23. Салтыков. «Современная идиллия», ст. 194, т. 10.
24. Салтыков. «В среде умеренности и аккуратности», ст. 275, т. 7.
25. Там же ст. 264.
26. Салтыков. «За рубежом», ст. 38, том 9.
27. Достоевский. «Дневник писателя», ст. 187 том 11, С. Петербург, 1895.
28. Достоевский. «Дневник» за 1873 г., ст. 409, том 9.
29. Салтыков. «Убежище Монрепо», ст. 72, том 8.
30. Там же.
31. Достоевский. «Дневник», ст. 423, том 11.
32. Достоевский. «Дневник», ст. 24, том 9.
33. Достоевский. «Дневник», ст. 16, том 11.
34. Достоевский. «Дневник», ст. 427-428, том 11.
35. Успенский, Г. «Из деревенского дневника», ст. 421, «Избранные произведения», Изд. «Московский рабочий» М. 1954 г.
36. Там же ст. 707.
37. Достоевский. «Г-бов и вопрос об искусстве», ст. 54-55, «Дневник» за 1873 г., том 9.
38. Там же ст. 69.
39. Там же ст. 259.
40. Там же ст. 69-70.
41. Тургенев, И. «Отчаянный», ст. 366, т. 8, ПСС.
42. Достоевский. «Дневник», ст. 65, том 10.
- 43.-44. Бычков, С. «Вступительная статья», ст. 34, «Л. Н. Толстой в русской критике», М. 1954 г.
45. Достоевский. «Дневник», ст. 214, том 11.
46. Там же ст. 245.
- 47.-48. Там же ст. 245.

49. Там же ст. 247.
50. Там же ст. 272-273.
51. Там же ст. 276.
52. Там же ст. 254.
53. Лесков, Н. «Соборяне», ст. 72, изд. им. Чехова, 1952 г.
54. Там же ст. 85.
55. Там же ст. 363.
56. Достовский. «Материалы и исследования», ст. 364-365, том 2.
57. Там же.

Глава вторая

1. Достоевский. «Письма», ст. 165, т. 1. Гиз, Москва, 1928.
2. Там же.
3. Достоевский. «Письма», ст. 308, т. 2. Гиз, 1930.
4. Достоевский. «Письма», ст. 133, т. 3. Гиз, 1934.
5. Там же ст. 116, том 3.
6. Там же ст. 137, том 3.
7. Достоевский. «Письма», ст. 123, том 2.
8. Там же.
9. Там же ст. 64.
10. Достоевский. «Письма», ст. 310, том 1.
11. Альминский, П. «Алексей Слободин», ст. 65, СПб, Типография М. Стасюлевича.
12. Там же ст. 354.
13. Достоевский. «Дневник» ст. 158, том 9.
14. Страхов, Н. «Воспоминания о Достоевском», ст. 204.
15. Страхов, «Из воспоминаний Н. Страхова», ст. 239, «Семейные вечера», 1881.
16. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», ст. 24, 1883 г.
17. Яновский, С. «Воспоминания о Достоевском», ст. 805, «Русский Вестник», том 176, 1885.
18. Мережковский, Д. «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», ст. 11, С. Петербург, 1893.
19. Гоголь, Н. «Выбранные места из переписки с друзьями», «Завещание», ст. 16, том 9. Берлин, 1922.
20. Достоевский. «Дневник», ст. 29, том 11.

21. Там же ст. 30.
22. «Воспоминания А. Г. Достоевской», ст. 108.
23. Там же.
24. Белинский, «Письмо к Гоголю», ст. 708, том 3.
25. Достоевский, «Письма», ст. 91, том 1.
26. Чаушанский, Д. «Белинский и русская реалистическая иллюстрация 1840-х годов», «Литературное наследство», ст. 340-341, №57, 1951.
27. Белинский. «Русская литература в 1842 году», ст. 460, том 2, 1948.
28. Там же ст. 805.
29. Белинский. «Взгляд на русскую литературу 1847 года», ст. 782, том 3.
30. Альминский. «Алексей Слободин», ст. 334-335.
31. Даль, В. И. «Хмель, сон и явь», ст. 651, «Русские повести 19 века», том 1, Москва, 1952.
32. Там же.
33. Бутков, Я. П. «Сто рублей», ст. 507, «Русские повести 19 века», том 1.
34. Кокорев, И. «Сибирка», ст. 641, том. 1.
35. Белинский. «Петербургский сборник», ст. 85, том 3.
36. Там же.
37. «Достоевский в воспоминаниях современников», ст. 32.
38. Достоевский. «Бедные люди», ст. 49, Гиз, Москва, 1954.
39. Там же ст. 58-59.
40. Там же ст. 59.
41. Там же ст. 94.
42. Кульчицкий, А. «Необыкновенный поединок», ст. 231, «Русские повести 19 века».
43. Там же ст. 233.
44. Там же ст. 239.
45. Достоевский. «Бедные люди», ст. 50.
46. Там же ст. 51.
47. Достоевский. «Бедные люди», ст. 51.
48. Там же.
49. Белинский. «Взгляд на русскую литературу 1847 года», ст. 837.
50. Достоевский. «Зубоскал», ст. 6, т. 13, М-Л, 1930.
51. Там же ст. 7.

52. Там же.
53. Там же ст. 5.
54. Достоевский. «Петербургская летопись», 27 апреля 1847 г. ст. 9, том 13.
55. Там же ст. 10-11.
56. Достоевский. «Петербургская летопись», 11 мая 1847 г. ст. 18, том 13.
57. Там же ст. 19.
58. Там же ст. 20.
59. Там же ст. 28.
60. Там же ст. 28.
61. Достоевский. «Дневник», ст. 40, том 10.
62. Достоевский. «Дневник», ст. 72, том 11.
63. Достоевский. «Петербургская летопись», ст. 29, т. 13.
64. Там же ст. 29-30.
65. Там же ст. 31, том 13.
66. Там же.
67. Там же.
68. Достоевский. «Петербургская летопись 15 июня 1847 г.», ст. 24, том 13.
69. Там же ст. 22.
70. Там же ст. 23.
71. Там же ст. 28.
72. Там же ст. 17.
73. Там же ст. 16.
74. Там же ст. 12-13.
75. Там же ст. 13.
76. Там же ст. 20.
77. Там же ст. 27.
78. Там же ст. 25.
79. Там же ст. 8.
80. Там же ст. 10.

Глава третья

1. Достоевский. «Дневник», ст. 175, том 9.
2. Там же ст. 172.
3. Достоевский. «Письма», ст. 103, том 1.
4. Ахшарумов, Д. «Записки петрашевца», ст. 27, «Молодая Гвардия», 1930 г. Москва-Ленинград.
5. Там же ст. 33.

6. Яновский, С. «Воспоминания о Достоевском», ст. 818, «Русский Вестник», том 176, 1885 г.
7. Там же ст. 812.
8. «Исторический Вестник», ст. 483-484, март 1881 г. Москва.
9. Милюков, А. «Литературные встречи и знакомства», ст. 169-170, С. Петербург, 1890 г.
10. Там же ст. 171.
11. «Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев», ст. 131, «Красный Архив», т. 45, Центрархив, 1931 г. М.-Л.
12. Чулков, Г. «Достоевский и утопический социализм», ст. 145, «Каторга и ссылка», 1929 г.
13. Там же.
14. Там же ст. 145.
- 14а «Рассказ А. Майкова о Ф. Достоевском», ст. 224, «Исторический Архив», №3, 1956 г.
15. Страхов, Н. «Биография», ст. 90.
16. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», ст. 503, Гиз, 1953 г.
17. Яновский, С. «Воспоминания о Достоевском», ст. 815.
18. Там же ст. 816.
19. Там же ст. 817.
20. Там же.
21. Достоевский. «Письма», ст. 29, том 2.
22. «Выписка из списка лицам, посещавшим с 11 марта сего 1849 г. собрания Петрашевского по пятницам», ст. 132, «Красный архив», т. 45, 1931 г.
23. «Показания Ф. М. Достоевского», ст. 133.
24. Там же ст. 134.
25. Достоевский. П. С. С., том 1, ст. 90, 1883 г.
26. Там же ст. 85.
27. Семенов-Тянь-Шанский, П. П. «Мемуары», ст. 204, том 1, 1917 г.
28. «Показания Достоевского», ст. 137.
29. Там же ст. 141.
30. Там же ст. 144.
31. Там же ст. 145.
32. Там же ст. 131.
33. 34, 35. «Показания Ф. М. Достоевского», ст. 171, «Красный архив», т. 46.

36. Там же ст. 172.
37. Там же ст. 172.
38. Достоевский. «Показания по первому допросу», «Космополис», сентябрь, 1898 г.
39. Достоевский. «Письма», ст. 178, том 1.
40. Там же.
41. «Показания Достоевского», ст. 132, «Красный архив», т. 45.
42. Ахшарумов, Д. «Записки петрашевца», ст. 109-114.
43. Достоевский. «Письма», ст. 129, том 2.
44. Милюков, А. «Литературные и житейские воспоминания», ст. 125.
45. «Проводы тела Достоевского», «Речь А. Пальма», ст. 92-93, «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», 1883 г.
46. Достоевский. «Дневник», ст. 331, том 9.
47. Там же ст. 332.
- 48, 49. Там же.
50. Там же ст. 335.
51. Там же ст. 336.
52. Там же ст. 336.
53. Жаба, С. П. «Русские мыслители о России и человечестве», ст. 141, Париж, УМСА.
54. «Московские Ведомости», номер 161, 1871 г.
- 55, 56. «Петербургские ведомости», номер 180, ст. 12, номер 190, ст. 13.
57. Достоевский. «Дневник», ст. 337, том 9.
58. Там же ст. 341.
59. Там же ст. 341.
60. Там же ст. 341-342.
61. Достоевский. «Дневник», ст. 169, том 10.
62. Там же.
63. Там же ст. 169-170.
64. Там же ст. 169.
65. Там же ст. 34.
66. Яновский, С. «Воспоминания», ст. 819.
67. Достоевский. «Дневник», том 12, ст. 459, «Примечания», М-Л, 1929 г.
68. Там же «Старина о «Петрашевцах», ст. 25.
69. Там же ст. 26.
70. Там же ст. 26.

71. Гернет, М. Н. «История царской тюрьмы», ст. 221-222, том 2.
72. Там же ст. 220.
73. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», ст. 41, Гиз, 1953.
74. «Второе показания М. В. Петрашевского», «Дело петрашевцев», ст. 28, том 1.
75. Петрашевский, М. «Философские и общественно-политические произ. петрашевцев», стр. 263.
76. Кашкин, Н. «Речь о задачах общественных наук», ст. 659, «Филос. и общест. произв. петрашевцев».
77. Баласогло. «Из показаний», ст. 597, там же.
78. Ахшарумов, Д. «Заметки», ст. 663.
79. Там же ст. 690.
80. Ахшарумов. «Речь, написанная для обеда в честь Фурье», ст. 687.
81. Петрашевский. «Объяснения о системе Фурье и о социализме: «Философ. и общ. полит. произ. петрашевцев», ст. 429.
82. Там же ст. 509.
83. «Буташевич-Петрашевский, М. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», «Неохристианство», ст. 221 (Философ. и общ. полит. произведения петрашевцев»).
84. Спешнев, Н. «Письмо к Хоецкому», ст. 496, Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.
85. Кашкин, Н. «Речь о задачах общественных наук», ст. 660.
86. Показание Ф. Г. Толя. «Дело петрашевцев», ст. 164, том 2, Изд. Академии наук, М.-Л. 1941 г.
87. Достоевский. «Дневник», ст. 84, том 9.
88. Плещеев, А. «Вперед», ст. 188, «Поэты-петрашевцы», Изд. «Советский писатель», Ленинград, 1940.
89. Баласогло, А. «Возвращение», ст. 38, там же.
90. Ахшарумов. «Земля, несчастная земля», ст. 90, там же.
91. Достоевский. «Слабое сердце», ст. 461-2, П. С. С., том 1, С.-Петербург, 1894 г.
92. Достоевский. «Честный вор», ст. 508, том 1.
93. Ханыков, А. «Речь на обеде в честь Фурье», ст. 511, «Философск. и общест. произ. петрашевцев».

94. Там же ст. 511.
95. Ахшарумов, «Заметки», 663, там же.
96. Достоевский. «Материалы и исследования», ст. 53, Изд. Академии наук, СССР, Л. 1953 г.
97. Там же.
98. Там же ст. 52.
99. Достоевский. «Дневник», ст. 297, том 9.
100. Достоевский. «Письма», ст. 34, т. 4, Гиз, 1959.
101. Достоевский. «Дневник», ст. 208, том 10.
102. Там же ст. 212.
103. Достоевский. «Дневник», ст. 522, том 11.

Глава четвертая

1. «Воспоминания А. Г. Достоевской», под ред. Л. Гроссмана, ст. 174, Гиз, М-Л, 1925 г.
2. Достоевский. «Письма», ст. 424, том 1.
3. Достоевский. «Письма», ст. 44, том 2.
4. Там же ст. 53, том 2.
5. Там же ст. 72, том 2.
6. Там же ст. 168, том 2.
7. Гоголь, Н. «Выбранные места из переписки с друзьями», ст. 124, том 9, Изд. «Слава», Берлин, 1922 г.
8. Там же ст. 141.
9. Там же ст. 103.
10. Гоголь, Н. Том 10, ст. 307.
11. Достоевский. «Дневник», ст. 246, том 11.
12. Гоголь, том 9, ст. 272-273.
13. Достоевский. «Подросток», ст. 516, том 8, Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений в 10 томах, М. 1957.
14. Гоголь. Том 9, ст. 79.
15. «Вестник Европы», номер 10, ст. 812-813, 1880 г. «Литературное обозрение», «Дневник писателя». Единственный выпуск 1880 года.
16. Достоевский. «Дневник», ст. 147, том 11.
17. Белинский. «Взгляд на русскую литературу 1846 г.», ст. 654, том 3. Огиз, Москва, 1948 г.
18. Там же ст. 644.
19. Там же ст. 652.
20. Там же ст. 654.
21. Там же ст. 654.

22. Достоевский. «Дневник», ст. 288, том 9.
23. «Дневник А. Г. Достоевской», ст. 38, запись 30 апреля, 1867 г., «Новая Москва», 1923 г.
24. Там же ст. 174.
25. Там же ст. 174.
26. Герцен. «Перед грозой», ст. 135, «Избранные философские произведения», том 1, Огиз.
27. Там же ст. 139.
28. Там же ст. 14.
29. Достоевский. «Дневник», ст. 40, том 11.
30. Достоевский. «Дневник», ст. 88, том 10.
31. Достоевский. «Дневник», ст. 301, том 11.
32. Там же ст. 495.
33. Дело петрашевцев, ст. 547, том 1.
34. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев, ст. 146, Изд. Академии наук СССР, 1953 г.
35. Достоевский. «Дневник», ст. 163, том 10.
36. Философские и общественно-полит. произвед. петрашевцев, ст. 529.
37. Там же ст. 550.
38. Там же ст. 552-553.
39. Ахшарумов. «Путешествие по вселенной», ст. 668-669.
40. Достоевский. «Сон смешного человека», ст. 132, «Дневник», том 11.
41. Данилевский, Н. Я. «Россия и Европа», ст. 49-50, изд. 5, С-Петербург, типография бр. Пантилеевых, 1895.
42. Достоевский. «Дневник», ст. 151, том 10.
43. Достоевский. «Записки из мертвого дома», ст. 177.
44. Достоевский. «Зимние заметки о летних впечатлениях», ст. 181, Париж, 1933 г.
45. Там же ст. 171-172.

Глава пятая

1. Достоевский. «Дневник писателя», т. 11, ст. 240.
2. Там же ст. 437.
3. Соловьев, В. «Воспоминания о Ф. Достоевском», ст. 845, «Исторический вестник», март, 1881 г., книга 3.

4. Достоевский. «Письма», ст. 201-202, том 3.
5. Достоевский. «Дневник писателя», ст. 439, том 10.
6. Там же ст. 439-440.
7. Достоевский. «Дневник», том 11, ст. 4.
8. Леонтьев, К. «Чем и как либерализм нам вреден?», ст. 173, «Варшавский Дневник», 1880 г.
9. «Письма А. П. Чехову его брата А. Чехова», от 18. 2. 1888 г., ст. 196, Москва, 1939 г., Гиз.
10. Достоевский. «Письма», ст. 88, том 3.
11. Там же ст. 65.
12. Там же.
13. Достоевский. «Письма», ст. 170, т. 2.
14. Достоевский. «Письма», ст. 207, т. 3.
15. Достоевский. «Бесы», ст. 138-139, УМСА Пресс. Париж.
16. Достоевский. «Подросток», ст. 253, Москва, 1955 г.
17. Достоевский. «Письма», ст. 201-202, том 3.
18. Достоевский. «Письма», ст. 201-202, том 3.
19. Там же ст. 355.
20. Достоевский. «Письма», ст. 358, том 2.
21. Достоевский. «Письма», ст. 206, т. 3.
22. Там же ст. 285.
23. Там же ст. 284.
24. Достоевский. «Дневник», ст. 438, т. 11.
25. Достоевский. «Среда», «Дневник», ст. 181, т. 9.
26. Там же ст. 183.
27. Там же ст. 184.
28. Там же ст. 185.
29. Там же ст. 182.
30. Там же ст. 185.
31. Там же ст. 187.
32. Там же ст. 188.
33. Достоевский. «Письма», ст. 81, т. 2.
34. Достоевский. «Дневник», ст. 245, т. 10.
35. Там же ст. 54.
36. Там же ст. 245.
37. Там же ст. 247.
38. Там же.
39. Там же.
40. Достоевский. «Дневник», ст. 243, том 9.

41. Достоевский. «Дневник», ст. 244, т. 9.
42. Там же ст. 283.
43. Достоевский. «Дневник», ст. 62, т. 10.
44. Там же ст. 64.
45. Достоевский. «Дневник», ст. 82, т. 10.
46. Там же ст. 86-87.
47. Достоевский. «Дневник», ст. 105, т. 10.
48. Там же ст. 107.
49. Достоевский. «Дневник», ст. 9-10 т. 11.
50. Достоевский. «Дневник», ст. 300, т. 11.
51. Достоевский. «Дневник», ст. 8, т. 11.
52. Достоевский. «Дневник», ст. 387, том 11.
53. Достоевский. «Дневник», ст. 302. т. 11.

Г л а в а ш е с т а я

1. Достоевский. «Дневник», т. 9, ст. 310.
2. Там же.
3. Достоевский. «Мальчик у Христа на елке», «Дневник», т. 10, ст. 14.
4. Там же ст. 18.
5. Достоевский. «Письма», т. 2, ст. 190.
6. Там же ст. 61-62.
7. Достоевский. «По поводу новой драмы», ст. 293, «Дневник», т. 9.
8. Достоевский. «Дневник», ст. 279, т. 9.
9. Там же.
10. Достоевский. «Дневник», ст. 271, том 9.
11. Достоевский. «Дневник», ст. 29, т. 10.
12. Достоевский. «Дневник», ст. 290, т. 10.
13. Достоевский. «Дневник», ст. 269, т. 10.
14. Достоевский. «Дневник», ст. 225, т. 11.
15. Достоевский. «Защитник и Великанова», ст. 189, «Дневник», т. 10.
16. Там же ст. 189-190.
17. Достоевский. «Дневник», ст. 412. т. 11.
18. Достоевский. «Дневник», ст. 438, т. 11.
19. Достоевский. «Смерть Ж. Занд», ст. 208, т. 10.
20. Достоевский. «Дневник», ст. 437, том 11.
21. Достоевский. «Дневник», ст. 419, том 11.

22. Достоевский. «Письма», ст. 340, т. 3. «Примечания А. Долинина».
23. Достоевский. «Письма», ст. 225, т. 3.
24. Достоевский. «Культурные типики», ст. 133, «Дневник», т. 10.
25. Авсеенко, В. «Практический нигилизм», ст. 390 «Русский Вестник», 1873 год.
26. Достоевский. «Письма», ст. 355, т. 3.
27. Достоевский. «Дневник», ст. 371, т. 10.
28. Скабичевский, А. «История новейшей русской литературы», ст. 178-179.
29. Достоевский. «Кроткая», ст. 373, «Дневник», т. 10.
30. Достоевский. «Подросток», ст. 3, Гиз, М. 1955 г.
31. Достоевский. «Кроткая», ст. 409, «Дневник», т. 10.
32. Достоевский. «Письма», ст. 13, т. 1.
33. Достоевский. «Бобок», ст. 215, т. 9.
34. Достоевский. «Бобок», ст. 229, «Дневник», т. 9.
35. Момбели, «Заметки о цивилизации», ст. 615.
36. Достоевский. «Дневник», ст. 268, т. 9.
37. Достоевский. «Дневник», ст. 288, т. 9.
38. Достоевский. «Дневник», ст. 303, т. 9.
39. Достоевский. «Дневник», ст. 133, т. 10.
40. Достоевский. «Бобок», ст. 215, т. 9.
41. Достоевский. «Полписьма одного лица» ст. 245, «Дневник», т. 9.
42. Достоевский. «Дневник», ст. 308-309, т. 9.

Глава седьмая

1. Достоевский. «Письма», ст. 63, т. 1.
2. Там же ст. 76, т. 1.
3. Там же ст. 75.
4. Там же ст. 76.
5. Ахшарумов, Д. «Заметки», ст. 663, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», 1953 г.
6. Достоевский. «Статьи за 1845-1878 г., ст. 497, т. 13, Гиз М., 1930.
7. Там же.
8. Там же ст. 506.
9. Там же ст. 235.

10. Там же ст. 250.
11. Там же ст. 258.
12. Там же ст. 302.
13. Там же ст. 526.
14. Достоевский. «Дневник», ст. 56, том 9.
15. Достоевский. «Дневник», т. 9, ст. 85.
16. Там же ст. 85.
17. Там же ст. 75.
18. Там же ст. 80.
19. Там же ст. 84.
20. Там же ст. 53.
21. Там же ст. 73-74.
22. Там же ст. 80.
23. Там же ст. 84.
24. Там же ст. 80-81.
25. Достоевский. «Дневник», ст. 459, том 11.
26. Достоевский. «Дневник», ст. 52, том 10.
27. Достоевский. «Дневник», ст. 271-272, том 9.
28. Леонтьев, К. «Достоевский о русском дворянстве», ст. 443, т. 7. «Собр. сочинений», изд. «Деятель», СПб, 1913.
29. Там же
30. Сборник «Достоевский» «Материалы и исследования», ст. 49-50.
31. Ткачев, П. «Журнальные заметки», ст. 63, «Дело», 1877 г. №6.
32. Никитин, П. «Дело», ст. 311-312, 1876 г., №6.
33. Там же ст. 313.
34. Достоевский. «Дневник», ст. 106, том 11.
35. Там же.
36. Достоевский. «Дневник», ст. 346-7, т. 10.
37. Достоевский. «Дневник», ст. 419-420, т. 11.
38. Достоевский. «Дневник», ст. 263, т. 9.
39. Достоевский. «Дневник», ст. 149, т. 11.
40. Там же ст. 58, т. 11.
41. Достоевский. «Дневник», ст. 271, т. 9.
42. Никитин, П. «Литературные попури», ст. 310, «Дело», №5, 1876.
43. Там же ст. 311.
44. Головин, К. «Русский роман и русское общество», ст. 321-22, СПб, Типография А. Пороховникова, 1897.

45. Достоевский. «Дневник», ст. 37, т. 11.
46. Достоевский. «Дневник», ст. 279, т. 9.
47. Там же ст. 384.
48. Достоевский. «Письма», ст. 142, т. 1.
49. Там же ст. 142.
50. Леонтьев, К. «Собрание сочинений», ст. 13, т. 9.
51. Там же ст. 305, т. 8.
52. Там же ст. 183, т. 8.
53. Там же ст. 384, т. 7.
54. Мережковский, Д. «Толстой и Достоевский», ст. 132.
55. Там же ст. 148.
56. Розанов, В. «Легенда о Великом Инквизиторе», ст. 260.
57. Там же.
58. Там же ст. 119.
59. Лосский, Н. «Достоевский и его религиозное мировоззрение», ст. 100.
60. Там же ст. 264.
61. Достоевский. «Письма», ст. 264, т. 2.
62. Достоевский. Пол. соб. соч., т. 1, «Биограф., письма и заметки», ст. 368.
63. Там же ст. 375.
64. Достоевский. «Дневник», ст. 328, т. 10.
65. Достоевский. «Дневник», ст. 522, т. 11.
66. Достоевский. «Дневник», ст. 198, т. 10.
67. Достоевский. «Дневник», ст. 199, т. 10.
68. Достоевский. «Дневник», ст. 211, т. 11.
69. Достоевский. «Дневник», ст. 359, т. 10.
70. Достоевский. «Дневник», ст. 368, т. 10.
71. Там же ст. 370.
72. Достоевский. «Дневник», ст. 423, т. 10.
73. Достоевский. «Дневник», ст. 40, т. 10.

Глава восьмая

1. Достоевский. «Письма», ст. 25, т. 2.
2. Там же ст. 161.
3. Там же ст. 142.
4. Достоевский. «Дневник», ст. 436, т. 11.
5. Достоевский. «Дневник», ст. 205-6, т. 9.
6. Там же ст. 51, т. 10.

7. Там же ст. 135.
8. Достоевский. «Дневник», ст. 89, т. 9.
9. Достоевский. «Дневник», ст. 37, т. 10.
10. Достоевский. «Письма», ст. 64, т. 2.
11. Достоевский. «Дневник», ст. 6, т. 9.
12. Достоевский. «Дневник», ст. 26, т. 11.
13. Достоевский. «Дневник», 153, т. 10.
14. Там же ст. 104.
15. Достоевский. «Дневник», ст. 495, т. 11.
16. Достоевский. «Зимние заметки о летних впечатлениях», ст. 95, т. 4. М. 1956.
17. Достоевский. «Дневник», ст. 37, т. 10.
18. Достоевский. «Дневник», ст. 147, т. 11.
19. Достоевский. «Письма», ст. 165, том 1.
20. Достоевский. «Дневник», ст. 23, т. 9.
21. Достоевский. «Дневник», ст. 204, т. 10.
22. Достоевский. «Дневник», ст. 23, т. 11.
23. Там же ст. 26.
24. Там же ст. 448.
25. Там же ст. 469.
26. Там же ст. 470.
27. Там же ст. 469.
28. Там же ст. 26.
29. Там же ст. 119.
30. Достоевский. «Дневник», ст. 245, т. 10.
31. Там же ст. 296.
32. Достоевский. «Дневник», ст. 40, т. 11.
33. Там же ст. 377.
34. Там же ст. 379.
35. Там же ст. 240-1.
36. Достоевский. «Дневник», ст. 223, т. 10.
37. Достоевский. «Дневник», ст. 8, т. 11.

Глава девятая

1. Достоевский. «Письма», ст. 108, т. 3.
2. Скабичевский, А. «История новейшей русской литературы», ст. 177.
3. Достоевский. «Материалы и исследования», ст. 377.
4. Леонтьев. «Владимир Соловьев против Данилевского», ст. 306, т. 7.

5. Леонтьев. «Речь «Достоевского на пушкинском празднике», ст. 169-173, «Варшавский Дневник», № 162, 1880 год.
6. Леонтьев. «Собрание сочинений», ст. 198-199, т. 8.
7. Леонтьев. Там же ст. 209.
8. Леонтьев. Там же ст. 214.
9. Горшков, А. «Проповедник нового слова», ст. 3, «Русское богатство», № 8, 1880 г.
10. Там же ст. 5-6.
11. Там же ст. 6.
12. Там же ст. 27.
13. Н. М. «Литературные заметки», ст. 125, «Отечественные записки», № 9, 1880 год.
14. Там же ст. 131.
15. Там же ст. 139.
16. Там же ст. 134-135.
17. Там же ст. 132.
18. Достоевский. «Пушкин», ст. 471, т. 11.
19. Белинский. «Соб. соч. в трех томах», т. 3, ст. 173, ОГИЗ, М., 1948.
20. Достоевский. «Дневник», ст. 446, т. 11.
21. 22. 33. Достоевский. «Пушкин», ст. 455, т. 11.
24. Достоевский. «Дневник», ст. 470, т. 11.

Того же автора :
«Афоризмы и высказывания Ф. М. Достоевского».
Мельбурн, 1961.

By the same Author :
"Aphorisms and observations by F. M. Dostoevsky".
Melbourne, 1961.